

НЕМЦЫ КАЗАХСТАНА И СИБИРИ

*История и
современные
проблемы развития*

Евразийский национальный университет
имени Л.Н. Гумилева
Сибирский филиал
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачева

**НЕМЦЫ КАЗАХСТАНА И СИБИРИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ**

*Материалы
Международной научно-практической конференции*

Москва
2017

УДК 069+39+93
ББК 63.3+63.5+79.1

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук И.А. Селезнева (гл. ред.),
канд. ист. наук М.Л. Бережнова (отв. ред.),
канд. ист. наук С.Р. Курманова (отв. ред.),
К.Ю. Гизиева (отв. ред.)

Н 507 Немцы Казахстана и Сибири: история и современные проблемы развития: материалы Международной научно-практической конференции / гл. ред. И.А. Селезнева; отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Р. Курманова, К.Ю. Гизиева. – М.: Институт наследия, 2017. – 198 с.

ISBN 978-5-86443-262-6

В сборник «Немцы Казахстана и Сибири: история и современные проблемы развития» вошли материалы Международной научно-практической конференции с одноименным названием. Авторами статей рассматриваются вопросы формирования и этноисторического развития немецкого населения, включая депортацию, трудовую армию, спецпоселения, а также современное состояние языка и культуры немцев. Кроме того, исследуются различные проблемы, связанные с развитием национальной школы у немцев и формированием немецких этнографических коллекций в музеях Казахстана и Сибири.

Сборник рассчитан на специалистов в области истории, этнографии, архивоведения, краеведения, музееведения и всех, кто интересуется историей и культурой немецкого народа.

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК в рамках научно-исследовательского проекта «Современные этнокультурные процессы в Казахстане (на примере немецкой диаспоры)», проект № 3600/ГФ4.

Статьи опубликованы в авторской редакции.

**УДК 069+39+93
ББК 63.3+63.5+79.1**

ISBN 978-5-86443-262-6

© Сибирский филиал Российского
научно-исследовательского института
культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачева, 2017

Содержание

<i>Абуов Н.А.</i> История депортированных немцев в Северо-Казахстанской области в годы Великой Отечественной войны (Депортация немцев, трудовая армия, жизнь в условиях спецпоселения).....	6
<i>Аманова А.С.</i> Изучение процесса депортации немецкого населения в Казахстан (на материалах Павлодарской области).....	15
<i>Атантаева Б.Ж., Ахметова Р.Д., Камалджанова Т.А.</i> История депортации немецкого этноса в Восточный Казахстан.....	22
<i>Аупенова А.У.</i> Участие контингента Карстроя НКВД СССР в строительстве Карагандинского угольного разреза № 4 (март 1943 г. – март 1944 г.).....	30
<i>Байманова Л.С.</i> Немецкий язык как возможность получения качественного образования.....	37
<i>Блинова А.Н.</i> Немецкая этнографическая коллекция Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: хранение, каталогизация, презентация.....	42
<i>Блялова А.С., Уалиева Г.К.</i> Из истории формирования первых немецких поселений в Центральном Казахстане.....	51
<i>Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.</i> Вклад немецких исследователей XVIII в. в изучение древних культур Восточного Казахстана.....	59
<i>Буданова Ю.П., Потянова И.А.</i> Панно «шпрух» – источник для изучения духовной культуры российских немцев.....	66
<i>Жанбосинова А.С.</i> Этнические чистки 1930-х годов в Восточном Казахстане.....	73

<i>Козыбаева М.М.</i>	
Этнодемографические процессы в городах Северного Казахстана в 1920–1930-е гг.	80
<i>Курманова С.Р.</i>	
Этнография питания немцев Сибири в отечественной и зарубежной историографии.....	108
<i>Кушкарова Г.К.</i>	
Языковая репрезентация особенностей образа жизни, истории, культуры казахстанских немцев (на примере произведений художественной прозы).....	116
<i>Легкий Д.М.</i>	
«Зачисляются на одногодичные курсы по немецкому языку согласно списка». Немцы, студенты Кустанайского учительского института Казахской ССР (1939–1941 гг.).....	124
<i>Отарбаева Г.К., Мусаева С.Т.</i>	
История изучения этнографии казахов немецкими исследователями во второй половине XIX – начале XX века.....	131
<i>Подопригора Ю.И.</i>	
История возникновения и формирования лютеранских общин в Казахстане.....	140
<i>Тохметова Г.М.</i>	
К вопросу о численности и расселении немцев, депортированных в Павлодарскую область Казахстана: возможности архивных источников.....	151
<i>Шарипов А.А.</i>	
О немцах Акмолинской области (история и судьбы людей).....	158
<i>Шмидт В.</i>	
Немецкая национальная школа Казахстана в 1920-е годы (по материалам Центрального Государственного архива Республики Казахстан).....	163
<i>Курманова С.Р.</i>	
Немецкие этнографические коллекции в собраниях Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья.....	173

<i>Шмидт В.</i>	
Состояние немецких конфессий Казахстана в послевоенный период: особенности политики партийных и советских органов в 1946–1960 годах.....	181
Сведения об авторах.....	195

Н.А. Абуов

*Казахстан, Петропавловск,
Северо-Казахстанский государственный
университет им. М. Козыбаева*

**ИСТОРИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НЕМЦЕВ
В СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(Депортация немцев, трудовая армия,
жизнь в условиях спецпоселения)**

Статья посвящена процессу депортации немцев в Северо-Казахстанскую область. В публикации на основе архивных фондов и воспоминаний спецпоселенцев реконструируется жизнь немцев в первые годы после депортации и их вклад в развитие области. В статье дана оценка репрессивной политике советского государства, оказавшей пагубное воздействие на судьбу немецкого этноса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, депортация, немцы, Казахстан, трудовая армия, спецпоселение.

Годы Великой Отечественной войны для СССР ознаменовались не только беспримерным напряжением всех государственных и народных сил в смертельной, но победной схватке с бесчеловечным и могучим агрессором, но и целой серией актов несправедливости, дискриминации и репрессий по отношению к части собственного населения. Одной из таких преступлений в годы войны стала депортация немцев. Депортация немцев была одной из крупномасштабных операций по переселению, так как этот этнос жил дисперсно на всей территории СССР. В СССР, по данным переписи 1939 г., насчитывалось 1 427 222 немцев,

из них в городах проживало всего лишь около 1/5 [1, с. 276].

Начало депортации немцев положил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев проживающих в районах Поволжья». Затем в период с конца августа по ноябрь 1941 г. были приняты подобные указы и постановления практически по всей территории СССР. Таким образом, немцев в СССР депортировали почти из всех районов большей или меньшей их концентрации.

В первом же указе о переселении немцев от 28 августа 1941 г. объяснялась и констатировалась причина депортации немцев. В частности, основной причиной являлось то, что: «среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». В его заключительной части говорилось о том, что: «Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности» [2, с. 159–160].

Переселение производилось целыми колхозами, а вселение предполагалось производить как в существующие колхозы, так и путем отдельного расселения на новом месте. Первые эшелоны с переселенцами в Казахстан стали прибывать с середины сентября 1941 г. Республике всего было выделено из резервного фонда СНК СССР на размещение переселенцев 38111000 руб., СНК КССР выделил 15 млн. рублей. Ответственность за проведение операции по приему и размещению спецпереселенцев возлагалась на председателя СНК КССР Ундасынова и секретаря ЦК КП (б) КССР Скворцова, а они, в свою очередь, определяли задачи областных и районных органов власти [3, с. 32].

В рамках СКО смета расходов на прием и размещение спецпереселенцев была определена в следующем документе:

Не подлежит оглашению

Смета

Операционных расходов Исполкома Северо-Казахстанского Областного Совета по приему и размещению спецпереселенцев по районам СКО.

Общие показатели сметы.

1. Количество спецпереселенцев, подлежащих размещению в Северо-Казахстанской области – 50800 человек.

2. Количество семей спецпереселенцев из расчета в среднем по 4 человека на семью – 12700 семей.

3. Операционные расходы:

А) почтово-телеграфные расходы по 2 руб. на семью \times 12700 = 25400 р.

Б) санитарная обработка по 3 руб. на семью \times 12700 = 38100 р.

В) расходы по командировкам из расчета 40 р. на семью \times 12700 = 50800 р.

Г) расходы по доставке спецпереселенцев в места вселения 40 р. \times 12700 = 50800 р.

Д) Питание 20 р. \times 12700 = 25400 р.

Итого по смете 876300 р. [4, л. 32].

Местные партийные органы на эти средства должны были обустроить спецпереселенцев, которые все прибывали в течение короткого периода времени. В условиях войны этих средств естественно было недостаточно. Не хватало не только денежных средств, но и материальных фондов, в первую очередь, жилья. В СКО предполагалось расселить из Республики немцев Поволжья 25 тыс. человек [1, с. 291].

Однако в связи с тем, что немцев депортировали практически из всех не оккупированных территорий СССР,

численность депортируемых менялась всю осень 1941 г. Местные органы власти не успевали осуществлять свои планы по размещению, которые были утверждены ранее. Большинство прибывших немцев расселялось в колхозы вышеуказанных районов. По воспоминаниям спецпереселенцев, они практически сразу были направлены на сельскохозяйственные работы по уборке урожая. Спецпереселенка М.В. Байдина вспоминает: «Работали, кто что мог: скирдовали, молотили, веяли – все вручную. А ночами возили хлеб на элеватор на быках и коровах с флагом и лозунгом «Все для фронта, все для победы!» [5, с. 273].

Материальное положение немцев-переселенцев было очень тяжелым, большинство колхозов не успевали собрать выращенное зерно, но спецпереселенцам под угрозой наказания не давали собрать даже остатки несобранного урожая. Положение немцев усугублялось отсутствием каких-либо личных средств для приобретения продуктов питания. Их имущество и скот оставлялись на условиях кредита со сроком погашения их стоимости в течение 7 лет. На этот счет Правительством СССР и СНК КазССР давались соответствующие указания о том, что «по линии Наркоматов мясомолочной промышленности и Земледелия обеспечить семьи спецпереселенцев скотом и выделить кредиты на хозяйственное обустройство» [6, с. 195]. Но в местах выселения получить за это компенсацию практически было невозможно.

Продовольственная проблема была острой для всей страны, но немцы, как и другие спецпереселенцы, вырванные из родных мест, лишенные средств к существованию, были затронуты этой проблемой еще больше. Речь шла о физическом выживании в условиях отсутствия даже того минимума, который имелся у местных жителей, располагавших хоть каким-то хозяйством [3, с. 38].

Из создавшейся ситуации немцы выходили сами путем найма на работу к местным жителям, женщины и подростки выполняли любую работу в хозяйстве «местных», чтобы получить хоть кусок хлеба. Местное население сочувствовало и понимало бедственное положение немцев, казахские семьи делились своими небогатыми запасами и предметами первой необходимости с вновь прибывшими. Об этом не раз писал в автобиографических произведениях Г. Бельгер, проживавший в селе Теренсай Октябрьского района.

Другой насущной проблемой депортированных немцев было их обеспечение жильем, эта проблема была не менее острой, чем обеспечение продуктами питания. В правительственном документе о потребностях жилищного строительства и хозяйственного обустройства переселенцев отмечалось: «...что для устройства немцев-переселенцев необходимо построить около 100 тыс. домов. В колхозах и совхозах районов вселения республики имеется 7266 свободных домов. ... Из 12 областей вселения только 6 северо-восточных областей имеют незначительные возможности заготовки леса из местных лесхозов, тогда как остальные 6 областей этой возможности совершенно не имеют» [6, с. 203].

Население Казахстана в условиях войны испытывало голод, болезни, тяжелое материальное положение. Однако для немцев это были не единственными испытаниями. До победы было еще далеко, а 1942 г. принес «местным» и прибывшим немцам новые испытания в виде Трудармии.

К формированию Трудармии ГКО приступили еще в сентябре 1941 г., когда строительные батальоны НКВД были реорганизованы в рабочие колонны с казарменным проживанием и лагерным распорядком. По существу, это и было началом формирования Трудармии. Если в двух первых наборах в Трудармию январском и февральском 1942

г. – речь шла исключительно о мужчинах призывного возраста от 17 до 50 лет, депортированных немцах, то во втором – уже о «местных» немцах. В третьем октябрьском наборе, призывались мужчины уже от 15 до 55 лет, а также о мобилизации подлежали женщины-немки. За неявку по мобилизации, отказ от работы или саботаж карали сурово, вплоть до расстрела. Изменение возрастного ценза мужчин, использование труда женщин, приводили практически к тотальной мобилизации и фактическому искоренению немецкого этноса через тяжелый физический труд.

Государственные постановления о трудовой армии коснулись и немцев, прибывших в Северный Казахстан, согласно этим постановлениям местное руководство начало реализацию этих решений на областном уровне. Так, Постановление бюро Северо-Казахстанского обкома КП (б) Казахстана от 27 октября 1942 года № 234-О «О мобилизации в рабочие колонны немцев на время войны» гласило: Во исполнение постановления Государственного Комитета Оборона от 7 октября 1942 года за № 2383 сс «О мобилизации в рабочие колонны на все время войны всех немцев, годных к физическому труду мужчин в возрасте от 15 до 55 летнего возраста и женщин от 16 до 45 летнего возраста, исключая беременных и имеющих детей до 3-х летнего возраста» [7, л. 76]. Бюро обкома партии предписывало секретарям райкомов, исполкомов райсоветов принять меры к недопущению расхищения лично принадлежащего мобилизуемым немцам скота и продовольствия. В случае же полной мобилизации немецкой семьи, принадлежащий им скот, продовольствие и другое имущество передавались колхозу в общественный сектор.

Документы СКГА, фонда 1646 показывают, что только за конец 1942 г. начало 1943 г. было мобилизовано несколько тысяч немцев. Списки дают основания считать, что мобилизация проводилась по «трем каналам»: по ли-

нии военкоматов, НКВД, а также органами местной власти сельсоветами и райисполкомами. Как правило, колонна от 10 до 100 человек прибывала в город, а затем шло «распределение». Список регионов и производств, где использовался труд мобилизованных немцев, был достаточно обширен, в основном это были тяжелые трудоемкие производства.

Немцы трудармейцы работали и в области, в частности, в Петропавловске было два объекта, где требовалась рабочая сила – это строительство ТЭЦ-1 и государственная строительного-монтажная контора (ГСМК-52) [8, л. 14].

Численность трудармейцев на возведении ТЭЦ-1 доходила к пуску ее первой очереди (15 июня 1943 г.) до 900 человек, а численность немцев в ГСМК-52 во время войны составила 150 человек, в основном, женщины. Они строили жилые дома, а также возводили корпуса, складские помещения для эвакуированных заводов. Работа на строительстве ТЭЦ-1 была исключительно тяжелой: практически не было никаких механизмов, машин, все делалось вручную. Особенно трудно приходилось землекопам, имеющим одно-единственное орудие труда – лопату. В архиве составлен именной каталог всех немцев, мобилизованных из районов области и отбывавших трудовую повинность в Петропавловске.

Положение немцев, направленных в другие места, было еще значительно хуже. Трудовая мобилизация жестоко отразилась на жизни спецпереселенцев, большинство из них погибали. Смерть косила людей в лагерях сотнями, там, где не происходили боевые действия. В целом по СССР за 1941–1945 годы только в местах спецпоселения умерло 24187 немцев, в то же время число погибших в трудовых лагерях исчисляется сотнями тысяч [3, с. 138–139].

Мобилизация немцев в Трудармию давала не только экономический эффект, а оборотной стороной медали этой мобилизации стали огромные демографические потери немецкого этноса. В период войны труд этих людей не был оценен и был предан забвению после войны. Руководители государства считали, что немцы должны были искупить свою вину, подобное мнение вдалбливалось советской пропагандой и в общество. В вину же вменялось недоносительство о наличии «тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов» и просто то, что они являлись немцами.

Таким образом, в течение войны немцы испытали все тяготы своей депортации. Их положение оказалось самым тяжелым среди других депортированных народов, так как их судьба неправомерно, но последовательно зависела от отношений между СССР и Германией, от хода войны. Лишь победа СССР могла смягчить их положение и жизнь в Казахстане, но советские власти не спешили принимать решения по изменению жизни спецпереселенцев.

Однако и победа в ВОВ не решила проблем депортированных народов. Политический статус и положение советских немцев оставались такими же, как и в момент депортации. Неопределенность своего будущего, морально-психологическая подавленность, материальная необустроенность, потребительское отношение властей сопровождало немцев, выживших в условиях жестоких репрессий, и после войны. В дальнейшем советская «реабилитация» не восполнит тех физических и моральных потерь, которые понесли немцы в годы репрессий. В целом, советские немцы на десятилетия будут выключены из многих процессов развития как полноценный социум и окажутся на грани физического и духовного уничтожения.

Источники и литература

1. Сталинские депортации 1928–1953 гг. / сост. А.Н. Яковлев, Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М., 2005.
2. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост. В. Ауман, В.М. Чеботарева. – М., 1993.
3. Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане 1941–1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. – Усть-Каменогорск, 1997.
4. Северо-Казахстанский государственный архив (далее – СКГА). Ф. 1189. Оп. 1. Д. 984. 5. Трагедия и прозрение : сб. архивных документов и воспоминаний жертв голода и политических репрессий. – Петропавловск, 2002.
6. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы, 1998.
7. СКГА. Ф. 22 – П. Оп. 3. Д. 205.
8. Там же. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 91.

А.С. Аманова

Казахстан, Павлодар,
государственный педагогический институт

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ДЕПОРТАЦИИ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КАЗАХСТАН (на материалах Павлодарской области)

Статья посвящена вопросам насильственного переселения немцев на территорию Павлодарской области в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено данным Государственного архива Павлодарской области, в которых имеются сведения о мероприятиях по приему, размещению и хозяйственному устройству депортированных народов.

Ключевые слова: депортация народов, насильственное переселение немцев, спецпереселенец, спецпоселение.

Великая Отечественная война, развязанная гитлеровской Германией, перечеркнула будущее советских немцев, им пришлось во многом принять на себя всю накопившуюся ненависть к фашистским захватчикам. На какое-то время слова «немец» и «фашист» стали синонимами.

Одной из значительных вех в формировании немецкой диаспоры в Казахстане стал печально известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Из Указа известно, что вопрос о массовой депортации немцев стал на повестку в первые месяцы войны. В документе приводится следующее обоснование начала депортации немецкого населения. «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, просиживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по

сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти. В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии, немецкими диверсантами и шпионами в Республике немцев Поволжья и прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения. Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем, чтобы переселяемые были наделены землей, и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землей районы Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности» [1]. В указе было заявлено, что на территории компактного проживания поволжских немцев находятся десятки тысяч диверсантов и шпионов, готовых начать саботаж по сигналу из Германии. Все немцы Поволжья обвинялись в пособничестве врагу, несмотря на то, что никаких доказательств существования вражеской агентуры представлено не было. Тем не менее, указ предусматривал обязательное перемещение всех лиц немецкой национальности, проживающих в Поволжье, в другие районы. Таким образом, Советское правительство предъявляет обвинения в измене поволжским немцам, в то же время спецпереселенцам была обе-

щана государственная помощь. Рассматривая данный указ, можно невооруженным взглядом выявить противоречивые моменты процесса депортации.

Депортации подверглись практически все лица немецкой национальности: ссылались волжане, москвичи, немцы с Украины, Кавказа, были отозваны с фронта офицеры и солдаты. Немцы явились самой крупной национальной группой из всех подвергнутых насильственному переселению. Всего в 1941–1942 гг. было переселено 1209430 немцев [2]. Из них в период войны в Казахстан было депортировано свыше 420 тыс. человек немецкого населения. На 5 января 1942 года в республике было уже 382102 человека, в Павлодарской же области – 5353 человека [3].

Подготовка к приему спецпереселенцев-немцев в республике шла заблаговременно. По Постановлению Совнаркома КазССР и ЦК КП(б) Казахстана от 26 августа 1941 года «По приему переселенцев-немцев из Саратовской, Сталинградской областей и Республики немцев Поволжья» в областях Казахстана создавались областные штабы для приема, размещения и устройства переселенцев-немцев [4]. В Постановлении Павлодарского облисполкома и бюро Павлодарского обкома КП(б)К «О мероприятиях по приему, размещению и хозяйству переселенцев-немцев» от 2 сентября 1941 года был утвержден план расселения по районам и совхозам области переселенцев, исполкомам райсоветов и РК КП(б)К было разрешено для размещения переселенцев использовать дома Переселенческого управления [5, л. 263, 236об.]. Однако областные организации к приему и расселению немцев-переселенцев оказались не готовы. Выстроенные для плановых переселенцев дома, еще до их прибытия, были переданы для размещения эвакуированного населения из западных районов страны.

В связи с таким непредвиденным большим количеством переселенцев местные власти разместили 4008 человек во временных общежитиях. В том числе на левом берегу реки для Иртышского района 1758 человек, на станции Купино для Урлютюбского района – 500 человек, в городе Павлодаре для Максимо-Горьковского района 1750 человек [6, л. 8об.]. Политика государства была направлена на размещение спецпереселенцев-немцев в сельской местности. Таким образом, предпринималась попытка восполнить нехватку сельских трудовых ресурсов. В постановлении ГКО от 6 сентября 1941 года «О переселении немцев из Москвы, Московской области и Ростовской области» отмечалось: «Расселение в новых местах производить путем вселения в существующие колхозы и совхозы и расселения переселяемых на новом месте, с использованием всех пустующих строений в сельских местностях. Городских жителей расселять в районных центрах и других городах, кроме областных» [7]. Таким образом, основными принципами расселения прибывших немцев были: направление в существующие колхозы, совхозы и во вновь создаваемые колхозы республики.

Выполнить установки Центра по размещению такого огромного количества депортированных немцев на местах было практически невозможно. Прекращение навигации по Иртышу и отдаленность железных дорог, а также произвол местных властей поставили депортированных немцев на грань голода и вымирания. Из районов, города Павлодара в облысполком шли письма с просьбой отпустить фонды на хлеб, одежду. Исполком Кагановического райсовета сообщает, что «416 человек переселенцев-немцев нашего района остро нуждаются в хлебе, не имеют никаких источников для дальнейшего существования, колхозы в которых они находятся, не имеют возможности содержать их». Начальник политотдела совхоза «Калининский» Пан-

кратов сообщал Павлодарскому обкому следующее: «...Немецкое население в количестве 298 человек, из них 166 человек детей в возрасте от 3 до 12 лет, находятся в чрезвычайно тяжелом состоянии, многие семьи абсолютно лежат пухлые с детьми из-за неимения хлеба и других видов питания. То, что они имели возможность производить обмен из вещей личного пользования на продукты питания в колхозах в течение полутора лет, вышло. Люди питаются только из 600 гр. пайка, да и то не все, только те, которые работают. В совхозе имеется около 42 семей из немецкого населения, которые крайне нуждаются в помощи, они раздетые, разутые и до крайности истощены, к работе непригодны. Местные власти в марте пошли уже на то, что раздали тонну мяса из вынужденно забитого скота, что является преступлением...» [8, л. 16].

По мере освобождения оккупированной гитлеровцами территории продолжалось выселение представителей депортированных народов. В первую очередь это коснулось опять-таки немецкого населения. В 1944–1945 гг. из освобожденной территории Украины, Белоруссии и Прибалтийских стран выселялось немецкое население, проживавшее там с довоенных времен. Все они, хотя и составляли небольшое количество, были направлены для постоянного проживания в районы Сибири и Казахстана. К концу 1945 года в Казахстане дополнительно было размещено около 9 тыс. семей немцев из западных районов страны [3, с. 2]. Причем наибольшее количество мобилизованных немцев приходилось на Северо-Казахстанскую, Павлодарскую и Восточно-Казахстанскую области.

Нужно отметить, что в период переселения немцев создалась неблагоприятная политическая обстановка, явившаяся следствием их тяжелого материально-бытового положения. Инструкцией по приему и устройству немцев была предусмотрена выдача им скота для личного пользо-

вания путем обменных операций взамен предъявляемых переселенцами именных квитанций. Однако, как свидетельствуют документы, «подавляющее большинство их приехало без соответствующего оформления о сдаче ими как средств производства, так и продовольствия государству» [4, с. 109].

Тяжелое материальное положение явилось причиной «оживления антисоветских настроений, распространения различных слухов, пораженческой агитации, разлагательской работы в колхозах» и в связи с этим КП(б) Казахстана обязывает все партийные организации: «обратить особое внимание на политическую работу в колхозах, где имеются и куда прибывают немцы-переселенцы и обеспечить проведение политической работы среди них» [4, с. 103–104].

Однако, как известно, решение Центра о выселении немцев Поволжья не имело никакой фактической основы. В архивах не выявлено материалов, свидетельствующих о «сообщениях военных властей и других сигналов о наличии в районах Поволжья тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов», готовых по команде Германии превратить немецкое население СССР в «пятую колонну».

29 августа 1964 года за подписями А.И. Микояна и М. Георгадзе был принят еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР, который в частности реабилитировал советских немцев.

Жизнь показала, что эти обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвовал в развитии государства. Граждане немецкой национальности добросовестно трудились на предприяти-

ях, в совхозах, колхозах, в учреждениях, активно участвуя в общественной и политической жизни. Через 19 лет после окончания войны и 11 лет после смерти Сталина, позорящий немцев Указ был отменен.

Источники и литература

1. Из истории немцев Павлодарского Прииртышья / сост.: В.Д. Болтина, Л.В. Шеведева – Павлодар, 2015.
2. И. Сталин – Л.Берия: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. – М., 1992. – С. 42–49.
3. Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е.К. Депортация народов – преступление тоталитарного режима. – Алматы, 1997.
4. Из истории немцев Казахстана (1921–1975) : сб. док. – Алматы; М., 1997.
5. Государственный архив Павлодарской области (далее – ГАПО). Ф. 486. Оп. 1. Д. 35.
6. Там же. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 245.
7. История российских немцев в документах (1963–1992 гг.) / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М., 1994. – Т.1.
8. ГАПО. Ф. 3-п. Оп. 1. Д. 243.

Б.Ж. Атантаева

*Казахстан, Семей
государственный университет им. Шакарима*

Р.Д. Ахметова

*Казахстан, Семей
государственный университет им. Шакарима*

Т.А. Камалджанова

*Казахстан, Астана
Финансовая академия*

ИСТОРИЯ ДЕПОРТАЦИИ НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА В ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН

В статье рассмотрена история появления немецкого этноса на территории Восточного Казахстана, процесс депортации, спецпоселения советских немцев как составная часть политики советского государства, его репрессивной составляющей.

Ключевые слова: этнос, миграция, депортация, спецпоселение, историческая память.

Различные этносы, проживающие в Казахстане, имеют свою историю, в которой тесно переплелись и трансформировались в единую целостность часть истории их исторической родины и истории Казахстана, который для них стал не просто местом временного проживания, здесь они обрели родину для себя и своих потомков.

К началу XX в. одной из самых крупных этнотерриториальных общин на территории Казахстана стали немцы. Массовое переселение немцев в Казахстан началось в 80-х гг. XIX века. Речь идет о немецких колонистах, покинувших свои материнские колонии в Поволжье и южной Украине, в первую очередь вследствие введения всеобщей воинской повинности в России, и поселившихся в тогдaш-

нем Туркестане [1, с. 8]. Первое поколение мигрантов было представлено военнослужащими, врачами, священнослужителями, гражданскими чиновниками, лицами свободных профессий [2, с. 164].

Позже, в конце XIX века, в Казахстан стали более интенсивно мигрировать немецкие семьи из урбанизированных слоев населения Европейской России, Германии и Австро-Венгрии, которые расселились практически на всем его географическом пространстве. Материалы первой Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г. зафиксировали на территории региона 2613 немцев и почти 544 тыс. славян на фоне абсолютно доминировавших казахов-кочевников (3,4 млн чел.) [3, с. 239].

В Семипалатинскую область немецкие крестьяне стали мигрировать только с 1907 г. после принятия известных законов о расширении переселенческих прав. С этого времени в пределы Павлодарского уезда почти ежегодно прибывали десятки семей немецких колонистов из меннонитских волостей Таврической и Екатеринославской губерний. С 1907 по 1910 гг. они основали там 7 меннонитских поселков: Константиновский, Васильевский, Борисовский, Заборовский, Надаровский, Аввакумовский и Новоивановский, в которых проживало 783 семьи общей численностью 5034 чел. [3, с. 251].

С 1900 по 1910 гг. немецкие колонисты лютеранской конфессии и адвентисты основали также 4 небольших поселения на Рудном Алтае, расположенных недалеко от Усть-Каменогорска в Александровской волости Змеиногорского уезда Томской губернии. Это были села Кенюхово (1902), Пруггерово (1908), Гнаденфельд, или Горкуново (1909) и Америка, получившие свои названия в основном по фамилиям их основателей. Почти одновременно с ними на левом берегу Иртыша, в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области, несколько других немецких семей ос-

новали село Екатерининку. Кроме того, свыше 80 немцев поселились в это время совместно с русскими переселенцами в селениях Сухая Балка и Зеленое того же уезда [3, с. 252].

По некоторым данным, перед Первой мировой войной на территории Казахстана проживало примерно 63000 немцев. Если быть точнее, то перепись 1920 г. зафиксировала увеличение общей численности немецкого населения Казахстана до 62760 чел. По данным Карла Штумппа, по состоянию на 1928 г. на территории Казахстана насчитывалось порядка 150 немецких поселений [4, с. 61]. Это была наиболее образованная часть населения, занимающая активную жизненную позицию в хозяйственной, культурной и духовной жизни общества. Исследователь Н. Бычков писал, что в 1890 г. уровень грамотности у немецко-переселенцев-колонистов в Самарском уезде достигал 74% при средней грамотности населения в уезде – 6,8%. В Таврической губернии грамотность у колонистов достигала 63% при средней грамотности 11,8% [1, с. 9]. В социальном отношении, большинство немцев было представлено крестьянами (85%), 8% являлись мещанами и 3,7% – дворянами [3, с. 239].

События общественно-политической жизни 1920–1930-х годов в СССР характеризуются усиливающимся идеологическим противостоянием и поиском внутренних «врагов». Казахстанский историк, академик М.К. Козыбаев утверждает, что с конца 1930-х гг. Казахстан стал превращаться в «сталинскую тюрьму народов», «гигантский ГУЛАГ СССР» [5, с. 238].

Важным является то, что в историческом прошлом следует искать примеры согласия и сотрудничества. История доказала, что казахи всегда были миролюбивыми, гостеприимными ко всем народам и национальностям, которые в силу разных обстоятельств, в том числе и трагиче-

ских, были переселены в Казахстан. Казахстан стал родным краем для многих из них, в том числе и советских немцев, судьба которых сложилась *особенно драматично*. Казахский народ принял их боль как свою собственную, и это навеки стало нравственным мерилом отношений между людьми разных этносов в нашей стране.

С 1941 г. начался самый тяжелый период в жизни советских немцев, им пришлось принять во многом на себя всю накопившуюся народную ненависть к фашистским агрессорам. Из опасения, что советские немцы могут стать «пятой колонной Германии», президиум Верховного Совета СССР принимает Указ о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья. Высылались они в Сибирь и Казахстан.

Таким образом, одной из самых значимых вех в формировании немецкой диаспоры в Казахстане стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [6, с. 6–7], согласно которому все немецкое население Поволжья обвинялось в пособничестве фашистам [3, с. 62]. В документе говорилось: «Переселению подлежат все без исключения немцы – как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ» [7, с. 22].

Общую численность депортированных в Казахстан назвать сложно, она постоянно менялась из-за огромной смертности, новых поступлений. К началу 1953 года число всех спецпоселенцев составило 988,3 тыс. человек, или 35,9% общего числа спецпоселенцев на территории СССР [8, с. 60].

Процесс депортации немецкого населения на территорию Восточного Казахстана в 1941–1942 гг. осуществляется двумя крупными очередями. Первая очередь в составе 15331 чел. прибыла в середине – конце сентября 1941 г.

Это были немцы, выселенные из г. Сталинграда, Сталинградской области, Астрахани [9, с. 39].

Вторая очередь немцев-переселенцев прибыла в ВКО в октябре – ноябре 1941 г., ее численность составила 12 тыс. чел. По данным РО НКВД, в сентябре 1941 г. в Шемонаихинском районе проживало 230 немецких семей, 992 чел. Они размещались в основном в немецких селениях: Пруггерово, Горкуново, Америка, Кенигово. Следует отметить, что при размещении немцев старались направлять в те населенные пункты, где немецкое население отсутствовало вообще или, где процент его был незначителен. В немецкие села немцы направлялись в ограниченном количестве. Большая концентрация немцев в отдельных населенных пунктах не допускалась. Наибольшее количество немцев – 450 чел. было расселено в с. Шемонаиха, кроме того, значительное число немцев было направлено в село Спасское, Шемонаихинский и Михайловский свиноводхозы. Точных данных о размещении немцев из состава второй очереди нет.

В Предгорненском районе было размещено около 2 тыс. немцев, порядка 3 тыс. переселенцев было направлено в Лениногорский район, около 1,5 тыс. – в Уланский. По Верх-Убинскому району данные более точные, здесь было расселено 314 семей, 1248 немцев [9, с. 41].

Всего в 1941–1942 гг. в республику было переселено 1209430 немцев. На 5 января 1942 г. их количество составило 382 102. Из них в Восточно-Казахстанской области было расселено – 28 069 чел., в Семипалатинской – 39 196 [10, с. 142].

Депортация немцев в республику продолжалась все последующие военные годы из западных районов по мере их освобождения от оккупации. По статистическим данным Центрального государственного архива Республики Казахстан, на которые ссылается К.С. Алдажуманов, об-

щее количество депортированных в республику немцев в военные годы составило 462 тыс. чел. По тем же данным к концу 1945 года из них осталось 300 тыс. 600 чел. В годы войны в Казахстане в трудовую армию было мобилизовано около 60 тыс. немцев [11, с. 16].

Долгое время отношение к депортированным немцам со стороны власти было крайне предвзятым. И реабилитированы они были позже других спецпереселенцев: если депортированные чеченцы, крымские татары, ингуши могли беспрепятственно возвращаться в родные места в 1950-е годы, то немцы только в 1974 году. Подтверждением этому служит указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, в котором сообщалось: «...депортированные народы, в том числе немцы, переселены в отдаленные районы Советского Союза... навечно, без права возврата их к прежним местам жительства» [12, с. 76–77].

Несмотря на это, находясь не только в тяжелых физических, но и прежде всего моральных для народа условиях, немцы не потеряли своих традиционных черт – трудолюбия, дисциплинированности, порядочности, чувства ответственности, прежде всего, перед собой, и сохраняли в семьях, насколько это было возможно, язык и традиции.

Источники и литература

1. Штрек В.К. Немцы (страницы истории и сегодняшний день). – Алматы, 1999.
2. Камалджанова Т. Из истории формирования диаспор Восточного Казахстана во II половине XIX века // Аманжоловские чтения – 2007 : материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Усть-Каменогорск, 2007. – Ч. 7. – С. 162–165.

3. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н., Ерофеева И.В., Масанов Н.Э. История Казахстана народы и культура. – Алматы, 2000.

4. Бургарт Л.А. Немецкое население Казахстана в конце XIX–XX вв.: основные этапы этнодемографического развития (по материалам всеобщих переписей населения) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях : материалы V Междунар. науч.-практич. конф. – Усть-Каменогорск, 2004. – С. 59–81.

5. Козыбаев М.К. Немцы Советского Казахстана: факты и действительность / История Казахстана: белые пятна : сб.ст. / сост. Ж.Б. Абылхожин. – Алма-Ата, 1991.

6. Колосов А.В. Прошлое и настоящее немецкой диаспоры в Казахстане : метод. указания по спецкурсу «История формирования многонационального общества Казахстана. – Алматы, 1998. – Ч. 1. – С. 1–26.

7. Омаров М., Какен А. Познание себя к вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане. – Алматы, 1998.

8. Алексеенко А.Н. Республика в зеркале переписей населения // Социс. – 2001. – №12. – С. 58–61.

9. Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и положение в условиях режима спецпоселения : дисс. ... канд. ист. наук. – Усть-Каменогорск, 2000.

10. Аманова А. Динамика численности и география расселения депортированных народов в Казахстане // Поиск. – 2006. – № 3. – С. 141–145.

11. Алдажуманов К.С., Анес Г.И., Валиханов Э.Ж. Депортированные в Казахстан народы: история и судьбы. – Алматы, 1998.

12. Ешпанова Д.Д. Роль исторической памяти в социокультурном развитии этносов Казахстана // Историче-

ская память как источник конструирования казахстанской идентичности : материалы 4-й науч.-практич. конф. Научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы. – Алматы, 2016. – С. 76–77.

А.У. Аупенова

*Казахстан, Караганда,
технико-строительный колледж*

**УЧАСТИЕ КОНТИНГЕНТА КАРСТРОЯ НКВД СССР
В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАРАГАНДИНСКОГО
УГОЛЬНОГО РАЗРЕЗА № 4
(март 1943 г. – март 1944 г.)**

В настоящей статье в сжатой форме дается информация о мобилизации трудовых ресурсов на строительство объектов оборонного и промышленного значения на территории Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны. Данный процесс рассматривается на конкретном примере – строительстве Карагандинского угольного разреза № 4. Важность и необходимость создания подобного рода предприятия подчеркивается, в частности, скоростью его строительства. На основе использованного статистического материала в возведении этого стратегически важного объекта показывается участие немцев как одной из составляющих частей контингента НКВД СССР.

Ключевые слова: разрез, лагерные отделения, контингент, немцы, трудмобилизованные.

Во исполнение постановления № 3013с от 9 марта 1943 г. «О развитии и добыче угля открытым способом в Карагандинском угольном бассейне» приказом № 00486 НКВД СССР от 16 марта 1943 г. было организовано Управление строительства Карагандинского угольного разреза № 4 и исправительно-трудового лагеря Народного Комиссариата внутренних дел СССР (Карстрой НКВД СССР) с годовой мощностью 1,5 млн тонн вместе с подъездными путями, отвальным хозяйством и подсобными сооружениями. Разрез – предприятие, где в отличие от шахтного подземного способа добычи угля, работы ведутся на открытом воздухе. Земля, покрывающая угольный пласт,

«разрезается», т.е. удаляется и увозится. Уголь добывается с помощью экскаваторов. Ими же он погружается в железнодорожные вагоны [1, с. 151].

Приказом по управлению № 2 от 22 апреля 1943 г. было организовано три строительно-лагерных отделения, подчиненных непосредственно управлению:

- Строительно-механизированное отделение № 1.
- Автостроительное отделение № 2.
- Железнодорожно-строительное отделение № 3.

Строительство угольного разреза, возложенное Государственным Комитетом Обороны на НКВД СССР, осуществлялось силами контингента исправительно-трудовых лагерей (Алтайлаг, Печерлаг, Приволжлаг, Севдвинлаг, Широлаг НКВД СССР), мобилизованных трудпереселенцев, интернированных немцев, вольнонаемных и завершилось в основном в марте 1944 г. с мощностью добычи четырех тысяч угля в сутки. Приказом управления № 110 от 22 марта 1944 г. в связи с окончанием строительства угле-разреза № 4 оно было реорганизовано [2, с. 44–45].

На основе архивных данных – ежемесячных статистических отчетов Управления строительства угольного разреза № 4 НКВД СССР за период июль–декабрь 1943 г. – составлена таблица показателей трудового фонда. Данные таблицы 1 позволяют провести объективный анализ количественного соотношения групп трудового использования к рекомендуемым лимитам (см. таб. 1).

Трудовой фонд угольного разреза № 4 (июль–декабрь 1943 г.)

Показатели	Период												
	1943 год												
	июль		август		сентябрь		октябрь		ноябрь		декабрь		
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%		
Группа А	Заключ.	2189	34	2276	36	2153	36	2170	37	2115	37	2044	37
	Трудмоби-лизов.	4074	63	3960	62	3715	62	3288	56	2728	48	2492	45
	Немцы	163	3	166	2	167	2	456	7	877	15	1057	18
Всего	6426	100	6402	100	6035	100	5914	100	5720	100	5593	100	
Группа Б	Заключ.	225	48	246	51	269	50	280	51	263	46	258	44
	Трудмоби-лизов.	226	49	219	46	249	47	234	43	229	40	245	42
	Немцы	15	3	16	3	17	3	35	4	75	14	84	14
Всего	466	100	481	100	535	100	549	100	567	100	587	100	
Группа В	Заключ.	422	80	436	79	471	75	477	71	521	76	580	75
	Трудмоби-лизов.	101	19	114	20	154	24	185	27	124	18	113	15
	Немцы	4	1	2	1	3	1	10	2	40	6	83	10

Показатели		Период											
		1943 год											
		июль		август		сентябрь		октябрь		ноябрь		декабрь	
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Всего	527	100	552	100	628	100	672	100	685	100	776	100	
Заключ.	38	79	19	83	21	91	26	62	37	57	34	51	
Труدمобилизов.	10	21	4	17	2	9	13	31	20	31	17	25	
Немцы	-	-	-	-	-	-	3	7	8	12	16	14	
Всего	48	100	23	100	23	100	42	100	65	100	67	100	
Заключ.	4	80	5	38	7	28	8	50	10	59	14	18	
Труدمобилизов.	1	20	8	62	16	64	6	38	5	29	17	22	
Немцы	-	-	-	-	2	8	2	12	2	12	45	60	
Всего	5	100	13	100	25	100	16	100	17	100	76	100	
Итого	7472	100	7471	100	7246	100	7193	100	7054	100	7099	100	

Сост. по: Ауленова А.У., Тарасов С.П. Состояние трудового фонда при строительстве угольного разреза № 4 ГУЛЖД НКВД СССР // Новые имена и факты в истории массовых политических репрессий в Казахстане и Западной Сибири в 1920–1950-х гг. – Астана, 2017 – С. 215–216.

Из данных таблицы, характеризующей состояние трудового фонда лагеря за июль–декабрь 1943 г. следует, что за анализируемый период происходили изменения в количественном составе занятых как в производственных, так и в обслуживающих процессах. Структурные изменения затронули все группы, при этом заметно сократилось количество группы «А» (контингента, занятого на основных работах (производстве, строительстве и проч.) на 833 человека (12,96%). Это произошло по причине сокращения численности трудмобилизованных на 1 582 человек (38,83%) на фоне увеличения количества немцев на 894 человека (в 5 раз), которые были привлечены для поддержания стабильности показателей, как того требовали сжатые сроки запуска производственных мощностей строительства угольного разреза № 4 для нужд фронта.

Заметно повысился количественный показатель немцев в группе «Б», включающий в себя обслуживающий персонал и управленческий аппарат на 69 человек в (5,6 раза).

Принимая во внимание корректирующие мероприятия руководства, ситуация в лагере оставалась сложной из-за увеличения численности неработающего контингента по причине болезни и нетрудоспособных (группа «В») почти в 21 раз и группы «Г» (неработающего контингента по разным другим причинам (например, помещенные в карцер или «отказчики») в 5 раз.

В приказе начальника управления строительства угольного разреза № 4 НКВД СССР Успенского Д.В. № 0-304 от 4 октября 1943 г. «Об организации при 3-м отделении рабочей колонны из мобилизованных немцев» говорится: «В соответствии с разъяснением ОУРЗ ГУЛАГа НКВД СССР от 17.IX – с. г. (сего года) за № 42/101884 мобилизованных райкомендатурами НКВД Казахской ССР рабочих по национальности – немцев, работающих на

строительстве свести в одну рабочую колонну при 3-м отделении, присвоив ей № 52.

Начальнику 1-го отделения т. Титову и 2-го отделения т. Савицкому всех работающих в отделении немцев (за исключением колонны № 32) в суточный срок передать 3-му отделению.

Начальнику 3-го отделения т. Борисову взамен передаваемых к нему немцев откомандировать такое же количество трудмобилизованных других национальностей.

Начальнику ОК (отдела кадров) майору госбезопасности т. Покровскому все имеющиеся документы по учету трудмобилизованных рабочих – немцев передать в ОУРЗ.

Начальнику 3-го отделения т. Борисову на рабочей колонне мобилизованных немцев установить режим содержания, довольствия и питания в соответствии с приказами НКВД СССР» [3, л. 41].

В данной статье на одном отдельно взятом примере – Карагандинском угольном разрезе № 4 – показано участие и вклад немцев в укрепление обороноспособности Советского государства в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Солдатова О.Н. Вклад инженерно-технических работников Карагандинской экспедиции ГУЛЖДС НКВД СССР в освоение нового угольного бассейна в годы Великой Отечественной войны. 1943 г. // Человек в истории: источники о научной и инженерно-технической интеллигенции Казахстана. 1920–1950-е гг. : материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Алматы, 21 апреля 2017 г.). – Алматы, 2017. – С. 136–153.

2. Аупенова А.У. Развитие угольной промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны на примере строительства разреза в Карагандинском угольном бассейне.

не // Вопросы исторической науки : материалы III между-
нар. науч. конф. (Москва, январь 2015 г.). – М., 2015. – С.
43–48.

3. Государственный архив Карагандинской области. Ф.
108. Оп. 2. Д. 5.

Л.С. Байманова

Казахстан, Кокшетау,

государственный университет им. Ш. Уалиханова

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье представлена краткая информация о преподавании немецкого языка в Кокшетауском государственном университете им. Ш. Уалиханова.

Ключевые слова: немецкий язык, университет, специалисты, Германия.

Взаимное культурное, политическое и экономическое сотрудничество государств является на современном этапе определяющим направлением на пути развития человечества. Единое образовательное пространство, созданное на основе Болонского процесса, предъявляет сегодня особые требования к изучению иностранных языков.

И в этой связи президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своих выступлениях и трудах уделяет особое внимание вопросам языковой политики, языкового строительства и, в частности, развитию уникального культурного проекта «Триединство языков», реализующего изучение казахского языка как государственного, русского – как языка межнационального общения и английского – как языка успешной интеграции в глобальную экономику. При этом ни в коем случае не умаляется роль языков многочисленных этнических меньшинств, проживающих на территории нашей республики, и в частности, немецкого.

2017 год является юбилейным и посвящен 25-летию установления дипломатических отношений между Респуб-

ликой Казахстан и Федеративной Республикой Германия. Среди стран Европы Германия входит в десятку ведущих иностранных инвесторов в экономику Казахстана и в пятерку ведущих торговых партнеров нашей республики. Подтверждением доверительных и конструктивных казахстанско-германских взаимоотношений служит выступление главы государства Н.А. Назарбаева во время официального визита в Германию с докладом на тему «Казахстан – ключевой партнер Германии в центрально-азиатском регионе» [1, с. 3], а также успешная реализация инициативы «Назарбаев-Меркель» по внедрению германской модели т.н. дуального профессионально-технического образования в Казахстане [2].

Привлекательность того или иного иностранного языка связана, прежде всего, с экономическим потенциалом говорящих на нем людей. Так, Германия, где уже давно на высоком уровне реализуются научные и образовательные стандарты, является притягательным центром для молодежи из многих стран мира, в том числе и из Казахстана. Соответственно распространению немецкого языка и культуры в нашей республике способствуют различные государственные программы по обмену студентов и преподавателей, образовательные гранты и стипендии, позволяющие повысить уровень профессиональной подготовки молодых специалистов.

К одной из солидных образовательных организаций с более чем полувековой традицией (с 1962 г.) по подготовке учителей немецкого языка относится Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова. Эта деятельность вносит свой значительный вклад в обеспечение конкурентоспособных немецкоязычных кадров не только для Акмолинской области на севере Казахстана, но и для всей республики. За солидный период существования факультета иностранных языков в университете было подго-

товлено более 2500 специалистов немецкого языка, свыше 900 специалистов немецкого языка и литературы и 40 переводчиков. Кадровый потенциал, материально-техническая база, традиции и тесные связи со страной изучаемого языка позволяют коллективу кафедры иностранных языков готовить высококвалифицированных специалистов.

В текущем учебном году при поддержке Ассоциации общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» (АООНК) нашему университету были выделены целевые гранты на полный курс обучения (четыре года) по специальности «Иностранный язык: два иностранных языка (немецкий, английский)» молодым людям немецкой национальной принадлежности. Такая поддержка, безусловно, стимулирует еще большее количество коренных представителей немецкого народа изучать родной язык и культуру. Ребята, получившие гранты и приехавшие из разных регионов к нам на обучение, с удовольствием посещают занятия и уже строят дальнейшие планы.

Слава о подготовке специалистов немецкого языка в нашем университете всегда была известна не только в Казахстане, но и за его пределами. Нынешние студенты достойно продолжают традиции и ежегодно занимают призовые места на Республиканских студенческих олимпиадах в Алматы, выигрывают стипендии ДААД (Германская служба академических обменов) и Гете-института, выезжают на длительные стажировки по программе ЛОГО (Сельское Хозяйство и Экологическое равновесие с Восточной Европой). Так, за последние пять лет наши студенты заняли 9 призовых мест на олимпиадах и выиграли более 30 образовательных стипендий ФРГ.

Фото. 1. Методический семинар для студентов и преподавателей немецкого языка под руководством мультипликатора Гете-института Н. Козловой

Такие отличные показатели являются результатом слаженной работы профессионального коллектива преподавателей немецкого языка (3 кандидата филологических наук, 1 PhD и два магистра образования), а также тесного сотрудничества с филиалом Гете-института в г. Алматы, который ежегодно обновляет книжный фонд кафедры современной учебной и художественной литературой, аудио- и видеоматериалами.

Выпускники нашей специальности работают не только в общеобразовательных школах и ВУЗах Казахстана, но также в немецко-казахстанских фирмах, авиакомпаниях, гостиничных комплексах, посольстве Германии и Австрии в РК, Министерстве иностранных дел, Парламенте Казахстана, осуществляют консульскую и переводческую деятельность.

Сегодня многие казахстанские абитуриенты не случайно выбирают получение специальности по различным научным направлениям именно в ВУЗах Германии, которая после Великобритании и США занимает третье место по количеству иностранных студентов. Соответственно и молодое поколение в лице тех немногих этнических немцев, проживающих в Казахстане, охотно выезжает на историческую родину сначала для обучения, а затем на постоянное место жительства. В этой связи, целью деятельности КГУ им. Ш. Уалиханова и АООНК «Возрождение» является популяризация немецкого языка и культуры, а также сохранение немецких традиций и обычаев, именно на территории Казахстана, где на сегодняшний день продолжают проживать более 30 000 этнических немцев, стремящихся к сохранению этнического самосознания в современном поликультурном обществе.

Источники и литература

1. Назарбаев Н.А. Германия – ключевой партнер Казахстана на Европейском континенте // Казахстанская правда. – 2007. – 1 марта. – С. 3.

2. Ибрашева А. Дуальное обучение в РК: на пути к европейским стандартам [Электронный ресурс] // Информационно-Аналитический центр : [сайт]. – URL: <http://iac.kz/ru/publishing/dualnoe-obuchenie-v-rk-na-puti-k-evropeyskim-standartam> (дата обращения 16.11.2017).

А.Н. Блинова

Россия, Омск,

филиал Института археологии и этнографии СО РАН

НЕМЕЦКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ХРАНЕНИЕ, КАТАЛОГИЗАЦИЯ, ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Статья посвящена истории формирования немецкой этнографической коллекции в университетском музее. Освящены основные этапы обработки коллекции, представлены ее результаты. В статье затрагиваются вопросы статуса, хранения и применения аналоговой и цифровой фотографии в современном музее. Автор останавливается на проблемах создания и использования цифровых фотографий как полевого этнографического источника, а также ставит проблемы учета и хранения этого вида материалов в музее.

Ключевые слова: музей, немцы, этнографические коллекции, цифровая фотография, этнографический источник, хранение.

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им Ф.М. Достоевского (далее МАЭ ОмГУ) основан почти одновременно с университетом, то есть в 1974 г. Музей собирает, хранит и экспонирует памятники материальной и духовной культуры народов Западной Сибири и сопредельных регионов. В фондах музея сосредоточено около 350 000 тыс. единиц хранения, большинство из них принадлежат двум основным отделам археологии и этнографии. В этнографическом фонде хранятся коллекции по культуре сибирских татар, русских, немцев, прибалтов, украинцев, казахов, шорцев, телеутов, чувашей, хантов, манси, ненцев.

Начало немецкой этнографической коллекции было положено в 1989 г., когда была организована первая исто-

рико-этнографическая экспедиция в места компактного проживания немцев в Западной Сибири под руководством Т.Б. Смирновой. За последующие годы были проведены этнографические экспедиции в 139 населенных пунктах Омской, Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края. Все собранные в экспедициях материалы хранятся в архиве МАЭ ОмГУ. Они включают в себя около 2 тыс. тематических карточек, полевые описи, опросные листы по современным этническим процессам (более 3 тыс.), видео-, аудио- и диктофонные записи бесед с информантами, фототеку (940 фотографий, подаренных информантами и более 2 тыс., сделанных в экспедициях), этнографические экспонаты (464 ед.хр.) все это делает немецкую коллекцию ОмГУ уникальной, комплексной и имеющей большой потенциал.

Архив экспедиционных материалов активно используется в научной и учебной работе. Этнографические экспонаты использовались при создании как постоянной экспозиции музея, так и временных выставок. Состав коллекции отражает сложный этнический состав немецкого населения Сибири и современное территориальное размещение российских немцев в Сибири.

Самая большая часть немецкой коллекции относиться к интерьеру. В коллекции имеются предметы мебели: диван, стол, стулья, лавки, сундуки, полки, детские колыбели. Большое место в интерьере занимали и занимают предметы женского рукоделия. Это украшенное вышивкой и кружевом постельное белье, дорожки, думки, салфетки. Особую гордость коллекции представляют три домотканых ковра. Верующие немцы украшают стены «шпрухами» – красочно оформленными изречениями из Библии. В коллекции имеются предметы фабричного производства – старинные часы, шкатулки, изделия из фарфора.

Было собрано сравнительно небольшое количество предметов одежды. Одежда немецких колонистов еще до переселения в Сибирь находилась под сильным воздействием городской моды и того, что мы привыкли называть «традиционным костюмом», у российских немцев просто не существовало. Тем не менее, в коллекции имеются несколько платьев, блузки, жилеты, детская одежда, вязанные чулки в полоску, текстильная мягкая обувь (*шойгель*), кожаные ботинки. Основной будничной обувью были кожаная обувь на деревянной подошве – *шлеры*.

Особую часть коллекции составляют предметы, связанные с религией. В первую очередь это религиозные книги, песенники, молитвенники, распятия. Выделить в отдельную часть коллекции культовые предметы достаточно сложно, поскольку религия пронизывала всю повседневную жизнь российских немцев.

В 2012 году вышел каталог А.Н. Блиновой, Т.Б. Смирновой «Культура немцев, латышей, эстонцев в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского» [1]. Всего в нем присутствуют описания 271 «немецкого» предмета, не вошли предметы фабричного производства. Каталог имеет следующие разделы: Хозяйство, утварь и посуда, интерьер, убранство кровати (в силу многочисленности такого рода предметов было решено выделить их в отдельный раздел), одежда и обувь, религия.

Научное описание каждого предмета подробно, оно включает в себя название предмета, указание на материал, из которого данный предмет изготовлен, технику и технологию изготовления, описание формы, конструкции и декора, размеры, степень сохранности, назначение, сведения о дарителе и собирателе, месте и времени сбора, номер коллекции и номер предмета. Кроме этих основных сведений, описание включает сведения о предмете, полученные

от информаторов, что делает описание наиболее полным и информативным.

Национальные названия предметов даны так, как указаны в первоисточнике. Поэтому один вид предметов у разных этнических групп немцев может иметь разные названия или разное их написание. Если же национальные названия предметов в первоисточнике не указаны, то они не приводятся вообще, так как использование терминов из современного словаря может исказить картину диалектных или говорных особенностей обозначений предметов.

Каталог снабжен тремя указателями (предметный, именной указатель дарителей и географический указатель мест сбора предметов), что соответствует задачам подобного рода работы и значительно облегчает процесс работы с каталогом. В целом, каталогизация дает возможность четкого представления и детальной фиксации предметов материальной культуры, некоторые из которых сегодня вышли из обихода немецкого населения и бесследно утрачиваются.

Следующий шаг по систематизации коллекций – издание тематического указателя «Этнографические материалы в архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского» [2]. Фактически это описание полевых материалов, хранящихся в виде архивных дел, по трем параметрам: время и место сбора, вид полевого документа (тематическая карточка, опросный лист, анкета, выписка из похозяйственной книги и т.д.) и его тема, а так же количество единиц хранения. При большом количестве и объеме архивных дел этот указатель важный инструмент для поиска и ориентации в этом массиве источников и оценки его информативности, а так же основа для создания электронной базы данных. Немецкие материалы легко найти по указателю этнонимов, в котором указан номер дела (всего их более 60), описание

же дел в книге расположено в соответствии с порядковым номером.

Интересным и значимым музейным источником являются фотографии. Можно выделить два основных вида фотографий: первый – это черно-белые и цветные (аналоговые, пленочные), второй – цифровые. В музее эти две большие группы кардинально отличаются друг от друга как по условиям хранения, так и по статусу. За аналоговой фотографией признается ее музейная ценность, она полноценный музейный предмет, для которого разработаны практические рекомендации по режиму хранения и экспонированию [3], в том числе и в основных музейных инструкциях[4].

С цифровыми фотографиями дело обстоит иначе, так как этот вид фотографии фактически не считается музейным предметом, хотя количество цифровых снимков в собраниях с каждым годом растет. Основными проблемами в этой области являются: технические (разнообразие носителей и форматов информации и их быстрое «устаревание»), организационные (отсутствие регламента приемки цифровых материалов на хранение, отсутствие структуры описания контента, не разработанность критериев ценности, сложность поиска и повторного использования, быстрорастущие объемы мультимедиа данных).

При этом цифровая фотография в современном музее неоспоримо важный и необходимый инструмент во многих областях его деятельности. В первую очередь это фотофиксация музейного собрания, в том числе и для внесения изображения в учетные базы данных и Государственный каталог МК РФ. Второе направление – использование цифровых технологий в сфере музейной деятельности, связанной с популяризацией и пропагандой культурного наследия: наполнение сайтов музеев, создание виртуальных туров, создание информационного контента для средств

интерактивного взаимодействия (интерактивные дисплеи, сенсорные панели, проекторы, планшетные устройства).

В музеях, хранящих этнографические материалы и коллекции, цифровая фотография приобретает статус важного полевого источника, фактически музей в этом случае выступает архивом полевых материалов. Использование в этнографических исследованиях фотографий фактически является дополнительным средством документальной фиксации социальных и культурных процессов. Цифровые фотоматериалы дают возможность подробно зафиксировать предметы культуры и быта, изучаемого народа, то есть перейти от иллюстраций к детальному источнику. Кроме того, «в поле» можно сделать цифровые копии аналоговых фотографий или документов, с которыми информатор не готов расстаться, тем самым обогащая источниковую базу этнографических исследований. Фактически мы уходим от формирования «предметной» коллекции и переводим ее в цифровой формат.

До сих пор не разработана строгая система архивного учета цифровых полевых материалов, хотя необходимость в ней давно назрела. Это и проблемы на нулевом цикле – с первичным описанием файлов в поле часто исследователи просто не успевают описывать. Раньше собиратель был ограничен количеством фотопленок, аудио и видеокассет, что упрощало описание. Сейчас на внешнем винчестере можно привезти тысячи фото файлов и сотни аудио и видео файлов, к описанию которых нужно применять какие-то новые подходы. На стадии обработки полученных фотографий, аудио-, видеофайлов возникли сложности другого порядка. В аналоговых фото-, аудио-, видеоматериалах собиратель не мог «передвинуть» фотокадры, треки и видео кадры на фотопленках, аудио и видеокассетах, и не мог уйти от исходного порядка. В цифровых материалах можно произвольно группировать и дробить файлы вплоть до

того, что у каждого собирателя свой принцип группировки и деления, и уход от исходного порядка затрудняет учет и описание. В итоге мы имеем дело с неописанными цифровыми полевыми фото-, аудио-, видеоматериалами, а это делает их «слепыми» для пользования [5, с. 147].

Фактически требуется решить две основные проблемы. Во-первых, «полевая» обработка материала и подготовка его для передачи в музей. Для этой категории документов (цифровых фотографий, шире – аудио- и видео-файлов) вряд ли подходит система порядковой нумерации, возможно тут необходима система шифров – условных обозначений с указанием названия экспедиции, года, собирателя. Возможно введение добавочных тематических единиц – блоков – к основным учетным единицам – файлам. Фотофайлы объединяются в тематические блоки, например, фотосъемка конкретного объекта и у конкретного информанта, или утварь, одежда. Цифровые полевые фотоматериалы без учета и описаний (например, файлы в автоматических номерах цифровых фотоаппаратов) через некоторое время будут трудно разбираемы для самого собирателя, не говоря уже о других исследователях, поэтому они вряд ли сохранят ценность как исторического источника. Соответственно музейному работнику, нужно строго следить за сопроводительной документацией при приеме фотоматериалов на хранение. Она должна содержать максимально полную «легенду», которая сама по себе также является источником. Электронные фотографии собирателей сопровождаются обязательной аннотацией: время создания, место съемки, автор, легенда (кто изображен, обстоятельства съемки и другие интересные комментарии).

Во-вторых, требуется грамотное с технической точки зрения хранение цифровой информации на внешних носителях, серверах с зеркальными копиями и своевременная замена устаревших цифровых носителей и форматов на

современные форматы и носители, что во многом является техническим вопросом, хочется верить, что специалисты по компьютерным технологиям подберут оптимальные решения этой проблемы.

Если говорить об аналоговых фотоматериалах нашего музея, то почти все они переведены в цифровой формат, это стало возможным в результате реализации двух больших проектов. Сначала был реализован проект «Традиции немецкой семьи», в результате был создан диск, на который было записано шесть лекций, освещающих разные аспекты семейной обрядности с иллюстративным материалом. Второй важной составляющей работы было создание фотоальбома по этой теме, его задачей было создание визуального контекста вокруг семьи и семейной обрядности. А затем большой проект – книга Т.Б. Смирновой «Этнография российских немцев» [6], это большой иллюстрированный альбом, в котором представлены все аспекты жизни российских немцев. Было несколько источников иллюстраций, но основной послужили фотографии собранные и хранящиеся в МАЭ ОмГУ. Оба проекта финансировались Международным союзом немецкой культуры.

На сегодняшний день «немецкая» коллекция полностью обработана и введена в научный оборот. Но в силу специфики университетского музея основными способами презентации ее являются публикация научных работ сотрудников научно – исследовательской Лаборатории этнографии и истории немцев Сибири при Омском государственном университете им Ф.М. Достоевского.

Источники и литература

1. Блинова А.Н., Смирнова Т.Б. Культура немцев, латышей, эстонцев в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. – Омск, 2012.

2. Тихомирова М.Н., Блинова А.Н. Этнографические материалы в архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. – Омск, 2015.

3. Добарская В.А. Практические рекомендации по световому режиму при хранении и экспонировании фотоматериалов в музее // Баландинские чтения : сб. ст. научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск, 2012. – № 1. – С. 34–44.

4. Единые правила организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации, 2009 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал : [сайт]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/97240/#ixzz4g2XWXhaK> (дата обращения 28.04.2017).

5. Ушаков Н.В. Цифровые фото-, видео полевые материалы как новая форма этнографических музейных предметов // Вопросы музеологии. – 2014. – №2 (10). – С. 139–149.

6. Смирнова Т.Б. Этнография российских немцев. – М., 2016.

А.С. Блялова

Казахстан, Караганда,

Историко-краеведческий музей Нуринского района

Г.К. Уалиева

Казахстан, Караганда,

государственный университет им. Е.А. Букетова

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВЫХ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

На территории Сары-Арки, или Центрального Казахстана, первые немецкие переселенцы появляются в первые десятилетия XX в. В большинстве своем это были простые крестьянские семьи, отправившиеся в далекий путь в поисках лучшей жизни.

Ключевые слова: спецпереселенцы, немецкая колония, депортация, Центральный Казахстан.

Первые немцы появились на территории современной республики ещё в конце XVIII века, когда они начали принимать активное участие во внутривосточном миграционном движении на многоземельные восточные и южные окраины империи. Первым немецким селом в Казахстане считается Рождественское (Фриденсфельд), основанное в 1885 году. К первым колониям относятся Мариенбург и Фриденсталь. В период Столыпинской реформы в 1905–1911 годах на севере Казахстана были уже десятки немецких поселений: Александрталь, Алтенау, Кенигсгоф, Пруггергоф [1, с. 115].

В 1930-е годы в Казахстан стали приезжать немцы из сёл на Украине, в Крыму, Поволжье, Ленинградской области и с Азербайджана. В основном это были крестьяне,

высланные в результате раскулачивания и репрессий. В условиях компактного проживания и внутреннего самоуправления российские немцы сложились как народ со своей культурой, обычаями и традициями. Тем не менее, вплоть до Второй мировой войны многочисленные немецкие села (колонии) существовали и в европейской части СССР; в той или иной степени сохранялись и своеобразная колониетская немецкая культура, и диалекты, использовавшиеся в повседневном общении.

Депортация российских немцев из европейской части Советского Союза и с Кавказа была начата в июле 1941 года и проходила в несколько этапов. В августе 1941 года немцы были высланы с Крымского полуострова, причем депортация осуществлялась под видом эвакуации из опасной вследствие военных действий зоны. Затем немецкое население было депортировано с Украины и с Волги. 28 августа 1941 года был опубликован Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В этом документе, подписанном Калинин и Горкиным, говорилось: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья». Таким образом, были приняты «карательные меры против всего немецкого населения Поволжья», под которые подводилось некоторое подобие правовых оснований [2, с. 203].

Местами для «расселения» волжских немцев должны были стать «изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности». После войны большинство из них были возвращены в Советский Союз и тоже оказались в Сибири, в Казахстане и в прочих местах ссыл-

ки, на «спецпоселении», под надзором НКВД. По данным, приведенным И. Флейшхауэр и Б. Пинкусом, в 1945–1946 годах в Казахстане проживало около 530 тыс. немцев. Местами проживания немцев в Казахстане были в основном Карагандинская, Кустанайская, Целиноградская, Павлодарская, Семипалатинская, Кокчетавская, Джамбулская области [2, с. 207].

На территории Центрального Казахстана первые немецкие переселенцы появляются в первые десятилетия XX в. Однако задолго до событий начала XX в. единичные представители немецкой национальности появляются на территории Центрального Казахстана в качестве путешественников, сотрудников научных экспедиций, чиновников царской администрации. Как правило, они являлись российскими подданными немецкого происхождения.

В результате переселения представителей немецкой национальности, по различным архивным данным, в регионе было образовано 13 немецких поселений.

Село «Баронское». Журнальным постановлением общего присутствия Акмолинского областного правления от 27 апреля 1909 г. за номером 71 было определено: «ввести сельское общественное управление на участке Пушкинском, наименовав его селением Баронским». Село было названо в честь энтузиаста переселения крестьян Франца Филипповича Барона. По данным на 16 августа 1912 года, оно входило в состав Захаровской волости. Село стало заселяться с 1908 года. В 1909 году в нём насчитывалось 613 человек. Переселенцы прибыли из Самарской и Саратовской губерний. В середине 1921 года в Баронском насчитывалось 125 домов и проживало 718 человек. Образование колхоза «Барон» приходится на 1930 год. Известно о заседании Баронского сельсовета от 4 января 1931 года, где председательствовал Иосиф Берг. Колхоз «Барон» представляли Андрей Берг, Антон Клостер, Рааб, от коми-

тета бедноты – Иоган Кениг и Гейт. Официальная дата переименования Баронского в Пушкинское неизвестна. Не ясно, когда Пушкинское вошло в состав совхоза им. В. Чкалова Нуринского района. С 1997 года Пушкинское получило название Алгабас и находится в составе Кызылтальского сельского округа [3, с. 7].

Село «Волынское». Датой рождения Волынского надо считать 10 февраля 1909 года. Село возникло в урочище Джарыккудук и относилось к составу Большемихайловской волости. В 1910 году здесь насчитывалось 174 жителя. Проект поселка был подготовлен шестью годами раньше. В 1930 году в селе был создан колхоз им. К. Либкнехта. В него вошли 22 семьи с общим числом 117 человек. Семь семей вели единоличное хозяйство. Ныне с. Волынское является отделением совхоза им. К.А. Тимирязева.

Село «Вольское». Образовано переселенцами из Самарской губернии 15 ноября 1913 года на переселенческом участке Курайлы. Место под поселок было выбрано в 1910 году. 7 декабря 1919 года, сразу же после освобождения села частями Красной Армии, состоялось общее собрание крестьян. На него явилось 50 человек. Было заслушано выступление политработника Бондаренко. Постановили: «Советскую власть признать, все распоряжения центральной власти исполнять», в революционный комитет были избраны Давид Яковлевич Беккер и Егор Егорович Визнер. Им было тогда по 40 лет. По данным на май 1920 года, председателем Вольского сельревкома был Иван Егорович Райх. Он участвовал в Первой мировой войне, находился в плену в Германии. Его помощником был Г.Г. Райх. Еще один житель села А.Г. Визнер работал секретарем Астаховского волревкома. В середине 1920 года в Вольском проживало 334 человека. Имелась школа первой ступени. Один учитель вел занятия с 50 школьниками. Ныне – это центральная усадьба совхоза «Урожайный» Молодежного

района. Амантауский район Акмолинской области, где образовали село Новодолинское, где и ныне проживают потомки первых поселенцев. Ныне Долинское – поселок городского типа, входит в состав Шахтинского городского Совета.

Село «Красный Кут». Возникло 14 октября 1910 года на переселенческом участке Средний Ошаганды. Вошло в состав Лифляндской волости. Образовали село переселенцы из Самарской (46 семей) и Саратовской (6 семей) губерний. Население в 1911 году достигло 298 человек. В 1912 году на балке, впадающей в реку Ошаганды, крестьяне соорудили плотину – Краснокут-Якова Иоганновича Геринга, А.Я. Вайберта. Затем в ревком вошел Г. Дрос. На 23 декабря 1921 года население составляло 325 человек. В числе первых работников сельсовета были Петер Видеман, Иоганн Шефер и Михаэль Генрих. С 1925 года в селе стала работать школа. Преподавал в ней А. Вейберт. На конец 1930 года в селе проживало 287 человек. С начала века в Сары-Арку переселилось несколько тысяч немцев. 5 января 1920 года в селе была создана Краснокутская сельскохозяйственная артель. В нее вошли 29 семейств. Ныне Красный Кут входит в состав совхоза им. В. Пика Осакаровского района [4, с. 5].

Село «Крестовское». Образовано 10 февраля 1909 года на участке Кожур. Входило в состав Лифляндской волости. Крестьянам отвели 1724 десятины земли. Население в 1911 году составляло 173 человека. Бригадиры – Бейтлер, И.К. Лакман, И.Х. Гербер, зав. школой – А.А. Вайгель, зав. детсадом – Амалия Яковлевна Фосс. Имена первых колхозников – М.И. Шендель, А.Х. Фишер, Я.Г. Лейн, Е.Ф. Зейдер, Буксбаум, Руди. О темпах коллективизации можно судить по такому факту. На первое февраля 1931 года из 117 хозяйств в колхоз вошли 53. В 1933 году колхоз «Надежда» возглавил А. Вагнер. В правление входили Давид

Гердт, Давид Гольцварт, Яков Гердт. Бригадирами работали Егор Генрих и Генрих Зейферт. Председателем сельсовета трудился Егор Зейферт, секретарем Яков Руди, а позднее – Яков Майор. В декабре 1934 года колхоз «Надежда» переименовали в колхоз им. Кирова. Избрали правление в составе Якова Гердта, Ивана Бауэра, Давида Гольцварта, Ивана Вегнера, Готлиба Вайцеля [5, с. 3].

Село «Новоузенское». Образовано переселенцами из Новоузенского уезда Самарской губернии на переселенческом участке Ащилы-Айрык 10 февраля 1909 года. В том же году колхоз был переименован в колхоз им. Кирова. Село входило в состав Большемихайловской волости. 17 декабря 1919 года – еще одна знаменательная дата в истории Новой Узенки: на общем собрании жителей шла речь о создании революционного комитета. По итогам голосования в ревком прошли А. Сандлер, Р. Сакс и Я. Нильх, выбранные из шести претендентов. На протяжении нескольких лет сельский Совет возглавлял Яков Мартынович Брехт. В Карагандинском областном архиве существует отчет гидротехника К. Сейпульника, датированный 1915 годом. Отчет посвящен водоснабжению поселка, но зафиксировал также данные исторического плана. Как указывает автор, первое обследование урочища Акпан произвел в 1907 году гидротехник Александр Романов. Первые поселенцы на западном берегу реки Акпан появились летом 1909 года. Прибыло сразу 140 семей. К 1913 году закрепилось 80. В настоящее время село входит в состав совхоза им. В. Пика, является центром отделения № 3.

Село «Самаркандское». Образовано 10 февраля 1909 года на переселенческом участке Джауыр-брод. Основали село переселенцы из Самарского края – кантона, что и зафиксировано в названии поселка: Самарский кантон – сокращенно Самаркандт. Действительное происхождение названия казахского Самаркандского так и остается неиз-

вестным. Есть три версии. Первая – населенный пункт на берегу Нуры стоял на древнем караванном пути из Петропавловска в Самарканд. Вторая напоминает о первых переселенцах – крестьянах из Самарской губернии. Местные казахи, узнав, что во вновь построенном поселке можно приобрести сахар (кант), отправлялись за сладостями в Самарканд. Еще рассказывают, что на казахском языке «самар»

означает чаши, изготовленные из стволов берез, что росли на Нуре. В беседе об этом учитель (Леонид Семенов, основатель областного краеведческого музея) и ученик (Юрий Попов) приходят к выводу: и на иранском наречии, и на немецком языке «кант» – «населенный пункт», «край». Таким образом, переселенцы подчеркивали свое происхождение из Самарской губернии – Самар-кант [6, с. 5].

Переселенческое управление возвело здесь больницу. Первый врач – Виктор Павлович Кондратьев. 30 декабря 1919 года создается ревком. Председателем был избран Я. Я. Финк, заместителем – А. Х. Карих. В марте 1920 года ревком возглавлял М. Беккер. В сельсовете работали Георгий Циммерман, Вильгельм Вебер, Филипп Брух, Конрел Сантепрайт. В 1921 году в селе проживало 687 человек. В 1928 году на базе села были созданы три сельскохозяйственные артели: имени Розы Люксембург – председатель А.И. Кайзер, «Первое Мая» – председатель П.А. Нацаренус и «Ландмани» – председатель Е.Е. Дегенау. В апреле 1930 года Самаркандское становится центром Тельманского района. 27 июля 1934 года в плотину будущего Самаркандского водохранилища был уложен первый камень. В октябре 1945 года рабочий поселок Самарканд был переименован в г. Темиртау [4, с. 5].

Источники и литература

1. Алджуманов К. С. Расселение депортированных немцев в Казахстане в 1941–1945 гг. // История немцев Центральной Азии. – Алматы, 1998. – С. 113–119.

2. Лайгер М. П. Из истории советских немцев в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие (На материалах Казахстана) // Советские немцы: история и современность. – М., 1989. – С. 202–210.

3. Попов Ю.Г. Село Баронское (Пушкинское): История наших сел // Нуринский хлебороб. – 1989. – 31 окт. – С. 7.

4. Он же. Немецкие поселения Сары-Арки // Индустриальная Караганда. – 1991. – 12 окт. – С. 5.

5. Он же. Село Майоровка // Нура. – 1989. – 7 нояб. – С. 3.

6. Мосс О. Немецкие страницы края // Индустриальная Караганда. – 2014. – 28 июня (№ 112). – С. 5.

А.Ю. Борисенко

*Россия, Новосибирск, научно-исследовательский
государственный университет*

Ю.С. Худяков

*Россия, Новосибирск,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

ВКЛАД НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XVIII в. В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

В статье изложены имеющиеся исторические сведения о научных исследованиях древних и средневековых памятников на территории Восточного Казахстана, которые были проведены немецкими учеными и специалистами горного дела, работавшими в составе научных экспедиций, или самостоятельно интересовавшимися древностями в XVIII в. Отмечен большой вклад ученых, принимавших участие в работе Великой Северной экспедиции, в изучение древних и средневековых памятников Верхнего Прииртышья.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, археологические памятники, древность, средневековье, немецкие исследователи.

В XVIII в. в изучении древних и средневековых культур Центрально-Азиатского региона, включая Восточный Казахстан, важную роль сыграли исследователи немецкого происхождения, российские подданные и выходцы из германских государств.

К числу первых свидетельств ранних контактов западноевропейцев с кочевым населением Восточного Казахстана можно отнести находки художественных металлических изделий, которые были обнаружены в окрестностях джунгарского ламаистского монастыря Аблай-кит в верховьях р. Иртыш. Как было установлено, среди предме-

тов аблайкитской коллекции был средневековый акваманил – сосуд для ритуального омовения рук, выполненный в виде полой статуэтки конного рыцаря. С этой территории происходят и другие находки водолеев, статуэток, подсвечников и железного меча из Западной Европы [1, с. 34–38]. Вероятно, какая-то часть таких предметов может быть свидетельством о пребывании в Центральной Азии европейцев, миссионеров, купцов и ремесленников.

Во время путешествия по Верхнему Прииртышью, Г.Ф. Миллер осмотрел и дал распоряжение раскопать некоторые древние могильники, которые удалось обнаружить в окрестностях Усть-Каменогорской крепости. Согласно сложившимся у него представлениям, «главный стан» основателей великой кочевой империи «мунгалов» и татар в середине XIII в. «был в степи около реки Иртыша». Само название «главного стана» татарских предводителей, «Золотая орда», по мнению ученого, было основано на богатстве «оных татар». Он считал, что само это богатство было свидетельством «великих сокровищ», обнаруженных бугровщиками в «тамошних могилах». Исследователь обратил внимание на то, что ко времени работы академической экспедиции, многие из этих богатых курганов были уже разграблены. «Все найденное» в курганах, раскопанных учеными, состояло из «малых и худых» железных вещей, которые «так перержавели, что едва узнать было можно, чему они служили» [2, с. 517–518]. Г.Ф. Миллер высказал предположение о том, что могилы, расположенные на восточном берегу Иртыша, должны были быть более «богатыми», возможно, еще не разграбленными. Однако многие могилы в Прииртышье были раскопаны участниками экспедиции для того, чтобы «усмотреть внутреннее их состояние и положение костей». Как и могилы «между Ямышевскою и Семипалатною крепостями» они не содержали богатых находок [2, с. 518]. Им упоминается

«Калбасунская башня», находившаяся на западном берегу р. Иртыш, ниже развалин джунгарского ламаистского монастыря Дархан-Зоржин-Кит, который русские называли «Семь палат». Он полагал, что «самые богатые могилы» были найдены в западных районах Северной Азии, в том числе на «Иртыше и до реки Оби» [2, с. 514]. При посещении Алтая и Прииртышья он отмечал, что «в этих горах в очень многих местах открыты следы больших ям и старых шурфов, из чего явствует, что прежние здешние жители также не забывали искать металлы» [3, с. 17].

Другой участник экспедиции, профессор И.Г. Гмелин отставил описание развалин ламаистского монастыря Аблай-кит, состоявшего из нескольких построек, в которых были осмотрены многочисленные буддийские культовые изображения и скульптуры. Ему было известно, что «Аблай-кит есть не что иное, как языческий храм калмыцкого хана Аблая из племени Хошот». На развалинах этого культового сооружения были обнаружены многочисленные «тангутские», т.е. тибетские и джунгарские буддийские рукописи [4, с. 141–142].

Согласно трактовке, предложенной И.Г. Гмелиным, тела погребенных древние и средневековые жители Верхнего Прииртышья хоронили в могильных ямах без одежды, головой на восток. Между костями было обнаружено «несколько ржавых кусочков железа, первоначальное назначение которых установить было невозможно, так как они сильно пострадали от ржавчины» [4, с. 144].

Определенный вклад в изучение древностей Восточного Казахстана внес уроженец Нидерландов, управляющий казенными заводами Урала и Сибири, генерал-лейтенант Г.В. де Геннин. В России его, как и многих других выходцев из стран Западной Европы, считали «немцем». В своем сочинении об уральских и сибирских заводах, он кратко описал некоторые археологические памят-

ники Северной и Центральной Азии. Он привел сведения об археологических памятниках, расположенных в междуречье Оби и Иртыша, в окрестностях «Усть-Каминской и Семипалатной крепостей», на границе земель джунгаров и телеутов. Им кратко описаны развалины «старых чужих» построек на р. «Облакет», т.е. Аблай-кит, где были найдены рукописи на «тангуской», т.е. тибетской письменности, а также древние предметы. Согласно его представлениям, это были фигуры идолов, которые были устроены на натянутых проволоках таким образом, что при раскрытии дверей храма, они должны были вставать, как живые люди [5, с. 626–627]. Вероятно, в данном случае, Г.В. де Геннин, имел ввиду заброшенный джунгарский храм Аблайкит в Верхнем Прииртышье. В своем сочинении он упомянул также о большом количестве «бугров», т.е. курганов, в которых захоронены люди и лошади. В этих могилах были обнаружены различные предметы из меди, серебра и золота. По мнению Г.В. де Геннина, на восток от территории Прииртышья в могилах находят больше золотых предметов, чем в западных районах. Однако, уже в XVIII в. многие из этих курганов были разграблены бугровщиками, которые распродавали найденные в захоронениях ценные древние вещи. Особое внимание Г.В. де Геннин уделил известному захоронению, названному «Пудовик». По его описанию и сохранившемуся рисунку данного кургана, в этой могиле лежали тела погребенных людей на «тонкой золотой доске». Вероятно, они были обернуты золотой фольгой. На телах умерших были сильно истлевшее «камчатое одеяние». Помимо людей в этой могиле были и сопроводительные захоронения лошадей в полном конском убранстве. Вероятно, Г.В. де Геннин мог получить описание этих деталей обряда от очевидцев этих раскопок. Описание этого исследователя дополняют рисунки древних и средневековых предметов из курганов в Верхнем Приир-

тышь. Г.В. де Геннин, также как и многие другие российские и европейские исследователи XVIII–XIX вв., приписывал древние и средневековые памятники легендарному народу «чуди» на территории Северной и Центральной Азии [1, с. 111].

Сведения о некоторых «татарских древностях», сохранившиеся в отчете П.Г. Демидова, в котором были приведены рисунки из Верхнего Прииртышья, были прокомментированы в статье немецкого ученого И.Р.Форстера в 1773 г. Эти находки древних вещей происходят из Верхнего Прииртышья. По своему составу они похожи на коллекцию Г.В. де Геннина, однако зарисованы другим художником. До своего обращения к анализу данных предметов, И.Р. Форстер имел некоторый опыт изучения средневековых каменных изваяний и погребений на территории Поволжья. В его сочинении содержатся некоторые сведения о джунгарских ламаистских монастырях в Верхнем Прииртышье. Он составил описание находки джунгарской печати со статуэткой, изображающей тигра, которая, по мнению ученого, могла принадлежать монгольскому князю. Согласно его сведениям, для раскопок курганов Российский императорский двор направлял в Прииртышье военный отряд, во главе с высокопоставленным военачальником. Вероятнее всего, это мог быть управляющий заводами Урала и Сибири Г.В. де Геннин [1, с. 117–122]. Среди древних и средневековых предметов, представленных на рисунках, которые комментировал И.Р. Форстер, имеются отдельные буддийские предметы, которых не было в составе этой Прииртышской коллекции. Вполне вероятно, что они происходят из одного из джунгарских ламаистских монастырей в Верхнем Прииртышье.

В 1771 г. по территории Алтая и Прииртышья путешествовали сотрудники одной из Физических экспедиций Санкт-Петербургской Академии наук во главе с известным

немецким ученым П.С. Палласом. Он осмотрел и составил описание джунгарского ламаистского монастыря Аблайкит. Им описаны и другие культовые сооружения западных монголов в Верхнем Прииртышье. Ученым была собрана и введена в научный оборот большая коллекция предметов буддийской культовой пластики. Особое внимание данного исследователя привлекли древние горные выработки, которые он, вслед за своими предшественниками, считал «чудскими копиями» – памятниками горного дела, принадлежавшими легендарному древнему народу «чуди», предкам финских народов, которых считал скифами. Он высказал предположение, что в этногенезе этого древнего этноса определенную роль сыграли и венгры [1, с. 129–130].

В 1792 г. по степям Алтая, Восточного Казахстана и Джунгарии, по долинам рек Иртыш и Бухтарма, до озера Нор-Зайсан, путешествовал немецкий ученый, член Санкт-Петербургской Императорской Академии наук И.Э. Сиверс. Он интересовался особенностями традиционной культуры казахского населения и древними памятниками. Исследователь раскопал и описал несколько погребальных комплексов в Верхнем Прииртышье. В одном из курганов, отнесенном к «чудским могилам», было обнаружено погребение человека по обряду ингумации в сопровождении коня. При погребенном был найден железный, «обоюдоострый» меч и десять железных, трехлопастных наконечников стрел, золотые кольца и лепестки золотой фольги. Между скелетом человека и лошади были обнаружены многочисленные украшения конской сбруи. В другой могиле был обнаружен бронзовый котел на коническом поддоне с боковыми ручками и сливом, а также бронзовый боевой топорик [1, с. 137; рис. 59].

Обзор имеющихся сведений о деятельности немецких исследователей по изучению древностей на территории Восточного Казахстана в XVIII в. свидетельствует, что

они внесли определенный вклад в изучение древних и средневековых культур в этом регионе.

Источники и литература

1. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. – Новосибирск, 2005.

2. Миллер Г.Ф. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд. – М., 1999. – Т. I. – С. 512–519.

3. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск, 1986. – Вып. VI. – С. 37–52.

4. Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе – сентябре 1734 года (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734») // Кузнецкая Старина. – Новокузнецк, 1994. – С. 140–169.

5. Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. – М., 1937.

Ю.П. Буданова

Казахстан, Лисаковск,

музей истории и культуры Верхнего Притоболья

И.А. Потянова

Казахстан, Лисаковск,

технический колледж

ПАННО «ШПРУХ» – ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В статье обозначена культурологическая ценность настенных панно «шпрухов» как источника для изучения духовной культуры российских немцев, в частности, нравственных ориентиров и этических норм немцев-протестантов. Тексты настенных панно «шпрухов», принадлежавших жителям Карабалыкского района Костанайской области Республики Казахстан, написаны на немецком языке с использованием готического шрифта. Они переведены на русский язык и записаны на современном латинском алфавите. Частично выяснены источники цитирования, проведены параллели с текстами подобных панно, бытовавших в Карагандинской области РК и Омской области РФ в 1950–1970-е годы.

Ключевые слова: панно «шпрух», духовная культура, протестанты, протестантская этика, Священное писание, музей.

Как известно, «...протестантское богословие не представляет собой нечто неизменное, верно следуя принципу личностного толкования Священного Писания, по сути единственного и непререкаемого авторитета для протестантов всех течений, оно пытается развить вероучение применительно к текущему историческому моменту, интерпретирует его...» [1].

В этом контексте особую значимость приобретает выбор верующими цитат из Священного писания, выбор,

обусловленный индивидуальным духовным опытом и составляющий основу нравственно-ценностных ориентиров в повседневной жизни.

Коллекция настенных панно с высказываниями на немецком языке, так называемых «шпрухов» («spruch»), принятых на хранение Лисаковским музеем истории и культуры Верхнего Притоболья, насчитывает 11 экземпляров. Основная часть владельцев «шпрухов» принадлежала к протестантскому вероисповеданию (меннониты, лютеране). Значительное количество шпрухов представляют собой панно с цитатами из Библии или краткими изречениями на тему отношений человека и Бога. Популярными для цитирования были Псалмы Давида (Псалтырь, библейская книга Ветхого Завета), в особенности 23 и 103. Использовались для изречений и тексты Нового Завета: Откровение, Послание Павла римлянам, Первое Послание Иоанна.

В августе 2014 года научные сотрудники Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья побывали в с. Научное Карабалыкского района Костанайской области с целью ознакомления с коллекцией предметов быта и культуры немецкого народа, собранной жительницей села Лидией Рафаиловной Крамер. Село Научное было основано в 1938 году. Первыми его жителями были семьи немецкой национальности, переселенцы с Поволжья. По устному сообщению жительницы с. Научное Р.Ж. Думалаковой, в числе первых его жителей были семьи Браун и Янцен.

Л.Р. Крамер проделала огромную работу по созданию общественного музея немецкой культуры, который, как и прежде, находится в здании сельского дома культуры. В музее собраны предметы быта и рукоделия, книги, мебель.

Фото 1. Л.Р. Крамер – основательница общественного музея немецкой культуры Карабалыкского района Костанайской области (2014 г., фото Ю.П. Будановой)

Во время экспедиции в августе 2014 года внимание сотрудников Лисаковского музея привлекли 8 экз. настенных панно «шпрухов» (сдатчик – Маргарита Абрамовна Янцен) и прикроватный детский коврик с надписью (сдатчик – Анна Янцен). Место рождения М.А. Янцен – поселок Мюнстерберг Запорожской области (Украина), вероисповедание – менонитское. В 1941 году семья Янцен была депортирована в Северный Казахстан (станция Тогузак) [2, с. 5, 17, 73]. Фотографии этих настенных панно хранятся в архиве цифрового фото Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья.

Изображения и тексты на панно выполнены в традиционных техниках рисунка, рукописи – на ДВП (оргалите) масляными красками, а также тушью и гуашью. Все шпрухи вставлены в рамки, два из них находятся под стеклом. Тексты на панно написаны на немецком языке готическим

шрифтом. Как правило, на панно изображены различные цветочные мотивы.

На шпрухах, хранящихся в общественном музее села Научное, зафиксированы тексты, не встречавшиеся ранее, как в коллекции Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья, так и в известных опубликованных каталогах.

Особый интерес представляют цитаты на настенных панно, содержащие прямые обращения к Богу и подчеркивающие его постоянное присутствие, показывая отношение к Богу как к высшей направляющей и оберегающей силе: «Du fährst dein Volk wie eine Herde Schafe. Ps.77.21» («Ты ведёшь свой народ как отару овец»); «Haltet im Gedächtnis Jesum Christum. 2.Tim. 2.8» («Берегите в памяти Иисуса Христа»); «Alle eure Sorge werfet auf Ihn denn Er sorget für euch. 1.Petri 5.7» («Все свои заботы доверьте ему, ибо он заботится о вас»); «Ehre sei Gott in der Höhe und Friede auf Erden» («Чти бога на небе, а мир на земле»); «Es ist ein großer Gewinn wer gottselig ist und läßt sich genügen. Tim.6.6.» («Побеждает тот, кто верует в бога (кто благочестив) и этим довольствуется») [3].

Как видно из приведенных текстов, авторы избрали в качестве духовных опор цитаты из Ветхого Завета (Псалом 77.21) и Нового Завета (Первое послание к Тимофею святого апостола Павла, Второе послание к Тимофею, Первое послание Петра).

Выдержка из Нового Завета (Евангелие от Луки), написанная на прикроватном коврике из общественного музея с. Научное, была призвана сопровождать ребенка в момент засыпания: «Bleib bei uns; denn es will Abend werden und der Tag hat sich geneigt. Luk.24.29» («Оставайся с нами; скоро вечер, а день подошёл к концу»). Слева от текста размещен рисунок с изображением детей, идущих по лесу.

Рисунок круглой формы, обрамлен изображением цветущих ветвей, занимает 1/3 часть ковра [3].

Отдельную группу составляют тексты настенных панно, регулирующие отношения между людьми через призму религиозных представлений. Источник цитирования этих текстов пока не выяснен: «*Lege in dein Leben viel Liebe hinein, so wirst du von Liebe umgeben sein*» («Вложи в свою жизнь больше любви и сам будешь любовью окружен (окутан)»); «*Holder Friede süße Eintracht weile freundlich unter diesem Dach*» («Благосклонный мир и сладкое согласие пребывайте в дружбе под этой крышей»); «*Streut Blumen der Liebe bei Lebenszeit – bewahret einander vor Herzeleid!*» («Осыпайте цветами любви при жизни – это защитит вас от сердечной боли (оберегайте друг друга от сердечных страданий)!») [3].

Последнее высказывание созвучно по смыслу с текстом «шпрухов» из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея, сопровождавших свадебный обряд: «*Bewahret einander vor Herzeleid, kurz ist die Zeit, die ihr beisammen seit*» («Оберегайте друг друга от сердечных страданий, ибо коротко то время, которое вы будете вместе») [4, с. 81].

Тема свадебных пожеланий любви и верности, как основополагающих принципов счастливой семейной жизни, может быть проиллюстрирована на примере следующих настенных панно. В каталоге этнографической коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея опубликованы панно «шпрухи» с короткой надписью «*Durch Kreuz zur Krone!*» («Через венец к короне!») [4, с. 79]. Данный текст дополняет и поясняет единственное панно со свадебной символикой в фондах Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья. Текст на свадебном панно следующий: «*Sei getreu bis an den Tod so will ich dir die Krone des Lebens*

geben. Off. 2.10» («Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни»). Панно принадлежало семье Рубе из г. Караганда менонитского вероисповедания [5]. Изречение представляет собой цитату из Откровения, Послание Смирнской церкви (Новый завет). В современной редакции текст строки звучит несколько иначе: «Sei treu bis zum Tod! Und ich werde dir den Siegeskranz des Lebens geben» [6, с. 539].

Можно предположить, что в данном случае предметы материальной культуры транслируют опорный постулат о значимости верности в супружеских отношениях, которая будет вознаграждена Богом.

Идея преданного служения Богу прочитывается на панно, переданном в Костанайский областной музей семьей Дик из с. Белоглинка Карабалыкского района Костанайской области: «Ich aber mein Haus wollen dem Herrn dienen. Josua 24.15» («Я и мой дом хотим служить Господу») [7]. Этот же текст использовали авторы «шпруха», представленного в каталоге собрания Омского государственного историко-краеведческого музея [4, с. 80]. В данном случае процитировано изречение из Книги Иисуса Навина.

В заключение можно сделать вывод о выборе в 1950–1970-е годы немцами-протестантами, депортированными в Северный Казахстан, текстов из Ветхого Завета (Псалом 77.21, Книга Иисуса Навина) и Нового Завета (Первое послание к Тимофею святого апостола Павла, Второе послание к Тимофею, Первое послание Петра, Евангелие от Луки) для обозначения норм каждодневной праведной жизни. Анализ текстов выявляет общие культурные традиции с немцами Омской области.

Статус общественного музея, к сожалению, не гарантирует уникальным предметам, собранным жителями с. Научное, сохранность и научное описание.

В декабре 2015 года на областном семинаре музейных работников в Лисаковске обсуждалась идея создания

каталога этнографических коллекций музеев Костанайской области, которая пока не реализована. В Костанайском областном историко-краеведческом музее, Денисовском историко-краеведческом музее, Тарановском историко-краеведческом музее им. Б. Майлина, Лисаковском музее истории и культуры Верхнего Притоболья хранятся уникальные предметы немецкой культуры, публикация которых в объединенном каталоге была бы полезна исследователям.

Источники и литература

1. Протестантизм в системе ценностей современного общества [Электронный ресурс] // GEOLIKE.RU URL : [сайт]. – URL: http://geolike.ru/page/gl_8958.htm (дата обращения 20.11.2017).

2. Песнь певчей птицы. История жизни одной христианки / пер. В. Янцена. – Steihagen, 2013.

3. Полевые материалы автора. Архив цифрового фонда Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья (далее – ЛМИК).

4. Каталог этнографической коллекции российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. И.В. Черказьянова. – Омск, 1997.

5. Фонд ЛМИК 8376.

6. Das Neue Testament. Deutsch – russisch. Новый завет. Немецко-русский. – R., 1993.

7. Фонд Костанайского областного историко-краеведческого музея. КП № 8084.

А.С. Жанбосинова

*Казахстан, Усть-Каменогорск,
Восточно-Казахстанский государственный
университет им. С. Аманжолова*

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ 1930-х ГОДОВ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

Автор на архивных материалах раскрывает вопросы, связанные с репрессиями и депортацией немецкого этноса, выявляет малоизвестные страницы истории военнопленных немецкой армии, располагавшихся в Восточном Казахстане.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, немцы, депортация, репрессии, военнопленные, лагерь.

В многонациональной палитре Казахстана немецкий этнос занимает особое положение, вероятно, это объясняется их 200-летней историей проживания на казахстанской земле, начиная с 60-х годов XVIII века. Казахстанская историография посвятила истории немцев множество фундаментальных исследований, фокус большинства из них освещает трагические страницы советской эпохи, связанные с репрессивной политикой Советского государства 1920–1950-х годов.

Немецкий этнос в условиях проживания в СССР испытал этническую чистку, депортацию и вторичные репрессии на местах нового поселения, принудительную трудовую повинность.

Основой этнической чистки стали директивы ГУГБ НКВД в начале 1937 г., в частности от 14 февраля 1937 года «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности немецких троцкистов, проводимой по заданиям

гестапо на территории Союза ССР»; от 2 апреля 1937 г. «О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии (иностранный и внешнеполитический отделы «Антикоминтерн», разведывательная служба охранных отрядов и так далее) на территории Союза ССР».

Точкой отсчета этнической чистки немцев стал приказ НКВД СССР от 25 июля 1937 года за №000439. По обвинению в шпионаже в пользу Германии, в участии в националистической фашистской организации и пр. было арестовано 265 лиц немецкой национальности, что составляет в общей численности репрессированных в Восточном Казахстане 3,01% [1].

Все партийные организации согласно требованию Семипалатинского Обкома КП(б)К от 11 августа 1937 г. приняли активное участие в очередном мероприятии по поиску шпионов, вредителей, террористов, имеющих отношение к иностранной разведке. Решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 31 января 1938 года дало карт-бланш НКВД, громить и уничтожать «шпионско-диверсионный» контингент из представлявших различные группы национальностей: латышей, поляков, немцев, финнов и пр.

Результаты не заставили себя ждать. На Риддерском комбинате «Алтайполиметалл» была ликвидирована «диверсионно-вредительская группа» во главе с главным инженером комбината В.Ф. Вебер. Фантазии шпиономании органов НКВД связали между собой Казахстан – Америку – Германию, где были завербованы работники Риддерского комбината [2, л. 58–63].

В докладной записке Наркому внутренних дел КССР комиссару ГБ 2 ранга Л. Залину о В.Ф. Вебере говорилось, что он поднял рудник, был награжден юбилейным значком «15 лет Казахстана». Он выходец из дворянской, привилегированной семьи, имевший в прошлом связь с вредителя-

ми, проходящими по делу «Промпартии». Сообщали, что он бывал на приеме у Сталина [2, л. 48]. В выступлении Л. Залина говорилось, что участники «диверсионно-вредительской группы» долгое время по заданию иностранных разведок занимались шпионажем. Поджигали и уничтожали склады, шахты, электростанции, совершали крушение поездов, затапливали шахты, вредили в финансировании МТС и совхозов [3].

В.Ф. Вебера обвинили в том, что составленные по его указанию рецепты создавали тяжелые условия плавки, и печи застывали («козлы»), выходя из строя на длительные сроки, и одновременно терялось большое количество металлов в шлаках. В обвинительном заключении говорилось, что «Он сознательно привел проектно-сметное дело в состояние хаоса; сознательно удорожал стоимость проектирования; умышленно тормозил внедрение механизации строительных работ; умышленно давал заниженные нормы нагрузки на фундамент под здание строящегося завода и пр.; умышленно создавал условия для аварийности; саботировал мероприятия по технике безопасности, при 1600 рабочих – зарегистрировано 255 случаев травматизма и 247 случаев отравлений» [4, л. 48].

Великая Отечественная война обусловила депортацию и вторичные репрессии немцев на местах нового поселения. Восточный Казахстан вошел в список областей принимающих депортированное немецкое население. Выжившие в процессе насильственного переселения окунулись в океан трагических испытаний и невзгод, поломанные судьбы, ушедшие жизни, безжалостный молох прошелся по каждой немецко-советской семье.

К общему числу репрессированных в Восточном Казахстане на военные годы 1941–1945 приходится 14% представителей немецкого этноса. Органами НКВД жестко регламентировалась повседневная жизнь депортированных

немцев. Немецких спецпоселенцев обвиняли в агитации за возвращение на Родину, в антисоветской агитации, в саботаже, в контрреволюционных деяниях. Например, в сводке Зыряновского НКГБ отражена статистическая информация о численности прибывших спецпоселенцев. «За время Отечественной войны в район было выселено немцев спецпереселенцев 810 семей – 2290 человек ...». В период войны Зыряновским райотделением НКГБ было заведено и реализовано 3 агентурных дела: «Братья», «Анфибия», «Гиена», по которым арестовано 11 человек немцев-спецпереселенцев. В Шемонаихинском районе в конце 1930-х – начале 1940-х годов действовала «подпольная организация», куда входило 25 человек, «руководителем являлся бывший кулак, немец Эдуард Бахман и военнопленный австриец Петр Иваница». По содержанию сводки участники организации «проводили контрреволюционную, шпионско-повстанческую работу, готовили фашистские кадры на случай войны с Германией, занимались агитацией против мероприятий советской власти, собирали шпионские материалы и направляли их в Германское консульство в город Новосибирск через участника организации Прайса Рудольфа». С разницей в несколько лет все они были арестованы и приговорены к высшей мере наказания [5, л. 4].

Все трудоспособное население переселенцев было мобилизовано в рабочие колонны. С начала войны по 7 декабря 1944 года в «трудармию» было призвано 19,3% немцев. Принудительный труд не исключал использования детского труда, в частности в «Письме военного отдела ЦК КП(б)К военному отделу Кызыл-Ординского обкома и Аральскому райкому КП(б) о порядке призыва спецпереселенцев в трудовую армию» [6, л. 33], говорилось о призыве детей спецпереселенцев согласно решению СНК и ЦК КП(б)К.

Помимо принудительного труда спецпереселенцев, активно в экономике использовался труд военнопленных немецкой армии. Одним из результатов советско-немецкой и советско-японской войны 1945 года явилось появление военнопленных немецкой и японской армий в Восточном Казахстане. Численность пленных немецкой армии стала увеличиваться после Сталинградской битвы, что расширило лагерную систему ГУПВИ и ввело нумерацию лагерей, именно тогда для приема первых немецких военнопленных на территории Казахстана появились Спасский лагерь №99, Актюбинский лагерь №222. В целом, на территории Казахстана существовало 7 Управлений лагерей с 50-ю лагерными отделениями. Узниками ГУПВИ оказались более 4 млн. человек, в том числе 2 389 тыс. немцев, 637 тыс. японцев, 514 тыс. венгров, 157 тыс. австрийцев, а также представители многих других европейских и азиатских народов [7, с. 1].

На территории Восточного Казахстана немцы появились одновременно с созданием двух лагерей №347 и 45. Лагеря состояли из лаготделений, с частично приспособленными для приема военнопленных помещениями, выделенными промышленными предприятиями области. Лениногорск и его район были центром добычи цветных металлов, разработки лесных массивов.

Военнопленные находились в непривычных тяжелых климатических условиях, работали в условиях цинковых испарений и несоблюдении техники безопасности. Самыми характерными причинами смерти в актах военнопленных указывались следующие: отек легких, туберкулез легких, противокрупозная пневмония, производственная травма, илеус, дистрофия, а также сопутствующие инфекции – дизентерия, тиф. Следует сказать, что дистрофия у военнопленных вызывала множество других заболеваний, ослабленная иммунная система не имела возможности бо-

роться с вышеуказанными заболеваниями, смертность по причине дистрофии была самой высокой, очень редко по причине сердечной недостаточности. Во время работ в шахтах Алтайского и Лениногорского рудников погибли Шелагин Вальтер Карл, Дзиубали Гергард Макс, Шорс Густав Якоб. Последний приют земля Восточного Казахстана дала 181 военнопленному немецкой армии [8].

По данным М. Колерова, «...к февралю 1946 года общая численность военнопленных в лагерях и рабочих батальонах составила 2 миллиона 228 тысяч человек, в том числе 1 миллион 645 тысяч военнопленных западных национальностей с советско-германского фронта и 583 тысячи японцев. Трудовые ресурсы, полученные сталинской экономикой в результате войны, вполне сопоставимы с числом заключенных в лагерях ГУЛАГа: в том же 1946 году их общее число превысило 1 миллион 700 тысяч человек» [9, с. 6].

К весне 1947 года военнопленные в общем балансе рабочей силы ведущих министерств, по данным ГУПВИ МВД СССР, занимали значительное место: на строительстве в Министерстве авиационной промышленности – 31% от общего количества рабочих, по Министерству строительства топливных предприятий – 27,7%, Министерства промышленности строительных материалов – 24,1%, Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии – 20,1%, Министерства электростанций – 16,8%, Министерства цветной металлургии – 15,9%, Министерства угольной промышленности – 12,1% [10, с. 18].

Труд военнопленных на востоке Казахстана использовался при строительстве стратегически важных объектов, дающих электроэнергию, для Восточного Казахстана особое значение имело строительство Малоубинского водохранилища и Усть-Каменогорской ГЭС [11, л. 46].

Таким образом, судьба немецкого этноса вольно или не вольно оказалась тесно сплетена с историческими реалиями советской страны. За эпохой скрывается трагедия не одного народа, они внесли свой вклад в будущее нашей страны. Слишком высока цена потерь, об это должно помнить будущее поколение, чтобы не повторить ужасы прошлого.

Источники и литература

1. Подсчет сделан автором на основании следственных дел, репрессированных лиц. Архив Департамента комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Восточно-Казахстанской области. Ф. 1.

2. Администрация Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). Ф. 725. Оп. 2. Д. 43.

3. Риддерский рабочий. – 1937. – №161. – 17 июля.

4. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (далее – ГАВКО). Ф. 130. Оп. 15. Д. 10.

5. Там же. Ф. 462. Оп. 4. Св. 10. Д. 88.

6. АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 1181.

7. Букин С., Долголюк А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки Сибири. – 2000. – №2. – С. 49–54.

8. Составлено и подсчитано автором по ГАВКО (по архивным материалам дел Ф. 462).

9. Колеров М. Военнопленные в системе принудительного труда СССР 1945–1950 гг. // Отечественные записки. – 2003. – №3. – С. 3–12.

10. Бекмагамбетов Р. Иностранцы военнопленные в системе принудительного труда в Казахстане (1941–1950 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2009.

11. ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Св. 6. Д. 51.

М.М. Козыбаева

Казахстан, Алматы

Институт истории и этнологии

им. Ч.Ч. Валиханова

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В 1920–1930-е гг.

В статье автор изучает социально-демографические процессы среди городского населения Северного Казахстана в 1920–1930-е годы. На данные процессы большое влияние оказывали миграции населения в период кризисных явлений в сельском хозяйстве и советской экономике (голод и пр.), а также политические репрессии и депортации. В результате данных процессов, как подчеркивает автор, население Северного Казахстана становится полиэтничным с существенным уменьшением казахского населения.

Ключевые слова: миграция, перепись населения, голод, спецпереселенцы, демография, рурализация, население, этнос, национальный состав.

В годы силовой модернизации происходили крупные изменения в социально-демографической структуре населения Северного Казахстана, начало которым положили массовые крестьянские миграции из центральных районов России в конце XIX – начале XX вв. В первые годы после революции организованного массового переселения в Казахстан не проводилось. Однако стихийная миграция населения в Казахстан в связи с разрухой и, в особенности с голодом 1921 г., продолжалась.

Городское население Северного Казахстана в 1920–1930-е гг. также формировалось, в основном, путем трудовых миграций, а также за счет так называемых спецпереселенцев, и было довольно разнородно в этническом плане. Основной характеристикой социально-

демографических процессов в 1920–1930-е гг. было массовое переселенческое движение в Северный Казахстан из России, Украины, Белоруссии и других республик [1, с. 65].

Обратим внимание на тот факт, что в СССР на процесс развития городов оказали значительное влияние два фактора. Во-первых, индустриализация хозяйства и развитие различных его сфер способствовали увеличению рабочих мест в городах, что способствовало притоку рабочей силы из сельской местности. Во-вторых, коллективизация и механизация сельского хозяйства освободила сотни тысяч человек от ручного труда, которые также пополнили число городских жителей [2, с. 123]. Необходимо помнить также о больших миграционных потоках в период голодных лет из сельской местности в города. Если с 1917 до 1985 гг. численность городских жителей СССР возросла в 6 раз (с 29,1 до 180,2 млн чел.), то общая численность населения в эти годы увеличилась только в 1,5 раза (163 до 276,3 млн чел.) [3, с. 23]. Таким образом, в течение короткого исторического периода число городских жителей увеличилось на 150 млн человек, из них около 70% составляли городские жители, родившиеся в сельской местности [1, с. 56].

Социальные преобразования, ориентированные на создание сильного индустриального государства и урбанизированной среды, проводились в стране, руководство которой имело туманное представление о городе как системном целом, а у населения в своей массе не было необходимых навыков для формирования городской культуры. С другой стороны, темпы роста советских городов в 1920–1930-е гг. были столь высоки, что к 1934 г. численность городского населения увеличилась с 17,9% в 1929 г. до 31,7% в 1939 г. [4, с. 34]. Быстрая индустриализация приводила к размыванию городской культуры, которая к

тому же не имела достаточно прочных традиций. Условия жизни горожан 1-го поколения не требовали освоения особой городской культуры, и в город чаще всего переносились нормы жизни сельской общины. В связи с этим, исследователи отмечают «рурализацию» города [5, с. 44]. В социальном плане типичным представителем городского населения был мигрант из сельской местности, прибывший сюда на заработки. Такова была ситуация и в городах Северного Казахстана, переживших в своем становлении быстрый рост населения за счет переселенческого элемента, к которому можно было отнести и новую бюрократическую элиту, представленную рабочими и солдатами из крупных городов России, прибывшую для закладки на местах основ советского государства.

В связи с недостаточным статистическим учетом населения, не всегда точно можно определить количественные и качественные показатели демографических процессов в Северном Казахстане. Несмотря на то, что политическое руководство осознавало необходимость точного учета населения, все же первые переписные мероприятия 1920 и 1923 гг. не смогли восполнить пробелы предыдущих периодов, характеризующихся большим движением населения вследствие политических переворотов и гражданской войны. Так, со времени последней полной переписи населения 1897 г. прошло более 20 лет, а деятельность статистических органов на местах лишь начала возобновляться. Весьма важным обстоятельством явилось отстранение от регистрации актов гражданского состояния религиозных учреждений: теперь эта функция была передана Центральному отделу записей актов гражданского состояния при Комиссариате внутренних дел [6, с. 72]. Однако все равно полного охвата естественного движения населения не получалось в связи со сложной ситуацией на местах. Поэто-

му состав городского населения часто носил приближенный характер.

Сравнительно точные данные начинают появляться лишь в начале и к середине 1920-х гг., в ходе ряда переписей. К таким переписям можно отнести Первую всеобщую советскую перепись населения, которая была осуществлена 28 августа 1920 г. в условиях военного коммунизма и большевистского террора. Одновременно с всеобщей переписью производилась сельскохозяйственная перепись. 15 марта 1923 г. была проведена первая городская перепись населения, которая была призвана произвести учет промышленных и торговых учреждений. В ходе нее население было распределено по полу, возрастным группам, самостоятельности и занятиям. Наиболее полной была Всесоюзная перепись 1926 г., которая по методике и организации охватила все достижения мирового учета населения. Несмотря на погрешности, эти переписи являются ценным статистическим источником, поэтому мы будем обращаться к ним в изучении особенностей демографических процессов в городах Северного Казахстана.

В целом, удельный вес городского населения в общей численности населения был невысоким. Хотя в 1920–1923 гг. по республике темпы роста городского населения были выше темпов прироста сельского населения (10,3% – городское, 6,4% – сельское), эти годы были чрезвычайно трудными для большинства городов. В результате общей хозяйственной разрухи, сокращения незначительного промышленного производства и торговли, городское население оказалось в тяжелых условиях. Усилился отток городского населения в аулы, деревни. Особенно это коснулось мелких городов и поселков городского типа, что фиксируют городские переписи 1920 и 1923 гг.

Таблица 1

**Население городов Северного Казахстана
по данным переписей 1920 и 1923 гг.**

Наименование	Население по переписи 1920 г.			Население по переписи 1923 г.		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Петропавловск	16667	19267	35934	17437	18827	36264
Кустанай	9101	11014	20115	9941	10759	20700
Павлодар	7259	7027	14286	9532	9533	19065
Акмолинск	5402	5480	10882	5374	5312	10686
Кокчетав	3825	4114	7939	5353	5099	10452
Атбасар	2568	2821	5389	3191	3365	6556
Итого	44822	49723	94545	50828	52895	103723

Сост. по: Мешков А.А. Горперепись КССР 1923 года // Статистический вестник. – 1923. – №1. – С. 85–86.

Необходимо отметить, что население практически всех городов уменьшилось по сравнению с дореволюционным периодом. Наибольшее снижение коснулось населения г. Петропавловска, которое, согласно данным «Обзора Акмолинской области», в 1915 г. составляло 65230 чел., а в начале 1920-х гг. – 35 000 человек. В половозрастном составе наибольшее сокращение коснулось женщин: в 1915 г. – 35701 женщин, а в 1923 г. – всего 18827 [7, с. 45]. Практически на одном уровне осталось население г. Кустаная, которое по данным «Обзора Тургайской области» в 1914 г. составляло 21998 чел., а по данным 1920 и 1923 гг. – около 20 000 человек. Однако население Кокчетавы, наоборот, по сравнению с 1915 г. (4509 человек) выросло почти в два раза в 1923 г. (10452 человека). По нашему мнению, данные процессы можно объяснить активным уходом и смертями «голодных лет» в случае уменьшения населения, а также началом новой волны внутренних и внешних миграций населения в случае его резкого увеличения.

В целом, таблица показывает стабильный рост населения городов Северного Казахстана в 1920–1923 гг. Небольшое сокращение населения наблюдается лишь в г. Акмолинске. Увеличение городского населения Кустаная и Петропавловска, в целом незначительное, отмечалось в основном за счёт роста мужского населения. Стремительный рост г. Кокчетавы в этот период объясняется резким усилением миграционных процессов, а города Павлодара – увеличением его экономического потенциала, что приводило к массовому притоку свободных рабочих рук, главным образом из сельской местности. Стремительный рост городского населения Северного Казахстана особо заметен в сравнении с общереспубликанским уровнем: если средний рост населения городов и городских поселений в стране в 1920–1923 гг. составил 4%, то тот же показатель североказахстанских городов составил 9,7% [8, с. 86].

Говоря о типичных представителях горожан и их социально-экономическом положении, необходимо иметь в виду переселенческий характер формирования городского населения. Так социальную структуру городов Северного Казахстана можно проследить на примере Кустаная. Так, согласно городской переписи 1923 г., население г. Кустаная по социальному признаку разделялось на: крестьян – 9 303 чел., рабочих – 3 886 чел., служащих – 5 807 чел., красноармейцев – 48 чел., нетрудового элемента – 1 292 чел. и прочих 449 чел.» [9, л. 78]. Эти данные говорят о большом переселенческом элементе – в основном крестьян из сельской местности других регионов России (50%) среди горожан, а также о наличии масштабного бюрократического аппарата – служащих, составлявшего почти 20% всего населения.

В связи с данными процессами в городах Северного Казахстана складывается полиэтничная структура населения. Так, исследователь К.А. Саркенова обращает вни-

мание на тот факт, что в период 1923–1926 гг. 71,8% городского населения Каз. АССР было представлено европейскими национальностями: украинцами, немцами, белорусами, также татарами. Доля казахов в национальном составе городского населения составляла только 13,9% [10, б. 58]. Похожая ситуация имела место и в изучаемом регионе. Для определения национального состава городского населения Северного Казахстана обратимся к данным переписи 1923 г.

Из данных переписи следует, что подавляющая часть городов Северного Казахстана была населена русским населением: в Павлодаре русское население составило 61,8% от всего населения, в Петропавловске – 69,6%, в Костанайе – 73,7%. Второй по количественному составу являлась татарская диаспора, составлявшая 14% от всего городского населения. Казахское же население в городах было представлено незначительно (таб. 2).

Таблица 2

**Национальный состав городского населения
Северного Казахстана в 1923 г.**

	Кустанайская губ.	Семипалатинская губ.	Акмолинская губ.	Вся Каз АССР	% ко всему городскому населению
Русские	16411	77710	48174	308272	69,0
Татары	2608	14674	10851	62497	14
Казахи	356	18413	6836	39337	8,8
Украинцы	1019	5392	773	18979	4,3
Белорусы	8	3110	35	4373	1,0
Евреи	7	504	568	3633	0,8
Немцы	150	355	646	2236	0,5

	Кустанайская губ.	Семипалатинская губ.	Акмолинская губ.	Вся Каз АССР	% ко всему городскому населению
Поляки	57	612	181	1811	0,4
Мордва	55	283	74	785	0,2
Прочие	114	1860	765	4400	1
Итого	20785	122913	68903	446323	100

Сост. по: Всесоюзная городская перепись 1923 года : в 2 т. – М., 1923. – Т. 2.

Таким образом, статистические данные показали, что коренное население пополняло город не слишком значительно, вследствие специфики хозяйственного уклада жизни, и только набирающего обороты процесса насильственного оседания. В целом, за три межпереписных года коренное население в городах республики увеличилось с 7,2 до 8,8% [11, с. 57–58]. По данным переписи 1920 г. казахское население в городах Кустанайской губернии составляло всего лишь 0,2% (55 чел.), по данным 1923 г. – 1,7% (356 чел.). В Акмолинской губернии в городах в 1920 г. казахское население составило 7,3% (3994 чел.), а в 1923 г. – 9,9% (6836 чел.). На данном этапе казахское население пополняло административный аппарат только «необходимым» числом людей, и редко решало действительно важные вопросы в самоуправлении. Коренное население, проживая в сельской местности, организовывалось лишь на местном уровне. У власти на эту проблему была своя точка зрения: «Степь живет своей особенной жизнью и патриархальный уклад жизни киргиза кочевника, его оторванность от остального мира и поголовная безграмотность создают то средостение, которое стоит пока непреодолимым пре-

пятствием к широкому проникновению в киргизские степи тех идей, которыми живет пролетариат городов» [12, с. 44–53].

Таким образом, основная часть городского населения была представлена в основном европейским населением, продолжающим заселять, как и в царский колониальный период, север Казахстана.

Достаточно стабильная динамика роста городского населения Северного Казахстана отмечается на протяжении всей первой половины 1920-х гг. Обратимся к данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. (таб. 3).

Таблица 3

**Городское население Северного Казахстана
по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.**

Город	Мужчин	Женщин	Всего	В % к переписи 1923 г.
Кустанай	12067	13349	25416	123
Петропавловск	22960	24401	47361	132
Кокчетав	5338	5722	11060	106
Павлодар	8939	9003	17942	94
Акмолинск	6288	6493	12781	120
Итого	55592	58968	114560	

Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М., 1928. – Т. VIII : Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 14.

Таблица показала, что численность городского населения региона в межпереписной период увеличилась не существенно: в Кустанае – на 123% по сравнению с данными 1923 г., в Петропавловске – 132%, в Акмолинске – 120%, в Кокчетаве – 106%. Только в г. Павлодаре числен-

ность городского населения снизилась: 94% по отношению к показателям 1923 г.

Прирост городского населения во всех городах Северного Казахстана можно объяснить не только естественным приростом населения, но и значительным перемещением в города жителей сельской местности. В абсолютных цифрах наиболее населённым был город Петропавловск – 47361 чел., вторым по населенности г. Кустанай – 25416 жителей. Население других североказахстанских городов (Кокчетавы, Акмолинска, Павлодара) колебалось в пределах 11–18 тыс. чел. Женское население по-прежнему преобладало практически во всех городах, что объясняется продолжительным воздействием последствий гражданской войны, а также голода начала 1920-х гг., когда происходил существенный отток населения не только из сельской местности, но в целом из региона. В целом, несмотря на существенный рост городского населения, если совокупное население Северного Казахстана в 1926 г. составило 1854 272 чел., то горожане представляли лишь 6,7% от этого числа (124139 чел.) [13, с. 134–147]. Основная же масса жителей продолжала проживать в сельской местности.

К середине 1920-х гг. в североказахстанском регионе заметно снизился процент казахского населения, однако выросла доля других этносов – в первую очередь русского и украинского населения, что является следствием массового переселения в Северный Казахстан из районов центральной России и Поволжья. Если во всем регионе казахское население составляло 38,76% от общего числа населения, то есть 718 647 человек (украинцы – 33,78%, русские – 23,17%, немцы – 1,76%, татары – 1,34%, прочие – 1,19%), то в городах казахи составили лишь 10% от общего количества проживающих – 11 540 человек [13, с. 134–147].

Для анализа ситуации в конкретных городах обозначенного региона обратимся к статистике. Статистические данные свидетельствуют о малочисленности казахов в числе городского населения Северного Казахстана. Наиболее высокая численность казахов зафиксирована в г. Акмолинске – 4 403 человека, наименьший показатель в г. Костанай – 412 человек. Подобная статистика может утверждать, по-прежнему казахи предпочитали проживать в сельской местности, а руководство не торопилось привлекать их в качестве управленцев. Дело в том, что города, оставаясь центрами управления края, содержали исполнительные органы, которые в подавляющем большинстве были представлены русскоязычной массой для быстрой связи с центром. В связи с этим, вопрос об участии коренного населения в управлении североказахстанским регионом и использовании в делопроизводстве казахского языка находился на уровне вынужденного обсуждения (таб. 4).

Таблица 4

**Доля казахского населения (по родному языку)
в городах Северного Казахстана
по Всесоюзной переписи населения 1926 г.**

Города	Всего городского населения	В том числе казахов	% отношение казахов ко всему населению
Кустанай	25417	412	1,6
Петропавловск	47357	2712	5,7
Кокчетав	11053	817	7,3
Павлодар	17949	3196	17,8
Акмолинск	12781	4403	34,5
Всего	114557	11540	10

Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М., 1928. – Т. VIII : Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 134–147.

Для понимания сложности этнической картины городского населения региона, обратимся к материалам Всероссийской переписи 1926 г., представленным в нижеприведенной таблице. Здесь представлены статистические данные о национальном составе городов Акмолинск, Петропавловск, Кокчетав, Атбасар Акмолинской губернии, 4 городов (в том числе Павлодар) Семипалатинской губернии, а также г. Кустаная Кустанайского округа (таб. 5).

Таблица 5

**Национальный состав городского населения
Северного Казахстана в 1926 г.**

	Численность городского населения				% ко всему городскому населению
	Акмолинская губ.	Семипалатинская губ.	Кустанайский округ	Итого	
Казахи	9080	22014	412	31506	13,9
Русские	50726	73476	18723	142972	63,13
Украинцы	5197	5393	2491	13081	5,77
Белорусы	644	1913	61	2618	1,15
Татары	11487	12746	2898	27131	11,98
Евреи	646	505	82	1233	0,54
Немцы	1184	456	227	1867	0,82
Поляки	265	426	65	754	0,33
Мордва	396	326	126	848	0,37
Киргизы	327	1735	76	2138	0,94
Прочие	765	1389	199	2353	1,03
Итого	80717	120379	25360	226456	100

Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М., 1928–1929. – Т. 9. – С. 34–51; Т. 10. – С. 9–13; Т. 11. – С. 8–17; Т. 14. – С. 6–16; Т. 15. – С. 8–13; Т. 16. – С. 8–12; Т. 17. – С. 8–25.

Вы видим, что даже в разрезе городов севера и востока Казахстана, ситуация остается неизменной: преобладание русского населения было существенным и составля-

ло более 63%. Тогда как казахи, в том числе за счет других городов Семипалатинской губернии (куда входил и Павлодар), достигли всего около 13% от численности всего городского населения. На третьем месте стояли татары – почти 12%, начавшие заселять край еще в конце XIX в. в ходе крестьянской и миссионерской миграции. Вследствие преобладания русскоязычного населения в городах Северного Казахстана начинается постепенный процесс языковой ассимиляции. Русский язык постепенно становится фактором социальной и политической успешности индивида, вне зависимости от его национальной принадлежности.

Социально-демографическое развитие городов Северного Казахстана в период усиления тоталитаризма в 1928–1937 гг. представляет собой весьма сложный и противоречивый процесс, имевший в качестве последствий не только коренные изменения в социально-экономическом и культурном развитии, но и усилением миграционных и демографических процессов в результате перехода к новым формам и методам управления. Сложные продовольственные проблемы, вылившиеся в голод начала 1930 гг., а также многочисленные миграции населения (добровольные и вынужденные) в регионе не могли не сказаться на демографической ситуации в городах Северного Казахстана.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. в Казахстан начинают прибывать раскулаченные крестьяне-переселенцы из России, Украины и других республик так называемые «спецпоселенцы» (1930 г.) или «трудпоселенцы» (с 1933 г.) [14, с. 33]. В данной ситуации города становились временными пунктами приема высланного населения. Так, в протоколе заседания тройки при Павлодарском окротделе ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса, в том числа среди немецкого населения от 27–28 января 1930 г. было решено «высылку кулаков и баев из г.

Павлодара производить партиями в 100–300 человек, учитывая недостаточность помещений, могущих быть использованными для содержания их под стражей» [15, л. 3].

Кроме механического движения населения, в данный период наблюдалось самое значительное сокращение численности населения, вызванное страшным голодом 1930-х гг. [16, б. 56]. При этом сверхвысокая смертность свирепствовала в Казахстане с 1928 по 1934 гг. включительно. Известно, что в гг. Акмолинске, Кустанае, Петропавловске смертность среди населения более чем в два раза превышала рождаемость. Естественный прирост за первые пять месяцев 1933 г. был отрицательным по всем городам Казахстана. Однако в большей степени голод затронул в первую очередь сельское население. Так, жертвами голода стали в этот период 1 млн. 750 тыс. чел. или 42 % всей численности казахского населения в республике, произошло снижение численности украинцев – с 859,4 тыс. до 658 тыс., узбеков – с 228,2 тыс. до 103,6 тыс. и т.д. В Северном Казахстане было потеряно 400,9 тыс. чел. или 51,4%, то есть более половины представителей казахского населения [17, с. 187]. В этой ситуации города становились приемным пунктом сельских беженцев.

Изучим данные процессы на примере материалов г. Петропавловска. Так, население г. Петропавловска росло довольно большими темпами за счет внешних миграций. Если на 1 февраля 1932 г. в городе проживало 60 960 чел., то уже к концу 1932 г., согласно статическим данным Инспектуры народнохозяйственного учета Петропавловского горисполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, за счет прибывающих население города выросло до 65800 человек. Из них только 25292 человек числились работоспособными (самодеятельными): к этой категории относились рабочие, служащие, а 40516 человек – несамодеятельными (дети, старики, иждивенцы). Боль-

шое количество людей прибывало в основном из сельской местности: всего за 1932 г. прибыло 24 791 чел., из них 15940 чел. прибыло из сельской местности, 7621 чел. – из других городов, из неизвестных мест – 1230 человек [18, б. 76]. Однако в связи с повсеместной тяжелой экономической обстановкой город не мог трудоустроить и накормить всех желающих, поэтому имели место и дальнейшие миграции населения в другие, более благополучные регионы страны.

Согласно данным статистики, в этом же 1932 г. из г. Петропавловска выбыло 20 058 чел., из них в другие города выбыло 8837 чел., в сельскую местность – 4908 чел., в неизвестном направлении – 6313 человек. Таким образом, механический прирост населения в 1932 г. составил всего 4733 чел. Такая закономерность не случайна, если мы примем во внимание ситуацию в сельской местности, охваченную голодом в связи с повсеместным недостатком продовольствия. Естественно, что люди шли за помощью в города с целью обращения к властям в поисках хлеба и лучшей доли. Однако и в городе ситуация с постоянными возрастающими налогами на продовольствие была не самая благоприятная, что приводило к дальнейшим миграциям как переселенцев так и коренных городских жителей [19, д. 16, л. 2–3].

Переселенцы влияли и на этнический состав городов. Так, например, по национальному составу городское население Петропавловска в 1932 г. было представлено следующим образом: русские – 42878 (70,3%), татары – 8103 (13,3%), казахи – 6397 (10,5%), украинцы – 1421 (2,3%), немцы – 651 (1,1%), евреи – 420 (0,7%), поляки – 258 (0,4%), грузины – 12 чел., прочие – 820 (1,4%) [19, д. 1, л. 41]. Таким образом, русскоязычное население продолжало преобладать в городской среде в течение всего периода.

В этот же период в г. Петропавловске была зафиксирована довольно высокая смертность населения: всего умерло 2175 человек, из которых 1149 мужчин, 1026 женщин. Необходимо также отметить большую детскую смертность. Согласно «Общим сведениям о естественном движении населения города Петропавловска за 1932 год» за текущий год из 2077 случаев родов мертворожденных было зафиксировано 13 случаев, зарегистрирована 401 смерть детей до 1 года, из которых умерло 226 мальчиков, 176 девочек. Причинами смерти выступали в основном заболевания системы пищеварения (в том числе, вызванные недоеданием или употреблением некачественной пищи), воспаление легких, распространение вирусных заболеваний (тифа, туберкулеза и других). Таким образом, мы видим отрицательные показатели естественного прироста населения (2064 рождений против 2175 смертей) города Петропавловска в 1932 г. [19, л. 53].

Аграрная катастрофа повлекла за собой ускоренные темпы урбанизации во второй половине 1930-х гг. Если за 1926–1939 гг. все население республики увеличилось на 2,6%, то городское – на 268%, а сельских жителей стало меньше на 21,9%. Среди союзных республик СССР в Казахстане были наиболее высокие темпы прироста городского населения. По темпам его роста Казахстан немного опережал общесоюзный показатель, составлявший 112,5%. Заметно уступали Казахстану по темпам прироста горожан Туркмения (204,0%), Таджикистан (137,6%), Киргизия (121,2%), Армения (119,5%) и другие республики [20, с. 71]. Этот факт свидетельствовал о более высоких темпах индустриализации в Казахстане, чем в других странах региона.

В Северном Казахстане во всех областях также происходили процессы урбанизации и связанный с ними рост городского населения. Эти процессы были тесно связаны с

общереспубликанскими и общесоюзными тенденциями. Этому способствовали движение населения в города вследствие тяжелой обстановки в сельской местности, а также прибытие новой рабочей силы на промышленные стройки из других регионов Советского Союза. Обратим внимание на материалы таблицы, характеризующие численные показатели роста городского населения в регионе (таб. 6).

Таблица 6

**Численность городского населения
Северного Казахстана в 1939 г.**

Область	Численность населения		
	Городское	Сельское	Всего
Акмолинская	70357	388152	458509
Кустанайская	48885	318967	367852
Павлодарская	33809	217448	251257
Северо-Казахстанская	110920	430607	541527
<i>Итого по Северному Казахстану</i>	263971	1355174	1619145
Итого по Казахстану	1710027	4441075	6151102

Сост. по: ЦГА. Ф. 698. Оп. 14. Д. 80. Л. 25, 65, 66, 74; ГАСКО. Р. 93. Д. 780. Л. 27, 312 (584,6) В 852 К. Л. 58–59, 60–61.

Как мы видим, в сравнении со средними показателями по республике, уровень урбанизации в Северном Казахстане хоть и был невысоким (удельный вес городского населения по республике – 27,8%, а в регионе – всего 16,3%), но, как и в целом по Казахстану, она набирала темпы. Так, если в 1926 г. численность населения г. Акмолинска составляла 12781 чел., то 1939 г. она достигла 33221 чел., увеличившись более чем в 2,5. В гг. Павлодаре и Кустанае численность населения возросла соответственно с 17949 чел. до 28252 чел. и с 25417 до 33522 человек.

Наибольший прирост городского населения наблюдался в Акмолинской области: с 19527 чел. в 1926 г. до 70357 чел. в 1939 г., то есть увеличение в три с лишним раза. Наиболее урбанизированной в регионе была Северо-Казахстанская область, в которой удельный вес городского населения составлял 20,5%, а наименее урбанизированной Кустанайская – 13,3% [21, с. 100]. Связано это было с созданием новых рабочих мест и массового притока в города сельских жителей после насильственной коллективизации, а также подъемом железнодорожного и промышленного строительства в северных городах.

Стабильная тенденция роста городского населения наблюдается до конца периода. Согласно Всесоюзной переписи 1939 г. наблюдается рост городского населения Северного Казахстана: в Акмолинской области оно составляло 70357 чел., Кустанайской области – 48885 чел. (в том числе в г. Кустанае – 33552 чел.), Павлодарской области – 33809, Северо-Казахстанской – 110920 чел. В Акмолинской, Кустанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях в предвоенные годы проживало 1446,2 тыс. чел., что составляло 24,2% всего населения республики [22, л. 53].

Согласно представленной таблицы 7, в регионе наблюдается стабильный рост городского населения: если в 1939 г. население в городах составляло 16,4% от всего населения региона, то в 1940 г. этот показатель составил уже 21, 2%. Кроме того, в сопоставлении с республиканскими показателями, Северный Казахстан показал достаточные высокие темпы урбанизации: 27, 8% от всего населения в 1939 г. и 29,5% – в 1940 г. (таб. 7.)

Таблица 7

Численность населения северных областей Казахстана в 1939–1940 гг.

Область	Население в 1939 г.			городское %	Население в 1940 г.			городское %
	Город	Село	Всего		Город	Село	Всего	
Акмолинская	39,6	283,2	322,8	12,3	123,5	334,1	457,6	27
Кустанайская	48,9	319,0	367,9	13,3	48,9	323,0	371,9	13,1
Павлодарская	33,5	216,5	250,0	13,4	35,3	216,0	251,3	14,0
Северо-Казахстанская	91,6	271,4	363,0	25,2	98,2	267,1	365,3	27,0
Итого по региону	213,6	1090,1	1303,7	16,4	305,9	1140,3	1446,2	21,2
Итого по республике	1706,1	4439,8	6145,9	27,8	1764,3	4213,8	5978,1	29,5

Сост. по: ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 21. Д. 231. Л. 1; ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 231. Л. 1–439.

Благодаря новому промышленному и железнодорожному строительству в регионе, в один ряд с другими крупными городами республики (Семипалатинск, Шымкент, Уральск) становится г. Петропавловск, численность населения которого в 1939 г. составила 91,6 тыс. человек. Города Кустанай (33,5 тыс. чел.) и Акмолинск (33,2 тыс. чел.) вошли в группу городов свыше 30 тыс. человек населения. В группу городов с количеством населения более 20 тыс. попал город Павлодар с населением в 28,5 тыс. чел.; в группу городов с населением от 10 тыс. чел. относился г. Кокчетав – 19,2 тыс. чел., к мелким городам – Атбасар (6,0 тыс. чел.) [23, б. 15]. Увеличение городского населения было обусловлено естественным приростом, а также интенсивной миграцией в период промышленного подъема.

Однако изменение численности городского населения в регионе характеризовалось крайней неравномерностью. В Акмолинской области произошли самые большие численные изменения населения, в результате чего оно увеличилось на 134, 8 тыс. В 1940 г. в области была зафиксирована самая высокая рождаемость среди городского населения – 57 рождений на 1000 человек; за 1939–1940 гг. городское население за счет естественного прироста увеличилось на 5892 человек. Высокая рождаемость среди городского населения была зафиксирована также в Павлодарской области – 53 рождения на 1000 человек. В целом, если за счет механического прироста население северных областей увеличилось на 55,9 тыс. чел., то за счет естественного прироста – на 79,9 тыс. человек [1, с. 134].

В целом, под влиянием естественного и механического движения населения численность городского населения Северного Казахстана увеличилась с 213,6 тыс. в 1939 г. (по состоянию на 17 января) до 305,9 тыс. чел. в 1940 г., то есть на 92,3 тыс. человек, частично изменилось его размещение на территории региона. Если на начало 1939 г.

42,9% его населения проживало в городах и городских поселках Северо-Казахстанской области, то на конец 1940 г. 40,4% (123,5 тыс. чел.) сосредоточилось в Акмолинской области, а в городах двух областей – Акмолинской и Северо-Казахстанской – проживало 221,7 тыс. человек, то есть 72,5% всего городского населения севера Казахстана, в двух других областях – в Кустанайской и Павлодарской – 27,5% [24, с. 100].

В национальном составе городов Северного Казахстана по-прежнему преобладало русское население, составлявшее более 63% всего городского населения региона. Практически на этом же уровне осталась доля коренного населения: казахи составляли 16,9. Значительную долю населения представляли украинцы – 8,9%, а также татары – 6,2%. Наибольший удельный вес казахского населения наблюдался лишь малых городах: в г. Атбасаре – 25,9% (1568 из 6035 человек населения), а также во вновь образованных производственных городах, бывших до недавнего времени рабочими поселками: г. Степняк – 32,22% (7373 из 22882 человек) и г. Джетыгара – 30,79% (4725 из 15345 человек). Это говорит о постепенном увеличении среди рабочего населения доли казахского населения вследствие форсированной политики коллективизации и ускоренной индустриализации (таб. 8).

Таблица 8

Национальный состав населения городов Северного Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 г.

Националь- ность	Численность населения								Итого	в %
	Петропа- ловск	Акто- линск	Павлодар	Кустанай	Кокчетав	Атбасар				
Казахи	8416	10481	9030	2795	3789	1568			36079	16,9
Русские	6671	16103	14983	22202	11920	2493			134472	63,1
Украинцы	5374	3034	2637	5078	1501	1441			19065	8,9
Белорусы	—	279	97	—	—	14			390	0,18
Татары	7757	1256	877	1717	1275	341			13223	6,2
Мордовцы	296	96	—	—	—	16			408	0,19
Немцы	833	548	236	275	98	39			2029	0,95
Корейцы	147	775	—	762	86	4			1774	0,83
Поляки	294	141	—	—	179	34			648	0,30
Прочие	2467	496	675	711	412	85			4845	2,27
Итого	91660	33209	28535	33540	19260	6035			212933	100

Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Краткие итоги. — М., 1991; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 7. Д. 256–427. Таб. 26. Национальный состав населения районов, районных центров, городов и крупных сельских населенных пунктов.

Материалы таблицы показывают довольно разнообразную этническую картину, вызванную не только естественным приростом населения. Необходимо помнить, что со второй половины 1930-х гг. продолжается насильственная депортация населения в различные регионы страны, в том числе в Северный Казахстан. Только в Павлодарское Прииртышье были высланы поляки, немцы, курды, армяне, корейцы, ассирийцы, калмыки, чеченцы, крымские татары, балкарцы и другие. Для изучения численности «спецконтингента» в составе городского населения Северного Казахстана обратимся к материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. (таб. 9).

Таблица 9

Численность городского населения Северного Казахстана и доля спецпереселенцев в его составе в 1939 г.

Город	Городское население		В т.ч. «спецконтингент»			% в составе городского населения	
	всего	муж.	жен.	всего	муж.		жен.
Кустанай	33540	16654	16886	1869	1528	341	5,6
Петропавловск	91660	45873	45787	5150	4218	932	5,6
Кокчетав	19260	10016	9244	1070	880	190	5,5
Павлодар	28535	14938	13597	1598	1263	335	5,6
Ақмолинск	33209	17308	15901	1847	1511	336	5,5
Атбасар	6035	2953	3082	336	276	60	5,5
Всего	212239	107742	104497	11870	9676	2194	5,6

Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Краткие итоги. – М., 1991.

Политические процессы второй половины 1930-х гг. повлияли на демографические процессы в регионе, в связи с движением лиц различной квалификации и большой текучести партийных кадровых работников. В этот же период начал раскручиваться маховик репрессий, достигший своего пика в 1937 г. Так, в Павлодаре уже к 1935 г. из городской партийной организации было изгнано и репрессировано около 30% коммунистов, были заменены почти все первые и вторые секретари райкомов партии. Не обошли репрессии учителей, врачей, руководителей учебных заведений, служителей религиозного культа.

Северные города Казахстана стали местом политической ссылки для репрессированных и членов их семей (ЧСИР). Сюда было сослано немало ленинградцев после убийства С.М.Кирова в декабре 1934 г. «Просим наше правительство беспощадно расправиться с убийцами Кирова, – требовали горожане. – Смерть Кирова дорого обойдётся врагам». И правительство расправлялось. Например, в г. Акмолинске располагалась печально известный АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен-изменников Родины. В г. Павлодар ссылались и те, кто отбывал сроки в лагерях ГУЛАГа: командир крейсера «Аврора» Валентин Евгеньевич Эмме, (похоронен на павлодарском кладбище в 1970 г.); здесь же похоронены Юлий Готфридович Венске, выпускник Гамбургского университета, инженер-кораблестроитель, стоявший у истоков советского торгового флота; известный ученый-путешественник Евгений Сергеевич Гернет. Долгие годы здесь жила семья автора грозного оружия «Катюша» Георгия Эриховича Лангемака. В Павлодарское Прииртышье были высланы поляки, немцы, курды, армяне, корейцы, ассирийцы, калмыки, чечены, крымские татары, балкарцы и др. Всего в Павлодарском Прииртышье было арестовано свыше 4500 человек, расстреляно более

800 репрессированных, из них 554 человека в 1937 г. [25, с. 125].

Статистические данные свидетельствуют о том, что во всех городах около 5% населения составлял так называемый «спецконтингент», подсчитанный специальными органами внутренних дел, и добавленный уже после опубликования основных результатов переписи 1939 г. Интересно отметить, что если в основной структуре населения мужское и женское население почти одинаково: 107742 и 104497 человек соответственно, то контингент спецпереселенцев был представлен в основном мужским населением, который превосходил в количественном плане женское население почти в 4 раза (9633 мужчин против 2181 женщин). По нашему мнению, такая специфика была обусловлена тем, что спецпереселенцы в основном работали на добыче полезных ископаемых, то есть были заняты тяжелыми видами производства [26, с. 132].

Анализ демографических процессов показал умеренный рост городского населения даже в голодные годы, что связано было с естественным приростом населения, преобразованием части сел в поселки городского типа, а также интенсивной миграцией сельского населения в городскую местность на промышленные стройки, пополнения рабочей силы за счет «спецконтингента». В целом, города в своем социально-демографическом развитии отражали воздействие общесоюзных процессов ускоренной индустриализации и коллективизации, голодных лет, а также репрессивных меры советского государства, в том числе депортации народов. Именно в это время Северный Казахстан закрепил за собой статус полиэтничного региона, а его города выступили инициаторами взаимодействия этносов, что заложило фундамент для формирования толерантности, характерной для современного казахстанского общества.

Источники и литература

1. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.) – Алматы, 1991.
2. Исаков У.М. Города в системе расселения Казахстана. – Алма-Ата, 1992.
3. Никифоров И.Д. Городское население Казахстана (1917–1939 гг.) – Алма-Ата, 1988.
4. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав: 1870–1914 гг.) – Алма-Ата, 1981
5. Какенова А.А. Социально-демографические процессы в Северном Казахстане в 1926-1959 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2004.
6. Капанов К.Х. Урбанизация в Казахстане: история и современность // XX ғасырдағы астаналар ауысуы: Халықаралық ғылыми конференцияның баяндамалар жинағы. – Астана, 2008. – С. 70–73.
7. Обзор Акмолинской области за 1915 год. Издание Акмолинского Областного статистического комитета. – Омск, 1917.
8. Мешков А.А. Горперепись КССР 1923 года // Статистический вестник. – 1923. – №1. – С. 81–88.
9. ГАКО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 38.
10. Саркенова К.А. 1920-1930 жылдардағы Қазақстан халқы. – Алматы, 2011.
11. Харлампович К. Национальный состав городов КССР по переписи 1923 года // Статистический вестник. – Оренбург, 1925. – № 5. – С. 55–67.
12. Отчет Бюро Кустанайского Губернского Комитета РКП (б) за ноябрь месяц 1923 года // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 20. – С. 44–53.

13. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Алма-Ата, 1928.
14. Из истории депортаций Казахстан. 1930–1935 гг. : сб. док. – Алматы, 2012.
15. ГАПО. Ф. 8-П. Оп. 1. Д. 293.
16. Омарбеков Т. Зобалаң: ашаршылық. – Алматы, 1994.
17. Мананбаев Ж.И. Павлодар облысының әлеуметтік-экономикалық даму жолдарының ерекшеліктері (1938–2006 жж.) : тарих. ғыл. канд. ... автореф. – Семей, 2010.
18. Омарбеков Т. 20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. – Алматы, 1997.
19. ГАСКО. Ф. 922. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 11, 12, 13, 16.
20. Капанов К.Х. Урбанизация в Казахстане: история и современность // XX ғасырдағы астаналар ауысуы : Халықаралық ғылыми конференцияның баяндамалар жинағы. – Астана, 2008. – С. 70–73.
21. Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. – Алматы, 1993.
22. ГАСКО. Ф. 922. Оп. 1. Д. 1.
23. Құдайбергенова А.И. Қазақстан халқының әлеуметтік және ұлттық құрамындағы өзгерістер (1939–1959 жылдар) : тар. ғыл. канд. ... автореф. – Алматы, 2000.
24. Кабульдинов З.Е. История Астаны : учеб. пособие для учащихся общеобразовательных школ. – Астана, 2008.
25. Депортированные в Казахстан народы: Время и судьбы. – Алматы, 1998.
26. Козыбаева М.М. Этнодемографические процессы в городах Северного Казахстана во второй половине 1920–1930 гг. // Материалы междунар. науч.-практич. конф. «Эволюция казахской государственности: исторические традиции и вызовы XXI века». – Астана, 2015. – С. 131–135.

С.Р. Курманова

Россия, Омск

Сибирский филиал Российского

научно-исследовательского института

культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

ЭТНОГРАФИЯ ПИТАНИЯ НЕМЦЕВ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена истории этнографического изучения питания немцев, проживающих на территории Западной Сибири. В ней представлен анализ трудов отечественных и зарубежных ученых, в которых освещены различные аспекты данной проблемы.

Ключевые слова: этнография питания, немцы Сибири, традиционная пища, этническая специфика, система питания.

Исследования в области этнографии питания являются одним из актуальных направлений современной науки. Не являются исключением и исследования по этнографии питания немцев.

Анализ литературы по пище российских немцев показал, что она в значительной степени носит описательный характер. Как правило, исследователи рассматривали пищу немцев в рамках исследования традиционной культуры. Из работ дореволюционного периода следует отметить статьи и очерки о жизни немецких колоний в европейской части России, в определенной мере затрагивающие исследуемую тему. Среди них заметно выделяются работы А. Гакстгаузена и А. Клауса [1], содержащие немало этнографических сведений о развитии ремесла и сельского хозяйства, об особенностях питания в немецких колониях Поволжья.

Самой известной работой этого периода является книга Я. Дитца «История поволжских немцев-колонистов» [2], подготовленная к 150-летию немецких колоний на Волге. Для данного исследования работа интересна тем, что содержит ценные сведения по обычаям и традициям поволжских немцев. В ней представлено не только описание пищи, но и выделены повседневные, праздничные и обрядовые блюда немцев Поволжья, одного из районов немецкой колонизации. Эта книга и сегодня не потеряла своей ценности для широкого круга исследователей.

После революционных событий 1917 г. начинается следующий период в изучении немецкой колонизации России, характеризующийся новыми методологическими подходами в исследовании истории и культуры немецкого населения. Публикаций по теме исследования в 1920 – 1930-е гг. вышло крайне мало. Большое значение для изучения повседневного и обрядового рациона, культуры питания поволжских немцев имеют исследования П. Зиннера и П. Галлера [3]. В них приводятся сведения о повседневном меню, охарактеризован состав праздничных и обрядовых трапез, рассмотрена технология приготовления некоторых блюд. Отмечая важность и ценность этих работ, следует подчеркнуть, что они, являясь воспоминаниями, содержат существенный элемент субъективизма и эмоциональных оттенков и, следовательно, возникает вопрос об их репрезентативности.

Необходимо отметить, что в советский период исследования по истории немцев фактически находились под негласным запретом. Первые крупные работы послевоенного периода были посвящены отдельным группам немцев, в частности сибирским и закарпатским немцам. Большой вклад в изучение немецкого населения СССР внесли Л.В. Малиновский и Т.Д. Филимонова [4].

Работы Л.В. Малиновского были посвящены проблемам социально-экономического развития немецкой деревни Сибири. В публикациях Т.Д. Филимоновой [5] приводятся материалы по этнопитанию немцев XIX – середины XX века. В работах автора рассматриваются элементы питания, связанные с повседневным и обрядовым рационом. Собранные ею в ходе полевых экспедиций этнографические и этносоциологические данные обеспечили отправную точку для современных исследований в области этнографии немцев.

При проведении сравнительного анализа праздничной и обрядовой трапезы немцев Сибири с пищей немцев Германии были использованы исследования Т.Д. Филимоновой, опубликованные в коллективной работе «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы (конец XIX – начало XX века)», а также монография Е.А. Брюхновой по календарной обрядности немцев различных земель Германии [6].

Для историографии постсоветского периода характерен бурный всплеск интереса к истории и культуре российских немцев, связанный, прежде всего, с процессом реабилитации немецкого народа. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появились исследования, посвященные проблемам этнической истории, традиционной и современной культуры немцев Сибири.

В Сибири научно-исследовательские центры по изучению истории и культуры российских немцев возникли в Барнауле, Кемерово, Красноярске, Новокузнецке, Новосибирске, Томске. Одним из крупных центров по изучению истории, этнографии и культуры российских немцев стал Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. В 1996 г. в университете была открыта научно-исследовательская лаборатория этнографии и истории немцев Сибири, которой руководит Т.Б. Смирнова. В чис-

ле приоритетных направлений деятельности лаборатории является проведение этноисторического изучения немецкого населения Сибири, главным образом путем проведения полевых этнографических исследований [7].

Омские этнографы внесли существенный вклад в изучение всего комплекса традиционно-бытовой культуры немецкого населения Западной Сибири, в том числе и сферы материальной культуры. В работах Т.Б. Смирновой приводится краткий обзор пищи немецкого населения Западной Сибири [8]. Автором рассмотрены этнокультурные процессы у немцев, проживающих в Кемеровской, Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае, дана характеристика современного состояния пищевого комплекса сибирских немцев. От остальных работ это исследование отличается в выгодную сторону сочетанием данных этносоциологического опроса со значительным эмпирическим материалом.

Вопросы питания рассматриваются в контексте их взаимосвязи с теми или иными календарными обрядами в работах С.А. Лоеше (Рублевской) [9]. Кроме того, в них раскрыто символическое содержание некоторых обрядовых трапез. Среди сделанных этой исследовательницей выводов следует отметить положение о существовании в календарной обрядности исследуемого населения локальных и конфессиональных особенностей, что отразилось и на системе питания.

Материалы по традиционной пище содержатся в монографическом труде С.А. Рублевской и Т.Б. Смирновой «Традиционная обрядность немцев Сибири» [10]. Эта работа важна тем, что в ней выделены не только праздничные и обрядовые блюда, но и предприняты первые попытки различить самобытные и заимствованные черты в традиционной системе питания сибирских немцев, выявить ее этническую специфику.

Большое значение для изучения данной темы имеют статьи И.Н. Черновой [11] по семейно-бытовым традициям немецкого населения Западной Сибири. В них рассмотрены особенности питания семьи, порядок трапезы и некоторые формы «пищевого общения».

В книге А.Н. Блиновой и И.Н. Черновой «Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI века» [12] в региональном аспекте выявляются общие и специфические черты в формировании и развитии семейных обрядов, а также уделено внимание режиму питания семьи, людей различных категорий (детей, беременных, рожениц). Полученные авторами этой монографии в ходе полевых исследований материалы показывают наличие изменений в питании семьи, семейном «пищевом общении».

В работе широко привлекались публикации А.Р. Бетхера по традиционному хозяйству немцев [13], поскольку модель питания и пищевой рацион этноса напрямую зависят от его хозяйственной деятельности.

В зарубежной науке публикации по истории российских немцев выходят в основном в Германии, Канаде и США. Большую ценность для нашего исследования представляет альманах Землячества немцев-выходцев из России, созданного в Штутгарте, «Heimatbuch» («Книга Родины»). В нем содержатся обширные сведения по истории немецких колоний в России. Из публикаций ежегодника следует выделить работу Э. Зайба «Поволжские немцы в зеркале их обрядности» [14]. В разделе «Дом. Двор. Поле» он рассмотрел особенности питания семьи и порядок трапезы. В работе также содержатся отрывочные сведения о пище в обрядах и праздниках календарного и семейного цикла немцев Поволжья. Благодаря тому ценному фактическому материалу, который приводится в статье, она не потеряла своей актуальности до сегодняшнего дня.

В американской литературе вопросы питания меннонитов – выходцев из России рассматриваются в работе Н. Вос [15]. Главное внимание автором уделено блюдам, заимствованным из места промежуточного проживания немцев – Украины.

Подводя итог историографическому обзору, нужно отметить, что изучение пищи у немецкого населения Сибири проводилось фрагментарно, по отдельным аспектам. Поэтому можно констатировать, что вопросы состояния и развития пищевого комплекса у немецкого населения Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI века не получили еще своего комплексного изучения и поэтому данная работа остается первым опытом такого исследования.

Источники и литература

1. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / пер. с нем. – СПб., 1870; Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. – СПб., 1869. – Вып. 1.

2. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. – М., 1997.

3. Зиннер П. Немцы Нижнего Поволжья. Исторический очерк. – Саратов, 1925; Галлер П.К. Воспоминания (Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX столетия). – Саратов, 1994.

4. Малиновский Л.В. Жилище немцев-колонистов в Сибири // СЭ. – 1968. – № 3. – С. 97–105; Гроздова И.Н., Филимонова Т.Д. Венгры и немцы Советского Закарпатья (по материалам полевых исследований 1968–1969 гг.) // СЭ. – 1970. – № 1. – С. 135–143; Филимонова Т.Д., Шин М.Ф. К вопросу об этнокультурном развитии немцев Закарпатья // Карпатский сборник. – М., 1972. – С. 116–138.

5. Филимонова Т.Д. Об этнокультурном развитии немцев СССР // СЭ. – 1986. – № 4. – С. 100–111; Она же. Тенденции этнического развития немцев СССР // Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. – М., 1989. – С. 7–29; Она же. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы. – М., 1989. – С. 5–43.

6. Она же. Немцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. – М., 1973. – С. 139–161; Филимонова Т.Д. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX – начала XX в. Весенние праздники. – М., 1977; Филимонова Т.Д. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы. – М., 1989. – С. 5–43; Брюхнова Е.А. Календарная обрядность у немцев в XIX – начале XX вв. Весенний цикл. – М., 1998.

7. Блинова А.Н., Смирнова Т.Б. Исследования по этнографии российских немцев в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского // Материалы Международ. науч.-методич. конф. – Караганда, 2008. – С. 103–107.

8. Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск, 2002; Она же. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. – Новосибирск, 2003; Она же. Этнографическое изучение российских немцев Сибири // Ключевые проблемы истории российских немцев. – М., 2003. – С. 330–347.

9. Рублевская С.А. Традиционные черты календарной обрядности немцев Западной Сибири // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М., 1996. – С. 366–371; Она же. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв. – М., 2000.

10. Рублевская С.А., Смирнова Т.Б. Традиционная обрядность немцев Сибири. – Омск, 1998.

11. Чернова И.Н. История семьи и семейно-бытовые традиции немецкого населения Западной Сибири // Сибирь-

ская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. научн. тр. : в 3 ч. – Омск, 2004. – Ч. II. – С. 59–63; Она же. Семейный быт немецкого населения Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание : сб. науч. тр. – Омск, 2005. – С. 220–228; Она же. К характеристике семейного быта немцев Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. – Омск, 2005. – С. 59–60.

12. Блинова А.Н., Чернова И.Н. Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI века. – Омск, 2009.

13. Бетхер А.Р. Состояние животноводства в хозяйстве немецкого населения Западной Сибири в первой трети XX века (на примере меннонитов) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). – М., 2002. – С. 137–149; Он же. Развитие хозяйства немцев Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Культура: информационно-методический бюллетень. – Омск, 2002. – №3. – С. 8–10.

14. Seib E. Der Wolgadeutsche im Spiegel seines Brauchtums // НВ. – 1967–1968. – S. 145–209.

15. Voth N. Mennonite Foods and Folkways from South Russia. – Intercourse, PA, 1991. – Т. I; 1994. – Т. II.

Г.К. Кушкарлова
Казахстан, Актобе,
региональный государственный
университет им. К. Жубанова

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБРАЗА ЖИЗНИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНСКИХ НЕМЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

В статье сделана попытка описать некоторые этапы в истории немцев Казахстана на материале художественной прозы казахстанских авторов. В рамках статьи описывается лишь часть данной языковой картины мира. Описаны некоторые особенности менталитета, национального характера, системы ценностей, видение мира казахстанских немцев, которые не просто сосуществуют с культурой казахов, но и интенсивно взаимодействуют с ней уже на протяжении веков.

Ключевые слова: речевая репрезентация, образ жизни, языковая картина мира, стереотип, концепт.

Современный Казахстан – это государство, где на протяжении многих лет мирно сосуществуют представители многих национальностей. Многонациональность, полиязычие и множество культур Казахстана – это богатство, фактор национальной безопасности. Уважение к другому народу, готовность понять и в чем-то даже принять его традиции и ценности присущи этносам, проживающим на территории Казахстана. Понимая и принимая их, мы в то же время и не отказываемся от своих собственных традиций и ценностей.

Нормальным самосознанием гражданина Казахстана должно быть единство трех начал, трех компонентов. Во-

первых, это чувство принадлежности к своему этносу, своему народу, любовь и уважение к своим национальным традициям и истории своего народа, стремление владеть своим национальным языком и национальной культурой. Во-вторых, это чувство принадлежности к многонациональному казахстанскому обществу, казахстанский патриотизм, лишенный национального (этнического) тщеславия, своей этнической исключительности. В-третьих, это чувство принадлежности к мировому сообществу, чувство ответственности не только за судьбы своего народа и своей многонациональной страны, но и всего мира.

В современном Казахстане казахская культура не просто сосуществует с культурами других народов, она интенсивно взаимодействует с ними уже на протяжении веков.

История немецкой диаспоры в Казахстане насчитывает более 200 лет. В Казахстане немцы стали появляться едва ли не в то же самое время, когда они появились в Российском государстве. Научно-аналитический обзор о социокультурном развитии немцев Казахстана был дан М. П. Лайгером [1].

Историю немецкой диаспоры в Казахстане мы можем проследить и по многочисленным произведениям известного казахстанского переводчика, прозаика, автора многочисленных романов, повестей и литературно-критических работ, в центре которых исторический путь и современное положение немцев Казахстана и России, Герольда Бельгера. Герольд Бельгер родился в городе Энгельс АССР немцев Поволжья, в семье поволжских немцев. В 1941 году по указу Сталина он, как этнический немец, в числе всех немцев СССР, был депортирован в Казахстан, в дальний казахский аул на реке Ишим, где в совершенстве овладел казахским языком. Вырос в ауле, учился в казахской средней школе, затем на филологическом факультете Казахского

педагогического института (ныне университет им. Абая) в Алматы.

Герольд Бельгер с детства стремился проникнуть в национальный характер другого народа на основе овладения языком этого народа, ср.: «На простом примере своего отца Карла Фридриховича, который понял, чтобы завоевать любовь, доверие и расположение местного населения, нельзя обойтись без душевной открытости и тому, что составляет суть национального своеобразия, и *отдал сына в казахскую школу*» [2, с. 181].

На примере жизни Г. Бельгера мы можем судить о жизни многих тысяч этнических немцев, волею судеб очутившихся в Казахстане. Поняв свою принадлежность к многонациональному казахстанскому обществу, они проявили любовь и уважение к национальным традициям и истории казахов, стремились овладеть казахским языком и национальной культурой, например: «Знаете, чему я сегодня научился? Вот! *Нан, айран, жаксы, жаман, сут, кар, Омар, Коспан, бала...*

– Боже! – изумляется мама. – *Эдак он мигом у нас казахом станет.* Польщенный похвалой, продолжаю: – *Жол – дорога. Сыр – корова...*

– Молодец! – говорит папа. – Учись. Казахский может тебе еще пригодиться» [3, с. 24].

«Музыка всегда играла важную роль в жизни Герольда Бельгера. Жизнь среди казахов показала *ему важность песни в казахском обществе.* Это было еще одним открытием детских лет. Он сразу отметил манеру казахов петь в унисон, в отличие от его немецких сородичей, поющих многоголосьем. Казахские песни раздольно, широко льющиеся, проникновенные, протяжные, то печальные, то «ликующие», завоевали сердце немецкого мальчика» [2, с. 33].

Позже в своем известном эссе «Аул» он с настоящей

сыновней любовью вспоминает о своем родном селе: «Скоро всем своим умишком я понял и мальчишеским сердцем почувствовал, что аул, мой аул, – моя опора, моя защита, мой дом, моя отрада, здесь я не пропаду, здесь обо мне позаботятся, в беде не оставят, я член этой общины, этого сообщества, аул в ответе передо мной, а я в ответе перед ним, и если я совершу что-нибудь постыдное, я опозорю не только своих родителей, но и свой аул, мне будет стыдно смотреть в глаза дедушкам Абильмажину, Ергалию, Омару, Коспану, Жайлаубаю, Нуркану, Калию, Сеиткоже и многим-многим другим. С годами я пойму, что всему хорошему, доброму в жизни я обязан, помимо родителей, моему аулу, там мои истоки, мои нравственные начала, мой стержень, моя основа, мой критерий, мои ориентиры, моя любовь, гордость и неизбывная печаль» [4, с. 5].

Руководство республики прикладывало немало усилий для того, чтобы немецкое население имело возможность учиться на родном языке. Если углубиться в историю, то подготовку педагогических кадров для немецких национальных школ, которые существовали до 1938 г., осуществлял Петропавловский педагогический техникум. В годы войны немецкий язык изучался как иностранный и большой вклад в это дело внесли немцы-переселенцы [5, с. 13].

Изучение социокультурного развития немецкой диаспоры и немецко-иноязычной коммуникации показывает, что начальный этап аккультурации и адаптации на казахской земле проходил для немцев-переселенцев в условиях культурного шока. В произведении «Дом скитальца» мы видим насколько было сложно герою произведения Христьяну в чужой непривычной обстановке, какое смятение, чувство одиночества он испытывал. Например, когда герой произведения испытывает культурный шок вследствие потери друзей, своего положения и испытывает чувство оди-

ночества, ср.: *«Действительность размазывалась, размывалась в сознании, будто Христьян видел ее сквозь толщу воды или через заиндевевшее окно. Порой он чувствовал себя так, словно обретает на другой планете. Как не напрягайся, никак не мог представить себе четко, на какой точке земного шара в настоящее время находится. С детства он привык все примерять в малых масштабах своего родного села и близлежащих поселков. Он знал, что чуть южнее от родного Манхайма лежит Зихельберт; далее Федоровка, совхоз «Спартак», станция Плес, к северу, рукой подать – католический Мариенбург, центр кантона – Гнаденфлюр, северо-западнее – Маркситадт, на западе – Энгельс, через Волгу рядом, – Саратов. Это был родной край, хайматланд. Все знакомо, привычно. В мыслях он уверенно ориентировался и в тех местах Республики немцев Поволжья, где отродясь и не бывал. А вот Новосибирскую область, куда их первоначально выселили, а потом Урал, где он оказался в трудармии, а потом север Казахстана, где по милости причудливой судьбы очутился теперь, в его сознании никак не укладывались в строгом и четком порядке» [6, с. 153].*

Тем не менее, немецкое население, издавна проживающее в Казахстане в инокультурных условиях общения, с одной стороны, сохраняет свою идентичность, и представляет широкое поле для дальнейшего изучения особенностей культуры данного народа, его истории, представлений о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленных стереотипах восприятия окружающего мира. Например, понятие «Ordnung» передает немецкую картину мира, задает нормы поведения немцев в обществе и определяет их отношение к миру.

«Понятие “Ordnung” – неотъемлемая часть стереотипа и то, что поражает в немцах. Подчинение времени и пространства порядку – одно из величайших достижений

германского общества». И.В. Привалова рассматривает «Ordnung» как концепт. Можно привести примеры экпликация концепта в немецком языке: «Pünktlichkeit», «Disziplin», «Zeit», «Gewissenhaftigkeit», «Verantwortung», «Arbeit» [7].

Немецкая аккуратность, порядок «Ordnung!» являются ключевыми концептами немецкой культуры. Строгий порядок «Орднунг!» подчиняет себе все: семейную жизнь, бизнес, правительство, школьную жизнь. По словам М. Батхерфорда, «время и пространство в Германии пропитаны духом строгого порядка (Ordnung!)» [8, с. 185]. Строгий порядок «Орднунг!» проявляется в том, что женщина должна содержать свой дом и воспитывать своих детей в порядке (in Ordnung,), рабочие места на производстве должны быть в порядке (in Ordnung).

«Ему вспоминалось родное село – Манхайм, добротные дома, высокие заборы, крашенные ворота, неизменная летняя кухня-бакхауз. А далее за домом и бакхаузом находились почти у всех сельчан разные пристройки – хлебный амбар, птичник, конюшня, скотный двор для коров, быков, телят, для овец и коз, сарай для верблюдов, а уж за этими основательными и ухоженными пристройками тянулся огород. Это было в степном селе Манхайм, далеко не самом зажиточным. А тут ... [6, с. 12–13].

Немецкое село в данном отрывке описывается при помощи следующих слов и словосочетаний: *добротные дома, высокие заборы, крашенные ворота, летняя кухня – бакхауз, хлебный амбар, птичник, скотный двор, основательные ухоженные постройки*. И мы чувствуем, что в немецком селе Манхайм под Саратовом соблюдается образцовый порядок (*Ordnung*), что соответствует немецкой языковой картине мира.

Усвоенный немцами социальный стереотип “Ordnung” как привычное отношение немцев, проявляю-

щееся в немецком быту, сложившийся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта, актуализируется в речевых образах – речевых стереотипах, представляющих немецкую языковую картину мира.

Концепт труда в языковой картине немцев также является одной из многочисленных составляющих, в которой, соответственно, уважение к труду, точность, добросовестность в работе. Например: «Три года проработал Фризен бухгалтером и так *дельно и аккуратно разложил все бумаги по полочкам и папочкам*, что любой самый занудливый инспектор ахал и крякал от удовольствия. Желающих заполучить такого достойного бухгалтера было много в окрестности, даже в район хотел перевести, и соблазнов было немало. Фризен сочинил в помощь своим коллегам памятку по бухгалтерскому учету, расписав внятно и доступно все премудрости этой профессии» [9, с. 231].

Язык является зеркалом культуры, отражает не только реальный мир, реальные условия жизни человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, традиции, обычаи, систему ценностей, видение мира. Известно, что мировоззрение человека обуславливается его физическим опытом и духовной деятельностью. При этом формируется культурная картина мира, имеющая тесную связь с языковой картиной, которая и отражает общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, традиции, обычаи, систему ценностей, видение мира.

На современном этапе нам необходимо проявлять уважение и толерантность по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Проявление уважения и терпимости являются признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытости для всех.

Источники и литература

1. Лайгером М.П. Социально-культурное развитие немцев Казахстана. Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата, 1990.
2. Ескуатова Ж. Герольд Бельгер. – Алматы, 2003.
3. Бельгер Г. Перед далью. – Алматы, 2009.
4. Муканов К. Я в эту землю корнями врос // Северный Казахстан. – 2009. – №130. – С. 5.
5. Колосов А. Немцы Казахстана // Простор. – 1999. – № 7–8. – С. 12–16.
6. Бельгер Г. Дом скитальца. – Астана, 2007.
7. Привалова И.В. Понимание иноязычного текста. – Саратов, 2001.
8. Beatherford Mever. Deutsche Kultur kanisch betrachtet. – Berlin, 1978.
9. Бельгер Г. Туюк су. – Астана, 2004.

Д.М. Легкий

Казахстан, Костанай,
государственный университет
им. А. Байтурсынова

«ЗАЧИСЛЯЮТСЯ НА ОДНОГОДИЧНЫЕ КУРСЫ
ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ СОГЛАСНО СПИСКА».
НЕМЦЫ, СТУДЕНТЫ КУСТАНАЙСКОГО
УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КАЗАХСКОЙ ССР
(1939–1941 гг.)

В статье освещается история создания одногодичных курсов по немецкому языку в Кустанайском учительском институте Казахской ССР в 1939–1941 гг., где студенты и их преподаватель (из числа ссыльных) были лица немецкой национальности.

Ключевые слова: немцы, немецкий язык, педагогика, ссылка, учительский институт.

В период создания Кустанайского учительского института в 1939 г., наряду с двухгодичным сроком обучения, существовали и одногодичные педагогические курсы. Судя по приказам (сохранившимся в архиве КГУ им. А. Байтурсынова), в начале нового 1939–1940 учебного года 10 декабря были открыты «одногодичные педкурсы по немецкому языку». Размашистым, но аккуратным канцелярским почерком в приказе за № 5 от 10 декабря 1939 г. записаны имена первых учителей, преподавателей иностранного языка (в то время немецкого). Эти студенты (их так же называли и курсантами) и стали первым выпуском Кустанайского учительского института в 1940 г. [1, с. 14–49].

В соответствии с приказом № 5 от 10 декабря 1939 г. [1, л. 1–3] с формулировкой – «Согласно проведенных испытаний с 10 сего декабря с/г граждане зачисляются на одногодичные курсы по немецкому языку согласно спи-

ска» были созданы первые педагогические курсы немецкого языка (см. приложение 1). В списке значилось 28 человек, 25 из них были немецкой национальности (две фамилии украинские и одна русская). Главной причиной этого было то, что в первую очередь брали тех, кто лучше написал диктант на немецком языке, а требования были весьма высокие (сохранились архивные рукописи диктанта с пометками экзаменатора).

С началом Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. почти каждый месяц, вплоть до 22 июня 1941 г., выходили приказы – «Курсанта ... исключить из состава студентов педкурсов, в связи с призывом в ряды РККА. Бухгалтерии произвести расчет». Причем, призывали независимо от национальности, в том числе и немцев, особенно если это был «курсант немецкого языка», они нужны были как переводчики. К тому же отбирали лучших курсантов, о чем говорит характеристика (за подписью директора, завуча и председателя профкома) на курсанта А.П. Эссерта, который был в списке педкурсов немецкого языка под № 28 в 1939 г.: «Характеристика. Дана студенту 10-ти мес. пед. курсов немецкого языка при Кустанайском учительском институте Эссерт Антону Павловичу, для представления Кустанайскому Горвоенкомату. Тов. Эссерт А.П. является членом ЛКМСК с 1938 г., за время пребывания на пед. курсах с 13 декабря 1939 года по настоящее время проявил отличную дисциплину, успеваемость хорошая. Образование имеет за 8 классов средней школы. Зав. пед. курсами: Найденов. Завуч: Асанов. Пред. Профкома: Исмагулов. 5 июня 1940 г.» [3, л. 57].

При выяснении кто был учителем немецкого языка на педкурсах, пришлось проводить научное разыскание. В 2016 году к автору этих строк обратились сотрудники Евангелическо-Лютеранского прихода Святого Михаила Санкт-Петербурга и совместными усилиями удалось выяс-

нить биографию, в том числе историю кустанайской ссылки Эрики Эдуардовны Кубилюс. На сайте Евангелическо-Лютеранского прихода Святого Михаила недавно были размещены ее биографические данные. Прочитируем: «Эрика Эдуардовна Кубилюс (урожденная Кюн) родилась 18 сентября 1892 г. в мещанской семье. До революции она окончила гимназию. Эрика Кубилюс еще до революции принадлежала к лютеранской общине Св. Михаила. После 1917 г. замужем за Михаилом Германовичем Кубилюсом. Эрика и Михаил Кубилюс были немцами» [4].

Фото 1. Семья Кубилюс: Эрика, Михаил, Гертруда и Ильзе.
Фотография из семейного архива К. Махчияна

В городе Кустанай семья Кубилюс оказалась, конечно, не по своей воле. «10 марта 1935 г. Михаил Кубилюс как «социально опасный элемент» был арестован и подлежал высылке в Казахстан. Следом за мужем обязали выехать и жену. – Так лаконично излагается пребывание семьи ссыльного в казахских степях. – Их путь лежал в Актюбинскую область, село Иргиз. Не являясь обвиняемой, Эрике Кубилюс также предстояло провести 5 лет в казахстанской ссылке. Со временем Эрика Эдуардовна перебралась в Кустанай, где в только что открывшемся учительском институте нашла работу преподавателя немецкого языка» [4].

Увольнения Э.Э. Кубилюс с должности учительницы немецкого языка различные комиссии почти ежегодно требовали с 1936 по 1940 гг., сначала в двух педучилищах – казахском и русском, а затем и в Кустанайском учительском институте. Тем не менее, из-за нехватки квалифицированных преподавателей в Кустанае в довоенный период такие учебные заведения, как Казахское педучилище, так и Русское педучилище, вынуждены были принимать на работу ссыльных и членов их семей [1, с. 30–40]. «Список преподавательского состава Кустанайского учительского института по состоянию на 1 ноября 1939 г.» подтверждает этот факт [3, л. 176].

Она была принята на должность преподавателя немецкого языка несмотря на то, что у нее не было не только стажа работы, но и соответствующего диплома. Хорошее знание немецкого языка было обусловлено семейным воспитанием. Прочитируем свидетельство: «В их большой трехкомнатной квартире на 8-линии Васильевском острове царил дух просвещенности: в семье говорили на четырех языках – русском, литовском, немецком, французском, знали английский. Однако в общении преобладал немец-

кий. Знание языков вскоре пригодилось Эрике Эдуардовне в ссылке, куда она была отправлена вместе с мужем» [4].

Тяжесть ссылки усиливалась и тем, что при высылке в марте 1935 г. из Ленинграда в Кустанай М.Г. Кубилюс и Э.Э. Кубилюс, их дети остались в Ленинграде. Две дочери-пионерки Ильза и Гертруда писали письма в разные инстанции и в январе 1936 г. обратились за помощью к Е.П. Пешковой. Нельзя без содрогания читать их письмо: «Папу и маму выслали в г. Кустанай 20-го марта 1935 года. Там папа заболел малярией, а у мамы постоянные сердечные припадки, и она совсем не переносит этот страшный климат. Мы здесь тоже очень плачем и скучаем без них и просим их нам вернуть. Если уж никак нельзя вернуть обоих, то просим выслать нам хотя бы маму, которая очень страдает без нас... В г. Кустанае мама и папа имели службу, но в декабре им отказали от службы, и мы не знаем, как нам дальше жить. Кубилюс Ильзе. Адрес родителей. Кустанай, Казахстан, Крестьянская улица, 21. Кубилюс М. Г.» [4].

Вот таким образом в истории педагогических курсов немецкого языка переплелись трагические и позитивные страницы. Советская власть депортировала, высылала немецкое население с западных областей СССР и одновременно давала возможность получить педагогическое образование лицам немецкой национальности, независимо от того, были это дети и их учитель из числа ссыльных или нет.

Приложение 1

Приказ № 5 от 10 декабря 1939 г.

Согласно проведенных испытаний с 10 сего декабря с/г граждане зачисляются на одногодичные курсы по немецкому языку согласно списка [1, л. 1–3]

Предкурсы по немецкому языку

1. Альдингер Ф. В.
2. Бадер М. Я
3. Беккер П. Г.
4. Бервальд Абрам Е.
5. Берг К. Н.
6. Биемингер Мария Ив.
7. Брандт И. И.
8. В(Г)инц Елизавета И.
9. Вильнер Л. И.
10. Вормебехер Фридрих Э.
11. Гауман Ольга Х.
12. Генц Як. Я.
13. Гецендиллер О. И.
14. Гончаренко Петр В.
15. Дукарт М. И.
16. Ерлинг Т. К.
17. Куценко Василий А.
18. Марталер А. М.
19. Мозер Роза
20. Ольденбургер Иван Я.
21. Раймхен А. И.
22. Розгау Роза Ф.
23. Ткач Григорий Д.
24. Тыде Я. О.
25. Шенфельд А. Г
26. Шмидт Отто Ф.
27. Шмидт Ф. А
28. Эссерт А. П.

Источники и литература

1. Архив КГУ им. А. Байтурсынова. «Приказы по Кустанайскому учительскому институту. 1939 год». Л. 1–184.

2. Государственный архив Костанайской области (далее – ГАКО). Ф. 916. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–384.

3. Там же. Ф. 916. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–246.

4. О Кубилюс М.Г. и Э.Э. – Пешковой Е.П. [Электронный ресурс] // Заклейменные властью. По документам фондов Государственного Архива Российской Федерации: «Московский Политический Красный Крест» (1918–1922); «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (1922–1938) : [сайт]. – URL: pkk.memo.ru/letters_pdf/001385.pdf (дата обращения 16.11.2017).

Г.К. Отарбаева

*Казахстан, Шымкент,
Южно-Казахстанский государственный
университет им. М. Ауезова*

С.Т. Мусаева

*Казахстан, Шымкент,
Южно-Казахстанский государственный
университет им. М. Ауезова*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ КАЗАХОВ НЕМЕЦКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена истории изучения этнографии казахов немецкими исследователями конца XIX – начала XX века, благодаря которым мировое сообщество получило возможность из первых рук ознакомиться с богатой этнической историей и этнографией казахского народа. Отмечается, что труды немецких исследователей заложили основу подлинно научного исследования этнографии казахского народа и довольно объективно изложили историко-культурный мир для читателей. Раскрывается роль и вклад представителей немецкой диаспоры в становлении науки и культуры Туркестанского края, которые основательно и бережно изучали местные этнокультурные традиции, выступая при этом первопроходцами в регулировании межэтнического и межкультурного общения в новых условиях.

Ключевые слова: этносы, культура, диаспора, этнографии, Туркестанский край, немецкие исследователи.

Видные дореволюционные немецкие исследователи конца XIX – начала XX вв., искренне верующие в будущее местных коренных насельников Туркестанского края, внесли неоценимый вклад в развитии этнографической науки Казахстана. Многие из них владели в совершенстве языками

ми местных народов и поэтому довольно успешно изучали этот богатейший край.

Во второй половине XIX в. в Туркестанский край переселяются представители ряда европейских этносов, а вместе с тем в край проникают национально-культурные и духовные ценности. Представители европейских диаспор всей своей разносторонней деятельностью стремились наладить межкультурное взаимодействие в крае, хотя и окончательного синтеза европейской и восточной культур не произошло в силу ряда этнологических различий между ними.

Представители европейских этносов внесли весьма существенный вклад в общественно-политическое, экономическое и научное развитие Туркестана, многие из них обрели здесь свою вторую Родину. Яркая и многогранная жизнь и деятельность этнических немцев И.И. Краузе, А.К. Гейнса, В.В. Радлова, И.Г. Георги, Ф. Шварца, И.И. Гейера, К.П. фон Кауфмана, Р. Карутца и др. верное тому подтверждение.

Как справедливо отмечает известный узбекский исследователь Р.Р. Назаров, «многие российские посланники в Средней Азии в XVIII–XIX вв. были этническими немцами. В 1714 г. в составе экспедиции Бековича-Черкасского был немецкий драгунский полк. В 1739–1740 гг. поручик К. Миллер возглавил караван из Оренбурга в Ташкент и был первым официальным представителем Российской империи в Туркестане. В качестве дипломатов в регионе побывали Е.К. Мейендорф, Э.А. Эверсман, Х. Пандер и др.» [1, с. 218].

Массовой миграции немецких переселенцев с центральных районов России и Поволжья, начиная с середины XVIII в., на территорию Казахстана способствовали одних по долгу службы, других из-за голода, засухи. Кочевники

нередко уводили немцев Поволжья в Бухару, Хиву и Коканд [2, с. 237].

Абсолютное большинство немцев, прибывших до середины XIX в. в Казахстан, принадлежали к привилегированному воинскому сословию и были представлены офицерами высших и средних чинов. В середине XVIII века свыше 30 немцев служили в полковых гарнизонах Омской, Петропавловской, Железинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей, 14 немецких семей в количестве 60 человек проживали в Оренбурге и от 20 до 25 офицеров немецкого происхождения были расквартированы по разным крепостям, редутам и форпостам Оренбургской пограничной линии. В частности, из 13 лиц, последовательно занимавших с 1744 по 1824 гг., должность командира регулярных войск на Сибирских пограничных линиях было 10 немцев. Это – генералы Христиан Теофил фон Киндерман (1744–1752 гг.), Йозеф Крафт (1752–1756 гг.), Дионисиус Риддер (1756–1757 гг.), Карл Филипп фон Фрауендорф (1757–1763 гг.) и др.

Первые немецкие поселения в регионе возникли в начале 80-х гг. XIX в. в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области. Одновременно с переселением крестьян в конце XIX в. в Казахстан стали более интенсивно мигрировать немецкие семьи из урбанизированных слоев населения Европейской России, Германии и Австро-Венгрии, которые расселились практически на всем его географическом пространстве. В Акмолинской области проживало 1476 чел., в Сырдарьинской – 649 чел., Уральской – 161, в Семипалатинской – 100, в Тургайской – 60, в Семиреченской – 32. В социальном отношении большинство немцев было представлено крестьянами – 85%, 8% являлись мещанами и 3,7 % дворянами [3, л. 64об].

После завоевания региона Российской империей многие этнические немцы занимали высокие административ-

ные посты в Туркестане: в 1867–1882 гг. генерал-губернатором Туркестана был К.П. фон Кауфман, в 1884–1889 гг. – Розенбах Н.О., в 1913–1914 гг. – Флуг, в 1905–1906 гг. военным губернатором Самаркандской области был генерал-майор Гескет, генерал-майор Коль – чиновник для особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе А.Л. Кун, начальник управления Сырдарьинской области И.И. Гейер, надворный советник Р. Пфеннинг.

В 1870 г. в Туркестан прибыл Иероним Краузе, открывший первый в Ташкенте завод по производству растительного масла, дававший в год до 30 тыс. пудов хлопкового масла и наладивший экспорт во внутренние губернии.

В конце XIX – начале XX вв. в Туркестане работали известные востоковеды В.В. Бартольд, А.Э. Шмидт, Л.С. Берг и другие, оставившие ценные историко-этнографические, географические сведения о коренных насельниках края [1, с. 220].

История изучения этнографии казахов немецкими исследователями связана с именем П.С. Палласа, посетившего в 1769 г. казахские степи. Его работа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» была опубликована в Санкт-Петербурге в 1809 г. Так, например, он так описывает образ жизни казахов: «Киргизы по обыкновению других степных азиатских народов живут в войлочных кибитках, которые от калмыцких разнятся только тем, что обыкновенно бывают гораздо больше и чище, так что в их кибитке больше 20 человек сидеть могут» [4, с. 585].

В 1776 г. И.Г. Георги совершил путешествие по Казахстану. В работе «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (Санкт-Петербург, 1776) он пишет: «Киргизы одарены от природы изрядным разумом,

любят пустоши, пышны, прокладны, ласковы, любострастны и, следовательно, не кровожадны. У них вид точно такой же милый и свободный, как у казанских татар». Описания И.Г.Георги отличаются объективностью и доброжелательным интересом к казахскому народу. Очень познавательно описано основное жилище кочевых казахов и отмечается, что «При беспечной и простой жизни, в чистом воздухе открытых своих степей, редко претерпевают они болезни, и многие бывают и на старости еще крепки» [5, с. 139].

Весьма существенный вклад в изучении этнографии казахского народа внес выдающийся российский востоковед В.В. Радлов, который в своей работе «Тюркские степные кочевники» писал: «По языку, обычаям, одежде, устройству жилища так же, как по занятиям и образу жизни, казак-киргизы очень мало отличаются от кара-киргизов», но «тип» их, безусловно, иной. Автор отмечает природную смелость казахов [6, с. 348].

Вопросу изучения киргизских песен посвятил свою работу известный немецкий ученый Р. Пфеннинг, отметивший тесную связь пения с жизнью киргизов и играющее немаловажную роль в их хозяйственно-экономической жизни» [7, с. 80].

В конце XIX в. казахские степи посетил немец А. Брем. Он дал очень интересные с этнографической точки зрения заметки, в частности, об особом почитании лошадей казахами: «Лошадь есть не только полезнейшее, благороднейшее и любимейшее из всех домашних животных киргиза, но представляет в глазах своего владельца символ величайшей красоты, и в то же время мерило, которым оценивается и определяется богатство или бедность» [8, с. 138].

В своем посмертном очерке «Жизнь на севере и на юге от полюса до экватора» А. Брем подчеркнул роль

лошади в жизни казахского народа. «Без лошади киргизов нельзя себе и представить, они вырастают вместе с жеребятами и каждый из них живет со своим конем неразлучно до самой могилы [8, с. 138]. Та роль лошади в жизни казахского этноса, которая отмечена А. Бремом, вполне согласуется с представлениями большинства исследователей о казахах как о прирожденных наездниках и великолепных пастухах.

Известный немецкий исследователь Л.Ф. Баллюзек верно подчеркивал, что «несмотря на то, что многие обычаи, традиции, обряды, ритуалы у разных жузов, племен и родов казахов были различными, тем не менее боевой клич был единым» [9, с. 220].

В 1821–1822 гг. в журнале «Вестник Европы» Ф.И. Герман опубликовал серию заметок о казахах младшего жуза под общим названием о «киргизах» [10, с. 132–133].

В 1875 г. Ф.А.Г. фон Хелльвальд опубликовал статью «Центральная Азия». В ней он описал быт, культуру, особенности кочевого образа жизни, жилище, одежду, пищу, верования кочевников [11, с. 172–173].

В XIX в. казахские степи посетил немец А. Гумбольдт. Так, например, он отмечает искусную верховую езду казахов: «Они, держась одной рукой за седло, на ходу прыгивали с лошади и, оттолкнувшись ногами от земли, вновь вскакивали на лошадь, или, опрокинувшись назад, обрывали руками травинки» [12, с. 59].

В начале XX в. немец Ф. Шварц в книге «Туркестан – ветка индогерманских народов» описал быт, культуру, занятия, домашние промыслы и ремесла, одежду, жилище, семейно-бытовые отношения, верования кочевых казахов. Так, например, он отмечает: «Богатство киргиз-кайсаков состоит почти исключительно из их стад, которым они обязаны питанием, одеждой, жильем, вообще всем, что им необходимо для жизни».

Он отмечает особое гостеприимство казахов: «Киргиз гостеприимен. Он всегда угощает гостя самым лучшим, что у него есть, а при радостных или грустных событиях в семье он целыми днями угощает всех прибывших, родственников и чужих, знакомых и незнакомых и при этом, если позволяют условия, часто выставляет невероятное количество мяса» [13, с. 189]. Из исследований Шварца видна та глубина этнографического анализа и проницательность, свойственные данному автору.

Известный исследователь Д.И. Мишарев в своей статье сумел проследить основные вехи Туркестанского этапа жизни И.И. Гейера, секретаря Сырдарьинского статистического комитета, внесшего немалый вклад в изучение края, развитие средств массовой информации и публицистики, основав первую в Туркестане независимую газету «Русский Туркестан», а затем газету «Среднеазиатская жизнь» [14, с. 255].

В 1901 г. И.И. Гейер издал известный «Путеводитель по Туркестану», в котором приведены интересные этнографические сведения о казахах [12, с. 255].

В 1903–1909 гг. этнографические исследования на Мангышлаке среди казахов-адаевцев проводил немецкий исследователь Р. Карутц. В своей монографии «Среди киргизов и туркмен Мангышлака» он описывает картины из жизни и быта казахского этноса, кратко излагает историю движения этносов Центральноазиатского региона с глубокой древности до завоевания Российской империей, а также взаимоотношения этносов в регионе. Он отмечал хозяйственные особенности казахов-адаевцев Мангышлака [15, с. 76].

Таким образом, сама специфика работы Р. Карутца заключается еще и в том, что он писал не о казахах вообще (как многие другие исследователи), а выбрал конкретную этнографическую группу адаевцев, и подробно их описал.

В 1913 г. немецкий исследователь Георг Благовещенский опубликовал статью «Экономическое развитие Туркестана», в которой приводятся интересные этнографические сведения о казахах. Он, в частности, отмечает: «Киргиз-кайсаки занимают чрезвычайно большие территории страны. Они кочуют от Сибири до Закаспия и от Волги до Китая. Численность всех киргизов достигает 3 000 000, из которых более 1 000 000 приходится на степи» [16, с. 189].

В заключение хотелось бы отметить, что представители немецкого народа были людьми исключительных дарований, таланта и работоспособности, отдавшими все свои силы на благо Туркестана. В конечном итоге сумма усилий народов и национальных групп стала одной из основ дальнейшего развития Туркестанского края.

Источники и литература

1. Назаров Р.Р. К истории формирования немецкой диаспоры в Туркестане // Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «Этнодемографические процессы в Узбекистане». – Ташкент, 2008. – Ч. I. – С. 218–220.

2. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. История Казахстана. Народы и культуры. – Алматы, 2000.

3. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф.И-1009 (фонд Н. П. Остроумова). Оп. 1. Д. 46.

4. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1809.

5. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. – СПб., 1776.

6. Радлов В. Из Сибири. – М., 1989.

7. Пфеннинг Р.А. О киргизских и саратовских песнях // Этнографическое обозрение. – 1889. – №3. – С. 80.

8. Брем А. Степные кочевники-скотоводы // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» за 1896 г. Январь, февраль, март, апрель. – СПб., 1896.

9. Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой орде силу закона // Сб. материалов по казахскому обычному праву. – Алма-Ата, 1948.

10. Герман Ф.И. О киргизцах // Вестник Европы. – 1821. – №22. – С. 132–133.

11. Фридрих-Антон Геллер фон Хелльвальд Центральная Азия // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. – Алматы: Санат, 2006. – Т. 6. – С. 172–173.

12. Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. – Ташкент, 1901.

13. Шварц Ф. Туркестан – ветка индогерманских народов. – Мюнхен, 1900.

14. Мишарев Д.И. Вклад известных представителей немецкой диаспоры в развитие Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX вв. // Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «Этнодемографические процессы в Узбекистане». – Ташкент, 2008. – Ч. I. – С. 220–222.

15. Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. – СПб, 1910.

16. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. – Алматы, 2006. – Т. 5.

Ю.И. Подопригора

Казахстан, Алматы,

*ViZ (Информационно-образовательный центр
немцев в Казахстане)*

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЛЮТЕРАНСКИХ ОБЩИН В КАЗАХСТАНЕ

Среди религиозных групп немцев Казахстана количественно всегда преобладали лютеранские общины, помимо этого, они были и самыми многочисленными. История возникновения и формирования религиозных общин лютеран в Казахстане тесно связана с историей немецкого населения Казахстана. Первые общины лютеран появляются в середине XVIII в, в дальнейшем, количество лютеранских общин возрастает в конце XIX – начала XX в., в период аграрного переселения немцев в Казахстан. В период религиозных гонений, а позже тотального контроля и идеологической агрессии по отношению к религиозным организациям, религиозная жизнь немцев-лютеран стала своего рода тенью: общины существовали нелегально. В последствие их деятельность была легализована и они заняли свое место в конфессиональной структуре казахстанского общества.

Ключевые слова: лютеранство в Казахстане, религиозные общины в Степном крае и Туркестане, особенности религиозной жизни немцев Казахстана, евангелическо-лютеранский церковный приход, регистрация религиозного объединения.

История проникновения и распространения лютеранства в Казахстане, начиная с середины XVIII в., во многом связана с появлением немцев и, прежде всего, представителей офицерского корпуса, членов их семей, а позже и гражданских чиновников в составе приграничных гарнизонов и полевых полков Оренбургской и Сибирской приграничных линий. Первые небольшие общины лютеран

появляются с 1740–1760 гг. в военно-административных укреплениях (Петропавловск, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Ямышевский, Железинский, Коряковский форпосты (последний с 1861 г. – Павлодар) и др.), религиозная жизнь которых находилась в ведении разъездных лютеранских пасторов из Барнаула, Омска и Оренбурга. В последующие периоды, вплоть до конца XIX в., численность лютеран в рассматриваемом регионе оставалась относительно небольшой. Так, в 1836 г. в городах и внутренних округах Семипалатинска и Усть-Каменогорска проживало 27 последователей евангелистическо-лютеранской церкви, а в середине 1860-х гг. – 54 [1, с. 52–54].

В Туркестане первые лютеранские общины в конфессиональной структуре региона появляются вскоре после образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. Достаточно быстро численность лютеранских общин возросла за счет прибытия военнослужащих, а также инженеров, архитекторов, врачей, провизоров, лесоводов, топографов, учителей, не только немцев, но и представителей ряда других европейских народностей (напр., эстонцев, финнов и пр.) осевших в городах Туркестанского края. Если в 1870–1871 гг. в Туркестанском крае проживало 98 лютеран, в 1886 – 285, то уже в 1897 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве проживало более 3000 лютеран (таб. 1).

С увеличением численности лютеран в крае, религиозные нужды которых с 1870-х гг. обслуживал оренбургский проповедник К.Х. Фрюауфа, рассматривался вопрос о создании единой лютеранской общины для всех лютеран, проживающих на территории Туркестана. В 1877 г. лютеране Ташкента выбирают церковный совет для ведения и устройства церковных и хозяйственных дел всех лютеранских общин в Туркестанском крае, позже в 1885 г. был учрежден Ташкентский церковный приход и в 1892 г. Турке-

станский евангелическо-лютеранский церковный приход (церковная община) с центром в г. Ташкенте под общим духовным руководством Московской евангелическо-лютеранской консистории.

Главными проблемами, с которыми сталкивались последователи евангелическо-лютеранского вероисповедания в организации религиозной жизни в Туркестанском крае, были: отсутствие священников в местных лютеранских общинах, неудовлетворенность просьбы об учреждении должности дивизионного евангелическо-лютеранского проповедника и кюстера, отсутствие молитвенных помещений, кирхи. Проектно-строительные работы последней начались в 1891 г. и, еще, будучи недостроенной окончательно, она была открыта и освящена в 1896 г. в Ташкенте и на долгие годы именно этот храм стал центром религиозной жизни лютеран Туркестанского края (Аулие-Аты, Чимкента, переселенческих немецких поселков Орлово, Константиновка и др.) [2, с. 239–241]. При этом следует отметить, что местный евангелическо-лютеранский приход в г. Верном обслуживался пасторами сибирских общин, как и лютеранские приходы, основанные в областях Степного края.

С началом аграрного этапа освоения Степного края и Туркестана и переселения немцев, в конце XIX – начале XX в., количество евангелическо-лютеранских общин существенно увеличилось. Лютеране составляли самую многочисленную группу в переселенческом движении немецких мигрантов из материнских поселений Поволжья и причерноморских губерний Российской империи на рассматриваемую территорию. Рост численности лютеранских общин объясняется и тем фактом, что при переселении немецкие колонисты сохраняли традицию изолированности от иноэтнического и иноконфессионального окружения. Основание переселенческих поселков происхо-

дило строго по конфессиональному принципу (как правило, лютеране селились с лютеранами, меннониты с меннонитами и пр., хотя были и исключения), существовал эндогамный барьер (запрет на браки между немцами-представителями различных деноминаций), который значительно ограничивал контакты немцев не только с окружающим иноэтничным населением, но и с немцами, последователями других вероисповеданий.

Таблица 1

**Количество лютеран
(представителей различных этносов)
в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах
в 1897 и в 1911 гг.**

Название области	1897 г.	1911 г.
Уральская область	166	500
Тургайская область	55	3390
Акмолинская область	5145	29038
Семипалатинская область	91	5770
Семиреченская область	58	170
Ферганская область	370	615
Сырдарьинская область	1209	5000
Самаркандская область	433	122
Закаспийская область	1055	1300
Всего:	8582	45905

Сост. по: Любимов П.П. Религии и вероисповедный состав населения Азиатской России: 1914 г. // В рамках программы «Этнокультурные исследования Павлодарского Прииртышья». – Павлодар, 2001–2003. – Т. 12. – С. 98–99.

В Туркестанском генерал-губернаторстве лютеране проживали в большей степени в уездных и областных городах, в меньшей – в сельских поселениях. В Степном крае, напротив, большее количество лютеран проживало в

переселенческих поселках. В первых десятилетиях XX в. в Степных областях Московской евангелическо-лютеранской консисторией было открыто три церковных прихода: один в Акмолинской области в Акмолинском уезде (в 1913 г. – приход Святого Петра) и два в Семипалатинской области в Павлодарском уезде (в 1914 г. – приход Святой Марии и приход Святого Михаила). Помимо этого, как было сказано выше, лютеранские поселки Степного края обслуживались крупными лютеранскими приходами, располагавшимися в Барнауле, Омске, Оренбурге, Акмолинске: около 80% немецких лютеранских общин не имели собственного проповедника. Для лютеранского духовенства многочисленность последователей лютеранства зачастую оставалась проблемой и в последующий период. Так, посещая общины в Степных областях в 1925 г., епископ Феофил Мейер отмечал, что «в деревнях колонистов наткнулся на общины, которые чувствовали потребность в поддержании церковной традиции, однако большинство из них практически потеряло надежду на то, что руководство церкви пришлет им пасторов» [3, с. 105].

Нехватка пасторов и других служителей культа привела к практике разъездных пасторов (когда пастор приезжал в общину только несколько раз в год), к передаче части функций духовной жизни школьным учителям (они не имели специального духовного образования; проводили литургии, читали проповеди, проводили религиозные обряды, осуществляли подготовку к конфирмации и причастию).

В 1920–1930-х гг. огромное влияние на религиозную жизнь лютеран как в Казахстане, так и в целом в СССР оказала вероисповедная политика советского государства. В советской идеологической системе, религия рассматривалась как продукт социального отчуждения, потребность в котором будет исчерпана в ходе социалистического и

коммунистического строительства. Провозглашение свободы совести, в начальный период создания советского государства, не явилось преградой для определения антирелигиозного курса правительства, который начал реализовываться с начала 1920-х гг. (антицерковная компания советского правительства и политические процессы против духовенства).

В Казахстане, как и в других советских республиках, с 8 апреля 1929 г. действовало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных организациях» [4, с. 83–96], которое в совокупности с другими актами на продолжительное время закрепило вмешательство государства в дела религиозных структур, лишило религиозные организации многих прав, существенно ограничив или даже запретив их деятельность. Религия и религиозные организации вытеснялись из социокультурного пространства советского государства. Закрытие молитвенных домов, репрессии служителей культа стали примерами конкретного воплощения в жизнь антирелигиозного (атеистического) курса правительства в 1930-х гг.

К концу 1930-х гг. в результате дезорганизации Евангелическо-лютеранской церкви СССР как организованной структуры, репрессий и эмиграции пасторов, лютеранские приходы в Казахстане, как и по всей территории СССР, прекращают свою деятельность. Служители культа были лишены избирательных прав, интернированы (если являлись иностранными гражданами), либо подверглись репрессиям. Например, Ф. Мерц, лютеранский пастор, патронировавший и павлодарские лютеранские общины, с 1929 г. находился под наблюдением ОГПУ как агитатор и организатор эмиграционного движения немцев-колонистов. В 1930 г. он был арестован по подозрению в руководстве массовым эмиграционным движением в немецких колониях Сибири и связях с границей. В 1934 г.

Ф. Мерца приговорили к 10 годам лишения свободы за антисоветскую контрреволюционную деятельность и принадлежность к фашистской организации [5, с. 373].

В последующие годы лютеране, как и последователи других вероучений, лишённые правовой возможности религиозной жизни, тайно собирались на совместные молитвы на квартирах единоверцев, отправляли обряды крещения, причастия и конфирмации и пр. Так, например, в Кокчетавской области в Келлеровском районе с. Красная Поляна лютеранская община нелегально действовала с 1936 г., в Восточно-Казахстанской области в г. Шемонаиха – с 1942 г., в г. Усть-Каменогорске – с 1945 г., в Павлодарской области в Баянаульском районе в п. Майкаин – с 1946 г., и т.д. [6].

С каждым годом количество лютеранских групп только возрастало, что связано с многократным увеличением количества немецкого населения в Казахстане после 1941 г. в результате депортации, а также последующего ограничения в правах немецкого населения СССР, действовавшего вплоть до начала 1970-х гг., (прежде всего, в запрете на возвращение на прежнее место жительства, ограничение прав свободного передвижения и пр.), естественного прироста и т.д. Если в 1939 г. в КазССР проживало – 92 571 немцев, то в 1959 г. на ее территории проживало 659 751 немцев, в 1970 г. – 858 077 чел., в 1980 г. – 900 207 чел., 1989 г. – 957 518 чел. [7, с. 132].

Статус незарегистрированной организации не оказывал серьезного влияния на внутреннюю религиозную жизнь общин. Напротив, религиозная жизнь внутри общин активизировалась, негативное отношение властей спланивало ряды членов общины, численность которых с каждым годом увеличивалась. И простые члены общины, и руководители подвергались преследованиям за религиозную дея-

тельность вплоть до уголовной ответственность и лишения родительских прав.

Евгений Бахман (1904–1993) , прошедший через репрессии в 1934 г. (был обвинен в антисоветской деятельности и приговорен к 5 годам исправительных работ в лагерях специального назначения в Сибири) и депортацию, с 1955 г. служил пастором домово́й общины в Акмолинске (Целинограде), деятельность которой вскоре, в 1957 г., удалось легализовать.

В Казахстане в 1950-е – 1960-е гг. возобновляется официальная деятельность различных религиозных групп: происходит регистрация общин и открытие молитвенных домов. Следует сказать, что целиноградская община являлась первым зарегистрированным лютеранским объединением, не только в КазССР, но в целом на территории СССР после фактической ликвидации Евангелическо-лютеранской церкви в конце 1930-х гг. Е. Бахман руководил целиноградской общиной до эмиграции в 1972 г., получая поддержку единоверцев из ГДР (Библию, религиозную литературу, а также необходимую церковную утварь и пасторское облачение). Несмотря на то что ему было запрещено проводить пасторскую деятельность за пределами своей общины, он посещал верующих в других городах и селениях и «уже скоро слыл негласным епископом немцев-лютеран» [8; 9, с. 312].

В тоталитарном советском государстве в условиях отрицания национальной самобытности, религиозные общества и группы немцев становятся не просто местом объединения граждан для удовлетворения своих религиозных потребностей, а «источником» национальной культуры, которые способствовали этническому самоопределению, сохранению и укреплению чувства принадлежности к немецкому этносу.

Как и в предыдущие годы, в период 1950–1980-х гг. среди религиозных групп немецкого населения Казахстана в количественном отношении преобладали именно лютеранские общины, которые, помимо прочего, были и самыми многочисленными. В 1960-х гг. практически во всех областях КазССР, кроме Гурьевской и Мангышлакской, действовало более 80 незарегистрированных лютеранских приходов, в 1970-х гг. – их численность доходила до 140, в то время как отмечался и рост зарегистрированных объединений (с 2 групп в 1970 г. до 18 общин в 1979 г.). К концу 1970-х гг. самыми многочисленными были общины в г. Алма-Ате (1000 верующих), в Карагандинской (2100), Целиноградской (800), Талды-Курганской (458) областях [6].

Начиная с середины 1980-х гг. численность незарегистрированных общин значительно сократилась в результате дальнейшего процесса легитимизации деятельности религиозных объединений, а также в связи с начавшимся процессом активной эмиграции немецкого населения из Казахстана. Так, в 1986 г. в КазССР действовало 155 лютеранских общин, из них 127 – зарегистрированных объединений (11 390 верующих) и 28 – незарегистрированных групп (647 верующих); в 1989 г. – 168 лютеранских общин, из них 138 являлись зарегистрированными, и только 30 оставались в нелегальном положении. По сообщениям Т. Сауранбекова, Уполномоченного Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Казахской ССР, в 1989 г. в областях Казахстана насчитывалось 676 религиозных объединений, 70% из которых полностью или частично состояли из немцев. На 1 января 1990 г. у лютеранской церкви Казахстана насчитывалось 54 церковных зданий и молитвенных домов, из них 14 – специально церковных, 40 – приспособленных для молитвенных целей, а также имелось 35 домов, арендованных у граждан [6].

И вплоть до современного периода ситуация с культовыми зданиями у лютеран Казахстана оставалась прежней: как правило, это были либо арендованные помещения, либо переделанные дома, приспособленные помещения, располагавшиеся в глубине частного сектора, либо на дальней окраине того или иного города. Первый храм Евангелическо-лютеранской церкви в Казахстане был построен за два года и освещен летом 2017 г. в Астане. В комплекс, который расположился на одном из широких и светлых проспектов столицы Казахстана, вошли 2 здания: храм и трехэтажное здание с воскресной школой, библиотекой, помещениями для общинной работы, архивом. На церемонии освящения храма в своей речи Епископ Евангелическо-лютеранской церкви в Казахстане Юрий Новгородов отметил: «...Сбылись чаяния и мечты многих поколений лютеран Казахстана...Мы прошли сложный период – от полуподпольного существования до многонациональной церкви, которая сегодня известна обществу, активно сотрудничает с государством, мнение которой слышат. Более чем 200-летний период существования лютеран в Казахстане сделал храм олицетворением исполнения мечты и надежды ушедших поколений, стал началом чего-то нового в истории» [10, с. 4; 11].

Источники и литература

1. Ерофеева И.В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй половине XVIII – начале XX вв. // История немцев Центральной Азии : материалы Междунар. науч. конф. (Алматы, 10 октября, 1997 г.). – Алматы, 1998. – С. 52–65.

2. Кнауэр Н.Х. Евангелическо-лютеранская церковь в Туркестане. К истории христианства в Средней Азии. – Ташкент, 1998.

3. Штрикер Г. Лютеране в Сибири: судьба религиозных меньшинств в России // Лютеране в Сибири : сб. науч. ст. – Омск, 2000. – С. 93–114.

4. Законодательство о религиозных культах : сб. материалов и док. – М., 1971.

5. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938 гг.). – М., 1999.

6. Материалы личного архива автора.

7. Подопригора Ю.И. Немцы Казахстана: история и современные этносоциальные процессы. – Астана, 2016.

8. Лиценбергер О.А. Бахман Евгений (Bachman Eugen) (1904–1993), пастор Евангелическо-лютеранской церкви [Электронный ресурс] // Энциклопедия российских немцев : [сайт]. – URL: <http://enc.rusdeutsch.ru/articles/3920> (дата обращения 20.10.2017).

9. История и культура немцев Казахстана / отв. ред. А. Айсфельд. – Гёттинген; Алматы, 2017.

10. Слова не расходятся с делом. Лютеране построили в Астане храм // Аргументы и факты. Казахстан. – 2017. – 27 сент. – 3 окт. – С. 4.

11. Клименко О. Встреча, которая запомнится надолго. – 2017. – 14 июля [Электронный ресурс] // Russian DAZ : [сайт]. – URL: <http://daz.asia/ru/vstrecha-kotoraya-zapomnitsya-nadolgo/> (дата обращения 15.07.2017).

Г.М. Тохметова

*Казахстан. Павлодар,
государственный педагогический институт*

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ И РАССЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ, ДЕПОРТИРОВАННЫХ В ПАВЛОДАРСКУЮ ОБЛАСТЬ КАЗАХСТАНА: ВОЗМОЖНОСТИ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В статье рассмотрены страницы истории немецкого населения в контексте советской государственно партийной политики. Численность депортированных немцев. Расселение в Павлодарской области Казахстана. Организационно-техническая подготовка.

Ключевые слова: депортация, репрессии, спецпереселенцы, региональные архивные источники.

Долгие годы тема депортаций находилась под запретом. В 1990-е гг. появилась возможность извлечь из архивов документы. Но сегодня нельзя сказать, что тема депортации немцев исчерпана. Существуют «источниковые провалы», для восполнения которых необходимо обратиться к региональным архивным материалам. Например, с помощью документов Администрации Президента Республики Казахстан (далее – АП РК), Центрального государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), Государственного архива Павлодарской области (далее – ГА-ПО) реконструируется организационно-технический механизм переселений, численность и размещение немцев.

Авторский анализ архивных данных в центральных и региональном архиве позволяет определить поле деятельности в изучении депортации немцев.

Раскрывая вопрос о общей численности депортиро-

ванных в Казахстан и Павлодарскую область в частности, мы сталкиваемся с разночтениями. 26 августа 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переселении всех немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области». Например, в работе М. Хасанаева «Для расселения выделить районы Казахстана» дана общая численность запланированных к переселению немцев в республику, но не указывается количество по областям, 28 августа 1941 года Президиум Верховного совета СССР принял указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»..... планировалось переселение более 400 тысяч советских немцев в 12 областей Казахстана» [1, с. 30].

Механизм проведения операции был определен Инструкцией по проведению переселения немцев и приказом наркома НКВД от 28 августа 1941 года. [1, с. 160].

В сентябре, по данным А.А. Германа в работе «Немецкая автономия на Волге 1918–1941» даны следующие цифры по Казахстану «операция началась 3-го сентября и закончилась 21-го 1941 года. Общее число вывезенных из Республики немцев Поволжья в Казахстан – 67,4 тыс.» [2, с. 302].

Данные ЦГА РК по этим же срокам с августа по сентябрь 1941 года статистика по республике дана несколько иная « на протяжении конца августа – середины сентября 1941 года план расселения депортированных немцев в Казахстане был увеличен с 163 тыс. до 467 тыс. человек» [3, л. 8–19].

С годами статистика идет в сторону увеличения. Так, например, Ф.Н. Бугай приводит данные Архива Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной Прокуратуры РК: в «Справке о расселении немцев в областях Казахской ССР по состоянию на 10 декабря 1941 года было 34970 человек» Всего в Казахстан в 1941–1942 гг. было

переселено 1209430 немцев [4, с. 42].

На начало 1942 года в республике было расселено 400,3 тыс. человек [3, л. 19].

Анализируя материалы по Павлодарской области на 25 ноября 1941 г. относительно распределения немецкого населения по областям Казахстана приходим к выводу. Всего в Казахстан планировалось расселить 525000 человек немецкого населения, из них в Павлодарскую область по плану – 45000, что составляет 8,6 % из всего количества запланированных переселенцев по всем областям Казахстана. Фактически расселено по областям 315630 человек, из них в Павлодарскую область – 43202, что составляет 13,7 %. [5, с. 48]. Приведенные цифры свидетельствуют о большом разрыве между намеченным планом и фактическим расселением в разрезе областей. Если брать процент расселения фактически по Павлодарской области, то он достаточно высок – 94% из запланированного. Это самый высокий показатель по всем областям республики. Данные цифры подтверждает справка народного комиссара внутренних дел Казахской ССР майора Бабкина: «...хорошо и организовано прошло расселение первой партии немцев в количестве 30590 в Акмолинской области и 21146 чел. в Павлодарской области» [6, с. 48].

В Павлодарскую область на 18 января 1942 г. прибыло 20 эшелонов с переселенцами, общее число людей составило 102869. Бежавших в пути следования – 1, отставших в пути следования – 624, возвратившихся – 38 [7, с. 38].

Таким образом, вопрос о численности депортированных немцев в Казахстан и в Павлодарскую область в частности очень сложный, и ответить на него однозначно нельзя, так как на это влияют несколько факторов: отсутствие документов, которые могли бы дать количественную характеристику депортированных народов; разночтение

официальных документов; отсутствие единой методики учета депортированных, например, «по планам предполагалась депортировать в 1941 г. в Казахстан 467 тыс. немцев, а на самом деле переселили 400 тыс.» [6, с. 42].

Одним из сложных вопросов, стоящих перед региональной администрацией, это был вопрос размещения. Условия реализации и осуществления поставленных задач были трудновыполнимыми.

Постановление гласит «переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей, и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах» [2, с. 27].

Как выше было сказано, в перечне территорий, на которые планировалось переселить население, была Павлодарская область. О.Л. Милова в работе «Депортация народов СССР (1930–1950 гг.)» дает справку о станциях назначения и районах расселения немцев в Казахской ССР из Поволжья на октябрь 1941 г. [6, с. 34].

Данная справка свидетельствует о расселении переселенцев практически во всех районах Павлодарской области. Основной железной артерией, по которой осуществлялась переброска спецпереселенцев в Павлодарскую область, была Омская железная дорога: по ней перевезено общее количество человек – 16500. До Семипалатинска 2000 человек доставлено по Туркестано-Сибирской железной дороге. Наибольшее количество человек (от 3000 тысяч и выше) расселены в Павлодарской области в Баянаульский, Цюрюпинский, Лозовский районы, минимальное количество (500) человек на октябрь 1941 года находилось в Максимо-Горьковском районе.

Постановление исполкома Павлодарского Областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП/б/К от 2 сентября 1941 года «О мероприятиях по приему и раз-

мещению и хозяйству переселенцев-немцев». Данное секретное донесение говорит о ряде мероприятий, направленных на расселение переселенцев-немцев [8, с. 170].

Анализируя данный документ, состоящий из пятнадцати пунктов, следует отметить требование кратчайших сроков их выполнения: это «двухдневный», «немедленно», «суточный», «трехдневный», «десятидневный». Данное время давалось для выполнения следующих мероприятий: отведение земельных участков для строительства и поселения; обеспечение достройки домов; определение потребности в стройматериалах для ремонта и строительства новых домов; направление в районы пиломатериалы и другие мероприятия.

Первый пункт данного постановления гласит: «Утвердить план расселения по районам и совхозам области ... всего ... в том числе колхозам...» [7, с. 170].

Пропуски в тексте свидетельствуют, что в первые месяцы войны на местах, утверждая план расселения, исполнители не имели четких сведений о количестве переселенцев, которые подлежали расселению.

Выполнять установки Центра по размещению спецпереселенцев на местах было практически невозможно. Расселение по районам осуществлялось в основном гужевым транспортом, отчасти – водным по реке Иртыш. Прекращение навигации, отдаленность железных дорог и нехватка гужевого транспорта, поставили депортированных в сложное положение на грань жизни и смерти. «В сообщении от 10 декабря 1941 г. говорилось, что одним из существенных недостатков является преступное безответственное отношение со стороны руководителей ряда районов в предоставлении транспорта для перевозки эвакуированного населения в районы [9, л. 223–223 об.]».

Анализ ситуации, сложившейся после прибытия спецпереселенцев в республику, показывает, что област-

ные организации к приему и размещению спецпереселенцев оказались не готовы.

Архивные документы свидетельствуют, что не учитывались принципы расселения немцев с учетом производственных потребностей.

Так, в Постановлении исполкома Павлодарского областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП/б/К от 11 октября 1941г «О хозяйственном устройстве переселенцев-немцев» исполком облсовета и бюро ОК КП/б/К отмечают недостатки, более того указывают на ошибки, допущенные исполкомом облсовета, переселенческим отделом и управлением НКВД. При распределении переселенцев по районам не учитывали потребности районов в кадрах [8, л. 189].

Все руководство по переселению возлагалось на органы НКВД. В областях были организованы группы, отвечающие за прием, разгрузку и доставку до мест назначения. Так в пункте № 10 Постановления исполкома Павлодарского областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП/б/К от 2 сентября 1941 года сообщает, что необходимо выделить группы ответработников по приему, разгрузке и отправке до мест нового назначения [8, л. 170].

Таким образом, говоря об организационно-технической подготовке к переселению в Павлодарскую область депортированных народов, следует отметить, из отчетов и архивных данных следует, что на протяжении всего военного времени Павлодарская область была в числе тех, кто принял большее количество депортированных немцев с территорий Поволжья.

Павлодарская область, как и вся республика в целом, не была готова к приему такого количества спецпереселенцев, так как данный вопрос тянул за собой ряд социально-экономических проблем, решение которых требовало времени. При проведении операции не могли быть со-

блюдены ни временные рамки, ни условия обеспечения транспортом, продовольствием и другим обслуживанием.

Источники и литература

1. История российских немцев в документах (1763–1992). – М., 1993.
2. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941 : в 2 ч. – Саратов, 1994. – Ч. 2 : Автономная республика, 1924–1941.
3. ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 6.
4. Бугай Ф.Н. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40 годах // История СССР. – 1986. – № 6.
5. Он же. 40-е: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. – 1991. – №2.
6. Кульбаев Т., Хегай А. Депортация. – Алматы, – 2000.
7. Депортация народов СССР (1930–1950 гг.) / сост. О.Л. Милова. – М., 1995. – Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.).
8. ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 175.
9. Там же. Ф. 646. Оп. 1. Д. 176.

А.А. Шаринов

Казахстан, Кокшетау,

Государственный архив Акмолинской области

О НЕМЦАХ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ (ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ)

В статье исследуется исторический процесс переселения немецкого населения в Акмолинскую область (конец XIX века, 1930–1940 годы XX века) и их дальнейшая судьба в Казахстане.

Ключевые слова: депортация, сельское хозяйство, нация, территория.

Впервые немцы-колонисты появились в Акмолинской области в 90-х годах XIX века. Занимались они в основном земледелием и жили обособленно от русских крестьян, у них были свои школы и молитвенные дома. Одежда их отличалась от других жителей, тем, что они носили шляпы, пиджаки. Сами немецкие колонисты оказались в России еще в XVIII веке по приглашению Екатерины Великой. Они освобождались от налогов и пользовались определенными привилегиями. В основном жили они в районе Поволжья. Затем некоторая часть немцев переселилась в Акмолинскую область, где они жили компактно в поселках «Преображенский», «Романовский», «Канкринский» [1, с. 191].

Вторая волна немецкого переселения произошла уже в XX веке, когда было издано постановление 28 апреля 1936 года за № 776–120 «О выселении из Украины и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской ССР 15 000 польских и немецких хозяйств». В 1936 году некоторые районы Акмолинской области находились

еще в составе Карагандинской области. В отличие от первой волны переселения в конце XIX века, в 1936 году была по существу насильственная депортация немецкого населения в Казахстан.

1 мая 1936 года Карагандинский областной земельный отдел издал приказ № 274 «Об организации работы по размещению 15 000 хозяйств идущих по линии переселения с Украины на территорию Летовочного, Тарангульского, Красноармейского мясосовхозов». На территории Красноармейского района было организовано 27 точек (поселков), 14 из которых в июле 1936 года вошли в состав образованного Келлеровского района. Во всех трудопоселках были установлены правила внутреннего распорядка, за выполнением которых следил комендант села. Причем как вспоминает Пельке Адалина Адольфовна – комендант поселка был бог и царь для всех жителей, и жаловаться было некому. Заставляли работать в колхозе с 9–10 лет. Мальчишки работали в поле, а девочки на ферме. Им давали в обслуживании до 10 коров, которых нужно было подоить. Саму А. Пельке и еще одну женщину председатель колхоза сутки продержал под арестом из-за того, что они не отдавали своих 10-летних дочерей работать на ферме. В то время ферма находилась далеко от села, и рабочие жили там в землянке, изредка навещаясь домой [2, л. 113].

В областном архиве имеются редкие фотографии братьев Фердинанда и Эдмунта Шварц, которые были репрессированы как враги народа в 1938 году, а также их семья насильственно перемещенная в Акмолинскую область.

В фондах госархива есть письма немцев о том, как люди были страшно напуганы и выполняли все указания партийных органов. Так, труженица из колхоза «Ландман» Шлейхт Христина Готлибовна дала расписку Донецкому почтовому отделению в том, что от посылки она отказывается (которую ей прислали из Берлина), и дополнительно

сообщает, что она не нуждается в их помощи [2, л. 13]. Тогда возникает вопрос, почему спецпереселенцы массово сбегают из колхозов? Ответ заключается в следующем документе: «имеется много хозяйств, которые не в состоянии покупать печеный хлеб за неимением средств» [2, л. 17].

В 1941 году началось массовое принудительное переселение немцев из ряда прифронтовых областей. В районы Кокчетавской области, начиная с поздней осени 1941 года и всю зиму 1942 года, прибывали эшелоны переселенцев с Крыма, Украины и Поволжья. Большая часть их была распределена по колхозам Арыкбалыкского, Красноармейского, Щучинского, Келлеровского и Чкаловского районов. Любопытно читать объяснение этому процессу: «О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал – следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского народа и Советской власти. В случае если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии, то советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья. Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население Поволжья в другие части страны» [2, л. 27–28].

Одним росчерком пера эти люди оказались под подозрением только из-за того, что они по национальности были немцами. Голод, инфекционные болезни, бытовая барачная неустроенность, разобщение семей и главное навязанная вина ни за что, и враждебное отношение официальной пропаганды с неизбежностью вели дело не только к

физической смерти людей, но и к моральному убиению нации.

26 ноября 1948 года был издан Указ Верховного Совета о том, что немцы переселены в предоставленные районы навечно и что выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет. Причем положение спецпереселенцев было сложным. Как следует из секретной справки секретаря Щучинского районного комитета партии, в Кокчетавский областной комитет от 2 ноября 1949 года: «Значительное количество выселенцев проживают в домах, не пригодных к жилью в зимних условиях, многие дома требуют капитального ремонта» [2, л. 58].

Фото. 1. Птичник в совхозе им. Чапаева. Птичницы З. Штельтер и И. Нас за кормлением утят (Келлеровский р-н, Кокчетавская обл., 1962 г.). Государственный архив Акмолинской области. № 92

Тем не менее, многие немцы не сдались трудностям их жизни в нашем регионе. Они смогли выжить и добиться неплохих результатов в общественной и экономической сфере. Много замечательных людей-передовиков из числа

немцев, которые работали доярками, пастухами, чабанами добивались высоких показателей. Так, чабан, комсомолец Петр Рау в Чаглинском совхозе Кокчетавского района в 1955 году добился наивысшего настрига шерсти в области: по 6 кг шерсти с каждой головы овец во всей отаре. Доярка колхоза «Победа Ильича» Рузаевского района товарищ И.Г. Лоус на 1 октября 1956 года от 11 коров надоила (от каждой коровы) по – 2212 литров молока при плане 1500 литров» [2, л. 86].

В августе 1964 года советские немцы получили реабилитацию. Причем возвращаться в родные места им разрешили только в 1972 году.

Для немцев Казахстан оказался второй Родиной, здесь они не только выжили, но и активно и плодотворно трудились на благо общества. Подвергшиеся гонениям сталинских репрессий, они, тем не менее, внесли заметный вклад в развитие сельского хозяйства и других сфер деятельности.

Источники и литература

1. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб., 1903. – Т. 18 : Киргизский край.

2. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 1445. Оп. 2. Д. 29а.

В. Шмидт

Германия, Регенсбург, университет

НЕМЕЦКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА
КАЗАХСТАНА В 1920-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

В данной работе рассмотрены вопросы, связанные с развитием и мероприятиями органов Советской власти на территории Казахстана в двадцатые годы по вопросам развития немецкой национальной школы. Раскрыты трудности и особенности этого исторического процесса. Автор попытался раскрыть особенности этого процесса на примере Акмолинской области, как одной из густонаселенных губерний Казахстана немецким населением.

Ключевые слова: национальная школа, развитие национального языка, политика советских и партийных органов, немецкое население, Казахстан.

Важным аспектом в понимании исторического прошлого немецкой диаспоры Казахстана, безусловно, является исследование, а также введение в научный оборот архивных документов и материалов, содержащих сведения о развитии сети школьного образования среди этой национальной группы. Надо отметить, что вопросы, связанные с развитием национальной школы у немцев Казахстана в послереволюционный период, а именно в 1920-е годы, практически не рассматривались и не освещались в научной литературе. Именно период после Октябрьской революции характеризуется определенным ростом интереса со стороны Советской власти к вопросам развития национальной школы, языка и образования [1, с. 29].

Цель предлагаемой работы, прежде всего, нацелена на освящение вопросов развития народного образования и мероприятий партийных, административных органов Казахстана среди немецкого населения в 1920-е годы. Уже в первых программных документах большевистской партии и советского правительства, а также других законодательных актах как центральных, так и местных партийных и исполнительных организаций обращалось внимание на декларацию равных прав всех народов на их культурное развитие и образование [2, с. 137]. Об этом свидетельствует также один из первых документов советской власти – постановление Народного Комиссариата просвещения РСФСР «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 года, в котором провозглашалось, что «все национальности населяющие РСФСР и другие национальные окраины бывшей царской России, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обоих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе [3, с. 41].

Эти же принципы о создании и организации национальных школ на родном языке были подтверждены материалами состоявшегося в марте 1919 года VIII съезда РКП (б), в которых был рассмотрен ряд вопросов о создании единой трудовой школы с преподаванием на родном языке [4, с. 11].

Расширение работы по созданию национальной школы для немцев Казахстана стало возможным в середине 20-х годов, когда в политике Советского государства намечается временный, «либеральный» сдвиг в сторону защиты интересов малых народов, в частности это проявилось в попытке удовлетворения их языковых и культурных потребностей. В 1920-е годы большевистская партия проводила «либеральную» политику в области национальных отношений, что для многих национальных групп бывшего Советского Союза означало создание национальных рес-

публик, а для национальных меньшинств, к числу которых принадлежали немцы, создание национальных автономий, областей, районов и советов. Тесным образом с проведением этой политики большевики проводили определенную линию в организации и развитии национального образования и культуры на родном языке. Бесспорно, что развитие просвещения среди немецкого населения и формирование его национальной школы протекало в контексте общенациональных процессов в советском государстве. Однако такое движение в общем русле становления и развития единой советской системы народного образования не исключало наличие региональной и национальной специфики. Для успешного реформирования старой школьной системы и построения новой советской системы просвещения требовались значительные средства, которых в государственном и местном (республиканском) бюджете катастрофически не хватало.

Если говорить о системе школьного образования для немцев Казахстана, то в начале 1920-х годов как таковой единой системы образования для этой национальной группы республики не имелось. Это было, прежде всего, объяснимо результатами проводимой царским правительством политики русификации, а также последствиями упадка хозяйственной и экономической жизни в регионе, вызванными бурными событиями послеоктябрьского переворота и Гражданской войны, что в свою очередь влияло на этнокультурное и социальное развитие немецкого населения. Ко всему следовало бы также отнести следующие причины мешавшие строительству единой системы национального образования – это, прежде всего, отсутствие квалифицированного педагогического персонала, а с другой стороны полное отсутствие знаний со стороны новых служащих в сфере образования, а именно незнание определенной специфики при организации национально-языковых школ.

Несмотря на трудности, после окончания Гражданской войны партийные и советские органы развернули пропагандистскую деятельность среди широких слоев населения с призывом оказать всесильную материальную и финансовую поддержку в деле школьного строительства. 26 июня 1921 года КазЦИК принял постановление о мобилизации всех лиц в возрасте от 16 до 50 лет, имеющих достаточное образование, к привлечению и участию в работе по организации школьных учреждений [5, с. 497–498].

В феврале 1923 года в Акмолинский губернский отдел народного образования была послана специальная телеграмма Киргизского Комиссариата народного просвещения по поводу невыполнения решений Всероссийского съезда национальных меньшинств, в ней в частности писалось, что: «... у Вас до сего времени не разрешено вести работу и обучение на родном языке в, частности среди немцев, а также других национальностей. Поэтому Народный Комиссариат просвещения республики предлагает незамедлительно начать вести работу среди выше названной национальной группы на родном языке» [6, л. 46].

В процессе строительства национальной школы среди немецкого населения Казахстана имелись особенности, а также конкретные мероприятия советских и партийных органов. Последующие партийные съезды РКП (б) XII и состоявшийся в марте 1924 года XIII съезд в своих решениях вновь обращаются к обсуждению вопросов развития национальной школы и языков народов бывших национальных окраин царской России. Так, в материалах XIII съезда РКП (б) подчеркивалось, что: «работе среди национальных меньшинств РСФСР, а также в национальных республиках среди местного партийного и советского аппарата не уделяется достаточного внимания. Особенно плохо обстоят дела в процессе создания национальных школ, так как руководящие органы не оказывают в этой

работе определенную поддержку. Особенно плохо в национальных республиках этой работой охвачены немцы» [4, с. 80].

При ознакомлении с рядом материалов по интересующей проблеме, возникает мнение, что республиканские партийные и советские органы занимались вопросами создания национальной школы для немцев только лишь в особых случаях, когда исходили критические замечания в отношении этой работы со стороны центральных органов власти.

По материалам переписи 1924 года, в Казахстане немцы составляли одну из значительных групп среди народов, населяющих республику – 50106 человек [7, л. 15].

Исходя из многочисленности немецкого населения партийные органы Казахстана уделяли особо важное значение в проведении определенной работы в их среде. Основным направлением в проводимой работе являлось в местах их компактного проживания создание национальных общеобразовательных учреждений с введением в этих просветительских учреждениях преподавания предметов на родном языке. В материалах переписи 1924 года также отмечалось, что в этот период на территории Казахстана имелось следующее количество немецких школ I-ой ступени – 56 и II-ой ступени – 1 [7, л. 13].

Процесс роста общеобразовательных учреждений среди немецкого населения республики приходится на вторую половину 20-х годов. Вопросы, связанные с развитием народного образования среди немецкого населения, не только обсуждались в местных партийных и советских органах, но также были вынесены на обсуждение на всероссийском уровне. Свидетельством этому являются материалы состоявшегося в январе 1923 года Всероссийского съезда национальных меньшинств, где была отмечена важность мероприятий, проводимых советской властью в

среде немецкого населения бывших окраин царской России, а также важность активизации этой политики.

Укреплению школьной сети в Казахской АССР всемерно содействовало правительство РСФСР. В докладе ЦИК республики IV Всеказахскому съезду Советов (январь 1924 года) указывалось, что ввиду крайней слабости губернских бюджетов Казахстана часть школ, состоящих в Российской Федерации на местном бюджете, переводятся в Казахстане на государственный бюджет. Именно после этого решения, то есть с января 1924 года происходит расширение деятельности в организации немецких национальных школ на территории республики. На значимость развития национальной школы также указывали материалы второй сессии ВЦИК XI созыва, состоявшейся 15 октября 1924 года. В пункте 19 постановления «О мероприятиях по народному просвещению» отмечалось, что «...признавая сдвиги происшедшие в последние годы в деле просвещения народов нерусского языка, ВЦИК полагает, что в этом отношении необходим дальнейший отпуск средств на помощь национальностям, а также автономным республикам и областям, находящимся в особо трудных условиях и прежде всего на расширение работы в деле развития школ I ступени, издания учебников на национальных языках» [8, с. 37–38].

В 1924 году о крайне сложной ситуации в работе по организации и созданию национальных школ среди немцев Казахстана в докладной записке Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР отмечалось, что во многих губерниях, где проживают немцы, тормозом и негативным фактором в проведении намеченных мероприятий было нежелание многих местных партийных, комсомольских и административных органов, а также их полное равнодушные, безучастность и сознательное стремление с их стороны к срыву этих мероприятий для этой национальной

группы республики. Свою позицию по отношению проводимой политики советской властью в области народного образования для немецкого населения Казахстана определила группа партийных работников обосновывая целесообразностью и бесперспективностью развития школьных учреждений для немцев на их родном языке [9, л. 56].

Свою точку зрения на эти актуальные вопросы партийные и комсомольские, а также административные функционеры распространяли через агитацию и печать. Во многих распорядительных документах Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР неоднократно указывалось на важность и значимость усиления работы по организации школьного дела среди немецкого населения. Поэтому проблема строительства национальной школы на территории Казахстана оставалась одной из трудных, важнейших и первоочередных задач в деятельности Народного Комиссариата просвещения республики. К центрам, где происходило развитие немецкой национальной школы на территории Казахстана в предвоенный период, следовало бы отнести следующие губернии: Акмолинскую, Кустанайскую, Кокчетавскую и Петропавловскую, а также определенные районы Семипалатинской и Павлодарской губерний, где еще в дореволюционное время возникли компактные немецкие переселенческие поселения в результате переселенческой политики царизма [10, с. 245].

Среди губерний Казахстана, на территории которой проживало наибольшее число лиц немецкой национальности, Акмолинская область постоянно находилась под пристальным вниманием советских и партийных органов Казахстана. Республиканские органы интенсивно субсидировали развитие системы школьных учреждений в этом регионе. В годы строительства национальной школы среди немецкого населения острой проблемой являлся вопрос о ликвидации неграмотности и малограмотности среди

взрослого населения. В отчете о деятельности Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР за 1924–1925 годы отмечалось, что Казахская АССР в отношении грамотности населения представляет одну из самых отсталых автономных республик. Проблема частичной работы в организации школьных учреждений среди немцев Акмолинской губернии в этот период объяснялась разбросанностью немецких поселений по обширной территории губернии. Практически во многих материалах архивных документов, касающихся вопросов развития просветительской работы среди немцев Казахстана по губерниям, отмечался ее недостаточный уровень. В основном плохо обстояло дело в развитии школьной системы в немецких населенных пунктах, находившихся в сельской местности [11, л. 7].

В отчете Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР за 1925–1926 годы был выделен особый пункт об обучении в школах на родном языке. В период с 1925 по 1926 годы на территории Казахстана существовало 24 немецких национальных школ, в которых обучение проводилось на родном языке [12, л. 38].

Наряду с национальными немецкими школами, в которых обучение велось на родном языке, существовали также смешанные школы, что на практике означало преподавание в данных школах проводилось на двух языках. В Казахстане в этот период насчитывалось русско-немецких школ такого типа четыре. В протоколе заседания КазЦика от 14.05.1925 года было особо подчеркнуто об основных трудностях в строительстве и развитии национальной школы в республике. К этим причинам были отнесены следующие моменты:

- распыленность немцев на территории республики;
- смешанность немецкого населения с коренным населением и другими европейскими национальностями;
- наличие межнациональных трений.

Завершая данную работу, хотелось бы отметить, что в истории просвещения немцев Казахстана в 1920-е годы имелись как значительные достижения, так и невосполнимые потери. Развитие школьного дела среди немцев республики происходило в контексте общего хозяйственного развития Казахстана, когда определяющим фактором была административно-командная система управления всеми процессами в стране. Изучение темы по вопросам развития национального образования среди немецкого населения Казахстана еще во многом нуждается в дальнейшей разработке и привлечении архивных документов.

Источники и литература

1. Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев. (Проблема развития и сохранения немецкой школы Сибири в XVIII–XX вв.). – СПб., 2004.

2. Шмидт В. Советизация и система народного образования среди немецкого населения Казахстана (середина 20-х – начало 30-х годов) // Вопросы германской истории : сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Бобылева. – Днепропетровск, 2004.

3. Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию / Народный Комиссариат по Просвещению. – М., 1919–1920.

4. Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения / сост. А.Я. Подземский. – М.; Ленинград, 1931.

5. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925) : сб. док. – Алма-Ата, 1962.

6. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф-Р 81. Оп. 1. Д. 551.

7. Там же. Д. 1155.

8. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973 гг. / сост. А. Абакумов. – М., 1974.

9. ЦГА РК. Ф-Р 962. Оп. 1. Д. 16.

10. Schmidt W. Deutsche Schulen in Kasachstan Ende der Zwanziger und Anfang der Dreissiger Jahren // Deutsche Studien: vierteljaheshefte. – 2000. – XXXVI Jahrgang. – Heft 143/144. – S. 274–280.

11. ЦГА РК. Ф-Р 81. Оп. 1. Д. 1162.

12. Там же. Д. 982.

С.Р. Курманова

Россия, Омск,

Сибирский филиал Российского

научно-исследовательского института

культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

НЕМЕЦКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В СОБРАНИЯХ ЛИСАКОВСКОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ*

Статья посвящена этнографическим коллекциям Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья, отражающим культурное наследие немцев Казахстана. Помимо истории собирательства немецких коллекций музея, дается их общий анализ и более детально рассматриваются отдельные музейные предметы. Вместе с представленным в работе иллюстративным материалом эти коллекции дают информацию о разных сферах материальной и духовной культуры немецкого народа. В предлагаемой статье речь идет преимущественно о предметах крестьянского быта, отражающих характер традиционных занятий немцев.

Ключевые слова: этнографические коллекции, немцы, музейное собрание, Лисаковский музей, Верхнее Притоболье.

Одно из крупных собраний предметов культуры и быта немецкого народа сосредоточено в фондах Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья (далее – ЛМИК). Немецкое собрание музея насчитывает свыше 1000 предметов этнографического характера, отра-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке КН МОН РК в рамках научно-исследовательского проекта «Современные этнокультурные процессы в Казахстане (на примере немецкой диаспоры)», проект № 3600/ГФ4.

жающих традиционный уклад и образ жизни немцев Казахстана.

Основанный в 1991 г. Лисаковский музей первоначально функционировал в качестве отдела Костанайского областного историко-краеведческого музея. В 1999 г. музею был присвоен статус самостоятельного учреждения. Тогда же он и получил свое современное название. Музей неоднократно переселялся в разные помещения: первоначально он располагался в здании ТОО «Оркен», затем детского сада «Улыбка». В 2013 г. музей переехал на свое нынешнее место – здание Городского центра культуры и спорта. Площадь музея, находящегося в собственности Управления культуры акимата Костанайской области, составляет 427, 1 кв. м. На сегодняшний день в его фондах сосредоточено свыше 16,5 тыс. единиц хранения. Из них основной фонд музея насчитывает 12 934 единиц хранения, фонд научно-вспомогательных материалов – 3 592 единиц хранения [1].

*Фото 1. Современное здание музея
(март 2016 г., фото С.Р. Курмановой)*

*Фото 2. Фрагмент немецкой экспозиции
(март 2016 г., фото С.Р. Курмановой)*

Первые немецкие коллекции музея формировались в ходе целенаправленного изучения, начиная с 1995 г., в период массовой эмиграции немцев в Германию. Немецкое собрание музея формировалось преимущественно в ходе экспедиционных работ. Большую роль в формировании коллекций сыграла Усманова Эмма Радиковна – научный сотрудник Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, куратор Лисаковского музея. Под ее руководством в 1994–1995 гг. был осуществлен сбор предметов музейного значения в ходе экспедиционных исследований в немецкие села Нелюбинка и Мариновка Костанайской области.

Благодаря активной деятельности Жилиевой Натальи Евгеньевны, работавшей сначала в качестве заведующей Лисаковского отдела Кустанайского областного историко-краеведческого музея, а затем с 1992 по 2015 гг. – директора Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболя музейные фонды пополнились богатейшими коллекциями.

Фото 3. Полотенце с вышивкой – первый предмет немецкой коллекции. Из фондов ЛМИК (март 2016 г., фото С.Р. Курмановой)

Еще одним способом комплектования фондов Лисаковского музея является работа с дарителями. Первая немецкая коллекция поступила в дар музею 26 апреля 1993 г. от г-ки Ангелины Классен, жительницы г. Лисаковск Костанайской области (Акт № 15 от 26.04.1993 г.). Коллекция насчитывает семь предметов и включает в себя два полотенца, салфетку, венок из рыбьей чешуи, две бутоньерки, фотоиллюстрации и пасхальную открытку. Первый предмет коллекции – полотенце с вышивкой, был зарегистрирован в Книге поступлений (КП № 74-1) и Инвентарной

описи (№ ТН 55). Полотенце изготовлено самим дарителем, Классен (Пауль) Ангелиной Корнеевной, уроженкой Саратовской области протестантского вероисповедания (меннониты). Отличительной особенностью этого предмета является надпись «*Reinlichkeit der Kuchen Zierde*», что означает «*Чистота – украшение кухни*». Полотенце имеет хорошую сохранность [2].

Старинные предметы датируются концом XVIII в. Самый ранний из них – Заключительная книга молитв и благодарений для евангелических обществ, вышедшая в 1788 г. Это книги, привезенные из основной зоны проживания – Германии. Большая часть предметов относится к 1940 – 1970 гг. [3, с. 47].

*Фото 4. Форма для продажи масла. Из фондов ЛМИК
(март 2016 г., фото С.Р. Курмановой)*

Немецкое собрание состоит из вещевой коллекции и коллекции книг, фотографий и иллюстраций. Собрание скомплектовано преимущественно из предметов крестьянского быта, отражающих характер традиционных занятий

немцев, каковым является скотоводство. Так, Н. Жилиева отмечает: «В музейной коллекции насчитывается 8 маслостоек различных форм, форма для продажи масла объемом 400 г. (фунт, фунтница). Домашняя утварь представлена прялками-лежаками, столярными инструментами, рубелями, коромыслами, газетницами, игольницами» [4, с. 12].

Основу вещевой коллекции составляют предметы женского рукоделия, посуда и утварь, предметы религиозного культа. Предметы рукоделия были представлены полотенцами, салфетками, постельными принадлежностями и панно.

*Фото 5. Деревянный диван (шлафбанк). Из фондов ЛМИК
(март 2016 г., фото С.Р. Курмановой)*

Из предметов религиозного культа ярко выраженной этнической спецификой обладают шпрухи – панно с религиозно-нравственными изречениями. Их в музее насчитывается 11. Изучением шпрухов, их классификацией зани-

мается Ю.П. Буданова, заместитель директора по научной работе Лисаковского музея. По мнению автора, «основную часть коллекции составляют шпрухи, бытовавшие в семьях немцев, депортированных в Казахстан и проживавших на территории Карагандинской и Кустанайской областей в 1950–1970-е годы. Поступили предметы в музей в 1990-е годы» [5, с. 24].

Немногочисленна коллекция предметов интерьера – диван, комод и колыбель.

В целом немецкие коллекции Лисаковского музея дают представление о предметном мире немцев Казахстана, демонстрируя этническое своеобразие народа и раскрывая его традиционный мир. Музейное коллекционирование предметов относится к середине 1990-х гг. и связано с периодом массовой эмиграции немцев в Германию. Фонды музея формировались в ходе экспедиций, а также в результате работы с дарителями. В музее в большом количестве представлены памятники, характеризующие духовную культуру и культуру потребления и жизнеобеспечения: одежда, жилище, утварь. Немецкие коллекции музея имеют непреходящую ценность, позволяя воссоздать «этнический портрет» немецкого народа.

Источники и литература

1. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Копия паспорта КГУ «Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья» Управления культуры акимата Костанайской области от 10 марта 2016 г.

2. Там же. Копия акта приема-передачи № 15 от 26.04.1993 г.

3. Жилиева Н. Немецкая коллекция в собрании музея: изучение и социальная реализация // Музейные собрания по традиционной культуре этносов Казахстана: проблемы

изучения и перспективы сохранения. – Алматы, 2009. – С. 46–50.

4. Она же. О немецкой этнографической коллекции Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья // Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. – 2009. – № 4 (60). – С. 10–13.

5. Буданова Ю.П. Панно «шпрух» (Spruch) в коллекции Лисаковского музея: история формирования коллекции, трактовка текстов // Немецкие диалекты в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии : материалы науч.-практич. конф. – Красноярск, 2011. – С. 24–30.

В. Шмидт

Германия, Регенсбург, университет

СОСТОЯНИЕ НЕМЕЦКИХ КОНФЕССИЙ КАЗАХСТАНА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ В 1946–1960-х ГОДАХ

В статье рассмотрены вопросы состояния немецких конфессий на территории Казахстана в послевоенный период. На основе архивного материала автор попытался осветить некоторые моменты, связанные с политикой местных, а также центральных органов в отношении немецких конфессий на территории республики после окончания Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов раскрыты мероприятия партийных и административных органов в отношении немецких конфессий.

Ключевые слова: немецкие конфессии, мероприятия партийных и административных органов, архивные материалы, статистические данные о немецких концессиях по областям Казахстана, послевоенный период.

Немцы в Казахстане появились как естественным путем, то есть в процессе миграционного движения, так и в процессе массовых депортаций первой половины 1940-х гг. О развитии конфессиональной жизни немецкого населения Казахстана в послевоенный период имеется мало сведений в специальной литературе. Исследование вопросов состояния немецких общин и групп верующих Казахстана после окончания Великой Отечественной войны стало возможным после открытия архивных фондов. К сожалению, в специальной литературе, посвященной вопросам развития религиозной жизни народов и национальных меньшинств, которые накануне и в годы Великой Отечест-

венной войны были депортированы из мест традиционного проживания, мало уделено внимания исследованию деятельности лютеранских, католических, а также сектанских общин среди немецкого населения Казахстана и их взаимодействия с властями. Следовательно, изучение истории проведения антирелигиозной и атеистической политики Советской властью в отношении немецкого населения на территории Казахстана является актуальной проблемой, разработка которой во многом зависит от выявления определенного круга репрезентативных источников и введение их в научный оборот. Автор считает наиболее существенным по вопросам религиозного развития среди немецкого населения Казахстана в послевоенный период выделить следующие моменты:

– история религиозных общин немцев Казахстана в послевоенный период и политика, а также мероприятия партийных, советских и административных органов республики в отношении немецких конфессий вследствие своей неосвещенности приобрела характер реальной научной проблемы, с другой стороны, изучение локальной истории этих различных в конфессиональном отношении общин позволит на более качественном уровне решить важную задачу – создание обобщающего исследования по истории и конфессиональной жизни немецкого населения Казахстана в послевоенный период;

– еще один момент определяет актуальность этой темы – доступ к архивным документам, который позволит на более качественном уровне исследовать развитие государственно-конфессиональных отношений в послевоенный период на территории этого региона.

Репрессии, проводившиеся против национальных меньшинств в советское время, осуществлялись по различным признакам – классовым, религиозным, социальным, национальным. В большинстве случаев эти признаки

во многом совпадали. Так, например, верующие немецкой национальности, которые будучи репрессированы по национальному признаку в годы Великой Отечественной войны, подверглись в дальнейшем преследованиям по религиозным мотивам. Официальная доктрина проведения антирелигиозной и атеистической пропаганды в отношении немецких конфессий Казахстана широко иллюстрируется мероприятиями, проводимыми советскими и партийными органами республики.

В плане изучения и исследования данной проблемы важное значение приобретают архивные документы Центрального Государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), а именно его фонды, в которых сосредоточены довольно информативные документальные материалы. Особенно интересны в этом плане архивные материалы фонда 1711 (Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете министров Казахской ССР).

В процессе работы с архивными источниками удалось выявить определенный комплекс архивных документов о религиозной жизни немецких конфессий в послевоенный период в Казахстане. Кроме того, на основе этих документальных материалов можно проследить конкретные мероприятия партийных и государственных органов республики в отношении этих конфессий в крае. В фонде хранятся документы с периода 1945 по 1991 годы. В этом фонде имеются документы, содержащие в себе различные сведения о состоянии и развитии немецких общин, их количественном составе, а также контроле их деятельности со стороны партийных, советских и административных органов Казахстана. Из архивных документов следует, что мероприятия, проводившиеся партийными и советскими органами в отношении немецких конфессий и сект, носили чисто пропагандистский характер, вытекающий из общей

антирелигиозной политики, проводимой Советской властью.

Архивные материалы свидетельствуют также и о том, что реализация закона об отделении церкви от государства осуществлялась в Казахстане с огромными нарушениями. Архивные и документальные материалы фонда – это в основном материалы делопроизводства: различные информационные отчеты, докладные записки, статистические сведения о наличии различных конфессии и сект среди немецкого населения по областям Казахстана, переписка ведомственных учреждений по вопросам развития различных видов вероисповеданий среди немецкого населения. Практически в данном архивном фонде собраны материалы, которые отражают все стороны религиозной жизни немцев Казахстана, по всем областям, где имелись компактные поселения представителей этого этноса. Предложенная статья не претендует на полное, всестороннее освещение вопросов в изучении этой проблемы, ее цель более узкая, а именно ввести в научный оборот материалы этого архивного фонда. До начала Великой Отечественной войны, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, в Казахстане проживало 51,1 тыс. лиц немецкой национальности. В том числе, как показывает ниже приведенная таблица по областям Казахстана, в довоенный период в стране проживало следующее количество лиц немецкой национальности.

Таблица 1

**Количество немецкого населения Казахстана
(по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.)**

Области Казахстана	Количество немецкого населения (тыс.)
Акмолинская губерния	21,2
Кустанайская губерния	13,4
Семипалатинская губерния	11,8
Актюбинская губерния	1,7

Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М., 1929. – Т. IX. [1].

Кроме того, надо отметить, что значительная часть немецкого населения Казахстана в предвоенный период среди общего количества населения распределялась в процентном отношении следующим образом: в восьми районах Кустанайского округа – 93,7% населения; в шести районах Акмолинского округа – 94,4 %, в четырех районах Павлодарского – 83,1%; в пяти районах Семипалатинского округа – 82,4; в семи районах Петропавловского – 65,6%; незначительным был удельный вес немцев в Сырдарьинском округе – 24,1 %, Актюбинском – 14,4% [2, с. 47–48].

В предвоенный период немецкие поселения длительное время вели в Казахстане обособленный образ жизни, поэтому немцы в этот период оставались вне поля зрения Казахской краевой партийной организации ВКП(б). Для населения немецких сел Казахстана в предвоенный период была характерна национально-религиозная обособлен-

ность. Причина заключалась не только в том, что представители лютеранской, католической веры, а также меннониты были фанатично преданы своим религиозным верованиям, но также и тем, что более зажиточные крестьяне оказывали поддержку своим бедным односельчанам. Интерес партийных и советских органов Казахстана к немецким конфессиям в послевоенный период был вызван, прежде всего, развитием массовой депортации немцев в годы Великой Отечественной войны на территорию республики. Помимо этого, интерес к немецким конфессиям со стороны партийных и советских органов в Казахстане после окончания Великой Отечественной войны определялся также и тем, что обособленное существование немцев в мононациональных селах способствовало сосредоточению на религиозных и этнических традиционных ценностях в узких рамках религиозной общины, что, по мнению работников партийного и советского аппарата, должно было ввести к формированию обостренных национальных чувств [3, с. 605].

В основном депортированные немцы были размещены в Карагандинской, Акмолинской, Кокчетавской, Северо-Казахстанской, Кустанайской областях. В 1946 году уполномоченный по делам религиозных культов при Совете министров Казахской ССР Сабитов разослал всем областным уполномоченным письмо с требованием о выяснении количества религиозных обществ и групп среди немецкого населения. В письме от 21.01.1946 года Сабитов писал уполномоченному Совету по делам религиозных культов по Западно-Казахстанской области Кадырбалину о том, чтобы последний предоставил информацию об общинах баптистов и молокан, которые имелись в Джальбинском уезде области [4, л. 108].

К августу 1946 года от областных уполномоченных по делам религиозных культов стали приходить известия о

состоянии и деятельности религиозных общин и групп среди немцев. Так, например, в письме уполномоченного по делам религиозных культов по Восточно-Казахстанской области от 17.08.1946 года сообщалось: «В Восточно-Казахстанской области немцы-лютеране собираются на молитвенные собрания на частных квартирах» [5, л. 236].

В письме от 9.12.1946 года уполномоченный по делам религиозных культов по Восточно-Казахстанской области конкретно указывал районы, где имелись лютеранские общины немцев и их количественный состав. Он писал: «лютеране немцы имеются в Шемонаихонском и Маркакульском районах в количестве 10–15 верующих человек, но ходатайств об открытии молитвенных домов от них не поступало. Собрания проводят по частным квартирам. Официального пастора они не имеют. Деятельность лютеран немцев требует дальнейшего изучения» [6, л. 157].

В среде вновь прибывшего немецкого населения, кроме последователей лютеранской веры, оказались также католики и последователи учения евангельских христиан-баптистов и меннонитов. Надо отметить, что после окончания Отечественной войны общины и группы евангельских христиан-баптистов, состоящие преимущественно из немцев, стали подавать заявления об открытии молитвенных домов. В письме Председателю Совета по делам религиозных культов при СНК СССР Полянскому от 20.03.1946 года уполномоченный по делам религиозных культов при Карагандинском облисполкоме Джумагалиев относительно просьбы ЕХБ об открытии молитвенного дома писал: «В 1945 году поступило заявление на имя бывшего уполномоченного по делам религиозных культов по Карагандинской области т. Рахимова об открытии молитвенного дома ЕХБ, проживающих в поселке Компейск Карагандинской области Казахской ССР, сообщаю, что ходатайство об открытии молитвенного дома в поселке

Компейск было отклонено ввиду того, что все верующие, подписавшие заявление лишены избирательных прав как спецпереселенцы. Для сведения сообщаю, что подписанное ходатайство об открытии молитвенного дома проживающих с 1931 года (без выезда) количество верующих около 70 человек, из них членов общины – 5» [7, л. 241].

Кроме того, группы евангельских христиан-баптистов были неоднородны по своему составу и в них входили также меннониты, которые скрывали свою конфессиональную принадлежность. Что касается общин лютеран и католиков, то они до 1955 года не возбуждали ходатайств о регистрации их приходов и общин. Объяснялось это тем, что до 1955 года на территории Казахстана не было ни одного лютеранского и католического пастора. Вызвано было это и тем, что в годы правления И.В. Сталина немцы не имели прав, и только после смерти вождя была отменена спецкомендатура и многие получили возможность вернуться к своим близким и родным в Казахстан.

Приток религиозных деятелей из числа лютеран и католиков начинается с 1955 года, когда в Казахстан стали прибывать служители и поселяться преимущественно в деревнях, где проживало немецкое и польское население. Во многом деятельность партийных организаций Казахстана по отношению к религиозным обществам и сектам немцев в середине 1950-х годов определялась постановлениями ЦК КПСС, принятыми в 1954 году. Исходя из этих постановлений определялось развитие государственно-конфессиональных отношений в послевоенный период, что в свое время служило идеологическими установками в проведении антирелигиозных компаний. Начало было положено, как уже отмечалось постановлением ЦК КПСС от 7 июня 1954 года «О преодолении недостатков в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и от 10 ноября 1954 года выходит еще одно постановление «Об

ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [8, с. 72–77].

Эти постановления 1954 года послужили и во многом способствовали усилению антирелигиозной компании против верующих, а также церкви. Помимо центрального органа, осуществляющего надзор за деятельностью немецких приходов на территории Казахстана, имелись также и областные представительства уполномоченных по делам религиозных культов, деятельность которых определялась различными решениями бюро ЦК Коммунистической партии Казахстана, направленных на усиление атеистической пропаганды среди немецкого населения. Во многих информационных отчетах областных уполномоченных по делам религиозных культов упоминается, что численность верующих различных конфессий среди немцев Казахстана была невелика и в основном не превышала 40–45 человек. К тому же данные группы верующих в основном состояли из числа пожилых людей, составляющих 70–75% немецких общин [9, л. 66].

В основном лютеранские и католические приходы на территории Казахстана были распространены в сельской местности. Так, например, в информационном отчете Каратаева, уполномоченного по делам религиозных культов при Семипалатинском облисполкоме, от 13 августа 1959 года упоминалось: «В селе Ивановка Ново-Покровского района Семипалатинской области имеются лютеранские группа, которая состоит из 20–25 человек. В селе Петропавловка этого же района также имеется группа лютеран в количестве 17 человек». Кроме того, в отчете отмечалось, что общее число действующих приходов лютеран и католиков по Семипалатинской области в 1959 году насчитывалось 23 группы [10, л. 75].

Многие приходы лютеран и католиков Казахстана не имели пасторов для отправления религиозных культов.

Поэтому эти приходы были вынуждены обращаться к уполномоченным по делам религиозных культов при областных исполнительных комитетах с просьбой о разрешении пригласить для совершения обрядов пасторов и ксендзов. Так, например, члены одной из старейших лютеранских общин на территории Северо-Казахстанской области в с. Петерфельд неоднократно обращались с просьбой к уполномоченному по делам религиозных культов дать им разрешение на приезд пастора Бахмана из Акмолинска для совершения в их общине религиозных обрядов. К сожалению, многие просьбы верующих оставались без внимания. В 1959 году в Казахстане проживало 4 католических ксендза и 2 лютеранских пастора. На 1 мая 1959 года на территории Северо-Казахстанской области было зарегистрировано 102 религиозные общины и группы, состоящие преимущественно из лиц немецкой национальности.

Таблица 2

Количество религиозных общин и групп среди немецкого населения Северо-Казахстанской области на 1 мая 1959 года

Вероисповедание	Кол-во общин и групп
Лютеране	51
Евангельские христиане баптисты	26
Католики	19
Меннониты	6

Сост. по: Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф – Р 1711. Оп. 9. Д. 15. Л. 112.

Разумеется, эти цифры, приведенные в таблице, не представляют полной картины о количестве общин и

групп среди немцев Северо-Казахстанской области, так как многие лица немецкой национальности скрывали в годы Советской власти свою принадлежность к той или иной конфессии. Причем, рассматривая состав общин ЕХБ в приведенной таблице, указаны только те общины, которые являлись чисто немецкими, но не указаны смешанные русско-немецкие общины. В конце 1950-х – начале 1960-х годов на территории Казахстана для верующих немецкой национальности существовало и действовало одно официально зарегистрированное общество лютеранской веры в городе Акмолинске со служителем пастором Бахманом, в обязанности которого входило также обслуживание религиозных нужд верующих лютеран Акмолинской области. Особое внимание партийные, советские и административные органы Казахстана уделяли методам работы сектантов среди населения. Так, в информационном отчете о методах работы сектантов среди населения Алма-атинской области от 12.12.1958 года отмечалось: «особенно ЕХБ и адвентисты 7-го дня проявляют большую активность в области, что способствует увеличению числа общин и количества их единоверцев» [11, л. 163].

В отчете указывалось, что деятельность баптистов и лютеран немецкой национальности среди населения Алма-атинской области мало активна и их влияние на население незначительно, так как они в большинстве своем остаются замкнутыми. В конце 1950-х – начале 1960-х годов в Казахстане усиливаются мероприятия со стороны партийных и советских органов в отношении общин верующих лютеран. В одной из докладных записок уполномоченного по делам религиозных культов при Карагандинском исполкоме за 1959 год отмечалось, что по информации райсовета Каркаралиского района Карагандинской области имеются негативные сведения о фактах организации богослужений представителей немецкой национальности. Поэтому упол-

номоченный по делам религиозных культов просил облисполком об оказании помощи при изучении деятельности верующих немцев-лютеран и принять строжайшие меры к прекращению их активизации» [12, л. 91].

Деятельность уполномоченных по делам религиозных культов в начале 1960-х годов определялась постановлением ЦК КПСС от 16.03.1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательств о культах». Исходя из этого постановления уполномоченный по делам религиозных культов по Северо-Казахстанской области Ляпунов дал в информационном отчете довольно обширную информацию, касающуюся наличия религиозных общин и групп среди немецкого населения области. В частности, в отчете он отмечал: « В области существует и осуществляют свою деятельность 14 незарегистрированных лютеранских групп, которые по своему составу являются небольшими от 6 до 10 человек верующих. Кроме этого, как отмечал уполномоченный в области имелись и смешанные лютеранские группы, в которые входили также баптисты и меннониты» [13, л. 82]. Особенно в отчете Ляпунов подчеркивал, что среди ортодоксальных лютеранских групп имеются группы так называемых лютеран-бетбрудеров, принадлежащих к более замкнутому течению лютеранской церкви и близких к сектанству [13, л. 83].

В 1961 году в Северо-Казахстанской области насчитывалось 107 католических групп. В большинстве своем все верующие католики были немцами по национальности. Однако в 1961 году активная деятельность католических групп по области резко спала, что можно объяснить рядом причин: прекращение приездов в область незарегистрированных пасторов из Кокчетавской и Карагандинской областей и отъезд из области части религиозного актива групп в связи с изменением правового положения граждан немецкой национальности [13, л. 84].

В целом, хотелось бы отметить, что немецкие общины и группы, распространенные на территории Казахстана, вплоть до распада Советского Союза находились под строжайшим наблюдением как советских, так и административных органов. В послевоенные годы наметилась определенная тенденция в отношении органов власти к религиозным конфессиям немцев на территории Казахстана. Во-первых, незначительное усиление надзора за немецкими конфессиями в Казахстане в период 1945–1947 годов объяснялся слабым распространением их влияния на территории республики среди населения. С другой стороны, одним из направлений репрессивной политики советского режима является преследование немцев по религиозным мотивам, что в той или иной форме характеризует весь послевоенный период в истории немцев Казахстана.

Источники и литература

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М., 1929. – Т. IX.
2. Из истории немцев Казахстана (1921–1991) : сб. док. / сост. И.Н. Буханова, Т.Б. Митропольская. – Алматы; М., 1997.
3. Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. – М., 2008.
4. ЦГА РК. Ф – Р 1711. Оп. 1. Д. 11.
5. ЦГА РК. Д. 10.
6. Там же. Д. 11.
7. Там же. Д. 10.
8. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документы КПСС и Советского государства. – М., 1981.
9. ЦГА РК. Ф – Р 1711. Оп. 9. Д.15.
10. Там же. Оп. 8. Д. 15.
11. Там же. Оп. 89. Д. 15.

12. Там же. Оп. 2. Д. 87.

13. Там же. Оп.1. Д. 89.

Сведения об авторах

Абуов Нурболат Аскерович – заведующий кафедрой истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (Петропавловск), кандидат исторических наук, доцент (E-mail: abuovnur@mail.ru).

Аманова Асель Сериковна – доцент Павлодарского государственного педагогического института, кандидат исторических наук (E-mail: amanova803@mail.ru).

Амантаева Бакыт Жумагазиевна – профессор Государственного университета имени Шакарима (Семей), доктор исторических наук, профессор (E-mail: batantaeva@mail.ru).

Аупенова Алия Укужановна – преподаватель истории и социально-политических дисциплин Карагандинского технико-строительного колледжа (E-mail: aliya.aupenova@mail.ru).

Ахметова Раушан Дюсенбековна – доцент Государственного университета имени Шакарима (Семей), кандидат исторических наук (E-mail: r.d.akhmetova@mail.ru).

Байманова Ляззат Сейтзиевна – заведующая кафедрой иностранных языков Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, кандидат филологических наук, доцент (E-mail: ljasat@mail.ru).

Блинова Анна Николаевна – научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук (E-mail: anblinova@mail.ru).

Блялова Айжан Сатжановна – младший научный сотрудник Историко-краеведческого музея Нурина района, магистр гуманитарных наук (E-mail: aizhanblyalova@mail.ru).

Борисенко Алиса Юльевна – старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, кандидат исторических наук (E-mail: aborisenko2@mail.ru).

Буданова Юлия Павловна – заместитель директора по научной работе Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья (E-mail: muzei_lis@mail.ru).

Жанбосинова Альбина Советовна – профессор кафедры истории Казахстана Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск), доктор исторических наук (E-mail: sovetuk@rambler.ru).

Камалджанова Тахира Анваржановна – доцент АО «Финансовая академия» (Астана), кандидат исторических наук.

Козыбаева Махаббат Маликовна – ученый секретарь Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы), PhD (E-mail: koz.mahabbat_85@mail.ru).

Курманова Сулушаи Рахимжановна – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Омск), кандидат исторических наук (E-mail: kurmanova-slu@mail.ru).

Кушкарова Гульмира Кенесовна – доцент кафедры иностранной филологии Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова, кандидат филологических наук, доцент (E-mail: gulmiralihan@mail.ru).

Легкий Дмитрий Максимович – профессор кафедры истории Казахстана Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, доктор исторических наук (E-mail: Legk_d@mail.ru).

Мусаева Суйкум Тулембаевна – доцент Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауезова (Шымкент), кандидат педагогических наук (E-mail: suikum@mail.ru).

Отарбаева Гулжан Кобеевна – заведующая кафедрой всеобщей истории и музейного дела Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауезова (Шымкент), кандидат исторических наук, доцент (E-mail: gul_4979@mail.ru).

Подопригора Юлия Ивановна – мультипликатор по культуре Информационно-образовательного центра немцев в Казахстане (Алматы), кандидат исторических наук (E-mail: podoprigora178@gmail.com).

Тохметова Гульнар Масеновна – старший преподаватель кафедры истории и Ассамблеи народа Казахстана Павлодарского государственного педагогического института (E-mail: tohmet@mail.ru).

Уалиева Гульмира Куанышевна – преподаватель кафедры истории Казахстана и АНК Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, магистр гуманитарных наук (E-mail: gulmi877@mail.ru).

Худяков Юлий Сергеевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), доктор исторических наук, профессор (E-mail: khudjakov@mail.ru).

Шарипов Акан Аскарбекович – археограф Государственного архива Акмолинской области (Астана), магистр гуманитарных наук (E-mail: 87014773943@mail.ru).

Шмидт Вальдемар – сотрудник университета Регенсбург (Германия), магистр истории (E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de).

НЕМЦЫ КАЗАХСТАНА И СИБИРИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
Материалы Международной научно-практической конференции

Компьютерная верстка
К.Ю. Гизиева

Дизайн обложки
М.Л. Бережнова

ISBN 978-5-86443-262-6

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: heritage@mtu-net.ru, cdn-nasledie@mail.ru

Международная научно-практическая конференция «Немцы Казахстана и Сибири: история и современные проблемы развития» прошла в октябре 2017 года в дистанционном формате. В конференции приняли участие преподаватели, докторанты, магистранты, сотрудники научных учреждений, музеев и архивов, представители органов управления и учреждений образования.

Материалы конференции включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), а также доступны в электронном виде на сайте Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (<http://sfrik.omskreg.ru>).